

СТОЛИЦА

№9 (171) 1994г.

PREUSSISCHER
STAATS-
BIBLIOTHEK
ZU BERLIN
KULTURBESITZ

**Под сенью
девушек
в цвету
(Бомжи
в России)**

страницы 26-45

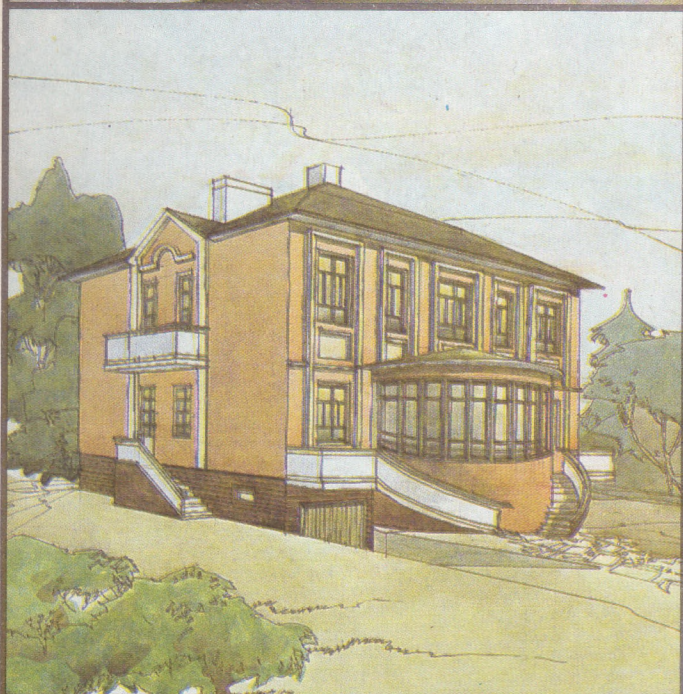
иллюстрированный еженедельник

Зам 76878

ЗАГОРОДНЫЕ ВИЛЛЫ —

«ПОД КЛЮЧ»

Объединение «Интекс» — одна из ведущих фирм, занимающихся строительством загородных домов. Дома, построенные «Интексом», соответствуют мировому уровню комфортности. Фирма располагает собственной строительной базой и современной строительной техникой. Квалификация персонала позволяет строить с европейским качеством.

Фирма ведет строительство в наиболее известных и престижных районах ближнего Подмосковья: Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николина Гора, Уборы и оказывает содействие в приобретении земельных участков под строительство.

Заказчику есть из чего выбирать: в каталоге фирмы — более 30 проектов. Возможна разработка и индивидуального проекта. «Интекс» строит «под ключ», при желании внутренняя отделка может быть полностью импортной. Объединение строило загородные дома для многих известных людей России. Недвижимость — лучшее вложение капитала!

Тел: (095) 180-40-31

Ирина САВВАТЕЕВА

РАЗРУШЕНИЕ МИФА

Последнее, что сделал бывший министр финансов Борис Федоров, покидая свой пост, — завершил внушительный труд под названием «Российские финансы в 1993 году». Документ этот остался мало замеченным — и напрасно. Возможно, его стоило бы издать массовым тиражом с подзаголовком типа: «Отечественный «монетаризм»: мифы и реальность». Право, весьма познавательное чтение.

Фото Э. Кудрявицкого

Борис Федоров, надо отдать ему должное, оказался не самым заурядным руководителем финансового ведомства. В сфере его интересов оказались и вопросы макроэкономики, и кредитная политика, и бюджетная реформа. Он выпускал Государственные казначейские обязательства и золотые сертификаты; совершенствовал структуру Минфина и укреплял его позиции внутри правительства. Он распорядился изготовить медаль имени Витте, которая должна была раз в год вручаться лучшему финансисту, банкиру, специалисту в области страхового дела. С приходом Федорова в зале заседаний Минфина появилась галерея портретов главных российских финансистов, а в приемной министра — цитата Сокольникова, напоминающая всем приходящим за деньгами: «Эмиссия — опиум для народного хозяйства». Об этом же, не без участия Бориса Григорьевича, были поставлены в известность, вероятно, сотни тысяч москвичей и гостей столицы, имевшие возможность ознакомиться с лозунгом аналогичного содержания, который развеивался несколько дней у входа в Минфин. Той же цитатой из Сокольникова открывается и еще одно начинание Бориса Федорова — обзор финансов ушедшего года.

Сам факт появления этого доку-

мента — событие неординарное. Между тем в цивилизованном мире подобного рода ежегодные отчеты — традиционная практика. Обзор «Российские финансы в 1993 году», в работе над которым принимали участие многие специалисты Минфина, содержит не только анализ бюджетной и кредитно-денежной политики, проблемы долгов и валютного рынка — он также подводит итоги ушедшего года, выявляет суть экономического и политического противостояния внутри правительства и вне его, анализирует состояние производства в России. В «Приложениях» опубликованы многочисленные документы — от указов президента до служебных записок.

Специальный раздел посвящен отечественному экономическому мифотворчеству. Ну, например, схожее и весьма популярное: «начала рост производства, потом — финансовая стабилизация». Вот что пишут по этому поводу авторы: «Сторонники подъема производства всегда забывают сказать, за счет чего они его собираются поднимать. Для этого нужны деньги, а они могут быть получены быстро только за счет роста дефицита и эмиссии. Что увеличит инфляцию, обесценит инвестиции и оборотные средства, которые придется вновь пополнять за счет эмиссии, и так до бесконечности. Ссылки на

Кейнса, Эрхарда, Японию безграмотны. (А также на опыт Франции — так и хочется добавить после недавних откровений господина Сосковца на встрече с министром обороны Франции. — И.С.) Никто и нигде в здравом рассудке не рекомендовал стимулировать производство за счет эмиссии».

А вот и по поводу «немонетарной» природы инфляции в России, ее «затратного» характера, вызванного якобы высокой степенью монополизации экономики и отсутствием конкуренции: «Действительно, инфляция не имеет одной-единственной причины, и монополизм дает возможность бесосновательно повышать цены. Однако в нашем случае очевидно, что степень монополизации экономики быстро уменьшается, а конкуренция быстро развивается, в том числе за счет импорта...» Авторы обзора считают, что в 1993 году монетарные факторы определяли состояние инфляции процентов на 70—75 и уж все остальное — это влияние «затратного механизма», валютного курса и других причин.

Ну и, наконец, о самом — для многих критиков — сокровенном: «о шоковой терапии», «монетаристском эксперименте», отсутствии «социальной ориентированности». Минфиновские «монетаристы» убеждены: если бюджетный дефицит в размере 10 процентов от

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Новая рубрика — «Газетный цех»

А.Ерохин. Издание № 6:
Называются «Московским комсомольцем» в пору ярко выраженного антикоммунизма — это же такая классная фенечка, такой прикамбас шикарный, такой приколы!

6

В.Козловский:

В Обществе еврейской культуры «Шалом» участвовали десятки людей, многие из них могли бы прокомментировать роль, которую играл в нем Жириновский.

12

Ю.Устименко:

В Вашингтоне начали понимать, что рецепты Международного фонда по лечению российских болезней способны довести страну до состояния, когда останется лишь спросить, потел ли пациент перед смертью?

14

2 ЭКОНОМИКА

А. Тарасов:

Похоже, что «верхи» рассчитывают жить вечно... Например, меня рассмешило в программе Шаталина, что там все прямо расписано по срокам. Но — каким? Смотрите: стабилизация — 2 года, потом 10 — возврат к уровню 1990 года, и только потом, еще через 3 года, приступают к рыночным преобразованиям! Эти программы — и Шаталина, и Глазьева — меня пугают: они обе основаны на отрицательном мировом опыте.

20

Р.Дахаев, создатель и владелец ТЭПКО М:

Я не родился миллионером, все гораздо прозаичнее: школа, армия, потом институт, Госкомстат, откуда я вылетел с грандиозным скандалом... Поддержался туда-сюда, затем был принят в банк МЕНАТЕП рядовым экономистом. Через год я стал директором по инвестициям в ранге вице-президента банка, а еще через год открыл собственное дело...

22

3 ЖИЗНЬ

Специальный раздел
Отверженные

Б.О.М.Ж. — без определенного места в жизни

Они Чужие среди нас. Не похожие на нас. Живущие не так, как мы. Странные. Непонятные. Пугающие. Почти как инопланетные пришельцы в голливудском супертриллере. Бродяги. Нищие. Оборванцы. «Отбросы общества».

Кто они такие?
Сколько их?
Откуда они берутся?
Почему их стало вдруг так много?
Что с ними делать?

Над этими и другими вопросами размышляют журналисты, историк, представители благотворительных организаций и иммиграционной службы Аэрофлота, профессор Юридического института МВД.

26—45

4 КУЛЬТУРА

Ю.Ким:

Я чрезвычайно дергался в первые годы перестроечные, все пытался поспособствовать, протестовал и призывал... а потом вдруг осознал, что это не мое поприще.

50

Ю.Коваль:

Наконец, на песчаный бережок вышли две дамы в резиновых сапогах и норковых телогрейках. Заприметив нашего «Лавра», дамы принялись раздеваться. При этом они заманивали нас зазывными знаками и зывали заманчивыми. Мы крепились у телескопа, как вдруг боцман Чугайло прямо с борта кинулся в океан и с рычанием поплыл к острову...

56

Л.Петрушевская
Дикие животные сказки

62

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:

923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:

928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 25.02.1994 г.

Тираж 87 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов,

Н.Ударцева,

А.Остроухов,

И.Мельникова

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул.1905 г., д.7. Зак. 0104

валового внутреннего продукта финансируется за счет эмиссии, если инфляция за год составляет 900 процентов, если денежные доходы населения и средняя зарплата во всех отраслях растут быстрее цен, если безработица остается на уровне одного процента, если нет банкротств и закрытия предприятий, если, наконец, увеличивается потребление всех видов продовольствия и многих других товаров, — это все никоим образом не может именоваться шоковой терапией.

Что же касается «социально ориентированной рыночной экономики», то, по подсчетам авторов обзора, сегодня Россия превосходит все страны мира по количеству различных «социально ориентированных мероприятий». И если бы все, кому «положено», попытались прийти и вытребовать существующие на бумаге льготы, то «нам бы понадобилось еще два бюджета».

В документе категорически опровергается точка зрения многих российских «промышленников» о том, что жесткая финансовая политика привела лишь ко всеобщему спаду производства — спаду, не носящему структурного характера, затрагивающему все отрасли без разбору. «Спад имеет все более отчетливый структурный характер» — сказано однозначно. И больше всего, по данным Минфина, он в машиностроении и легкой промышленности — отраслях, производящих огромное количество неконкурентной продукции, на смену которой пришли теперь импортные товары. Аналогичная картина и с некоторыми продуктами питания.

В то же время производство топливно-сырьевых ресурсов сократилось существенно меньше. Здесь сказались и возможность экспорта. Увеличился выпуск отдельных видов сложной бытовой техники. На один процент вырос ввод в действие жилых домов. Причем этот показатель еще не учитывает «значительной части жилищного строительства». Видимо, имеются в виду садово-огородные города, которые вырастают сейчас как грибы после дождя.

А вот о злободневном: кредитная накачка. Борис Федоров берется доказать парадоксальную на первый взгляд мысль: кредитная поддержка производства в нынешнем виде ведет не к укреплению его, но к краху. Схема такая: «расширение предложения денег лишь на короткий срок стимулирует рост производства, но быстро разгоняет инфляцию и инфляционные ожидания. Следующие за этим неизбежные меры по ограничению кредитов и инфляции вызывают сокращение реального предложения денег и более существенный спад производства. В результате волнообразное движение кредитов и периодическая смена вектора жесткой денежной политики приводят к непрекращающемуся спаду производства... В некоторых странах, правительства которых долгие годы придерживались такой политики, дело заканчивалось деиндустриализацией и потерей основы промышленного потенциала».

Итак, некоторые итоги. В Минфине считают, что уже два года Россия живет в условиях гиперинфляции. Так как среднемесячный двад-

цатипроцентный рост цен является для нее «катастрофическим». Достижение же проводившейся в прошлом году политики заключается в том, что «ситуация не стала гораздо хуже».

Что же касается прогнозов на будущее, они безрадостны. «Мягкая» денежная политика, приверженцами которой являются многочисленные лоббисты, укрепившиеся в последнее время в правительстве, с точки зрения экспертов Минфина, приведет к быстрому росту курса доллара. Возможно даже, рубль станет падать скорее, чем будут расти цены. А это значит — усилятся бегство от российской валюты.

«В этой ситуации «курсовое» давление на темпы инфляции резко возрастет, скорость обращения катастрофически пойдет вверх, монетарный контроль за инфляцией будет утерян. Чтобы в этих условиях осуществить линию на поддержку производства и балансировать на грани выживания бюджетной сферы, кредитная эмиссия уже к середине года должна будет составить от 25—30 процентов ВВП». Но даже этот, самый божеский, по мнению Минфина, вариант ставит Россию на порог «украинизации» экономики: у соседей в прошлом году эмиссия достигла половины валового внутреннего продукта.

И все-таки, несмотря на мрачные прогнозы, Борис Федоров остается оптимистом: «Победа наших подходов неизбежна! Дело во времени». Может быть, однажды и этот лозунг украсит приемную Минфина...

Уважаемые московские читатели «СТОЛИЦЫ»

Если вы имеете возможность
приезжать за нашим журналом
в редакцию, мы подпишем Вас
по льготной цене:

1950 руб. — на квартал
650 руб. — на один месяц.

**Подписку можно оформить в
редакции по адресу:**

**ул. Петровка, д.22 (вход со
двора), комн. 610.**

Справки по телефону: 928-10-34.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы желаете преуспевать в этой жизни, быть здоровыми, жизнерадостными, уверенными в себе и в своем будущем! Уникальные программы ЦЕНТРА БЫСТРОГО ЧТЕНИЯ помогут Вам в этом. Вы будете читать в 5—10 раз быстрее, разовьете мышление и память

ВЫ ЗАБУДЕТЕ, ЧТО ЗНАЧИТ ЗАБЫВАТЬ!

Обучение ведется очно и заочно.

Для сотрудников предприятий, банков и фирм проводятся выездные занятия.

Наш адрес: 125047, Москва, 1-й Тверской-Ямской пер., дом 11, телефон: 251-99-47.

Есть такая партия

ДАЕШЬ МИЛЛИОН!

Со времен почившей в бозе КПСС еще ни одна политическая организация не рисковала выступать с заявлениями от имени чуть ли не всего народа. Но вот заполнен и этот пробел — Партия большинства (ПБ) наконец создана.

Съезд ПБ проходил при соблюдении беспрецедентных мер безопасности — даже делегатов прощупывали портативными металлоискателями при входе в зал. Журналистов же попросту загнали на балкон, где и заставили сидеть, дабы надзирающему за ними охраннику удобнее было следить сразу за всеми. Председатель оргкомитета и его замы появлялись на людях не иначе как в сопровождении телохранителей.

Создавали партию люди незначительные: кое-что ши-

рокой публике могут сказать только имена космонавта Павла Поповича и боксера Бориса Лагутина. Во главе же оргкомитета стояли три бизнесмена, в своей деятельности тесно связанные с правительством Москвы. Но слухи о создании «партии Лужкова» были решительно отвергнуты организаторами съезда, заявившими о совершенно случайном характере нахождения в руководстве ПБ близких к Юрию Михайловичу людей.

Голосовали «большевики» исключительно единодушно — то ли из-за отсутствия огромного количества охранников, то ли из-за чего-то еще.

Председателем партии избран Вячеслав Гречнев — 40-летний выпускник филологического факультета МГУ, долгое время трудив-

шийся на ниве организации иностранного туризма. Если верить официальным данным, он знает 7 языков, мастер спорта по боксу и обладатель дана по карате. Ко всему прочему его еще и отрекомендовали как «известного оригинального романиста». Просто энциклопедист какой-то!

По словам председателя ПБ, партий в России нет, а есть лишь группировки честолюбивых политиков из Москвы. Да и в высшем эшелоне власти тасуется одна и та же колода битых карт: то преподаватель марксизма-ленинизма, то кабинетный министр, который осмеливается учить экономике его, реального бизнесмена. Словом, нужно новое поколение политиков.

Хотя «большевики» и собираются стать выразителями интересов подавляющего большинства населения, но опереться они собираются почему-то на то, чего у нас в природе не существу-

ет, — на средний класс. Впрочем, интересы этого «среднего класса» пообещали защищать отдельно.

Программа ПБ незамысловата: неприятие крайних радикалов разного толка (будь то Валерия Новодворская или Владимир Жириновский, Дмитрий Васильев или Нина Андреева), создание социально-ориентированной экономики, противостояние проискам врагов России в ближнем и дальнем зарубежье, защита россиян за рубежом.

Достижению этих повышенных сообразительности должны служить: принцип демократического централизма, имеющиеся уже почти 50 региональных организаций и еще одно, всем обещаниям обещание — довести численность партии к лету до миллиона человек. Если намеченные темпы будут соблюдены, то к началу нового века беспартийных в нашей стране не останется.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

КАК ПОССОРИЛИСЬ «ДЕМРОССИЯ» С «ВЫБОРОМ РОССИИ»

Судя по всему, очередной гвоздь в крышку гроба некогда славного движения «Демократическая Россия» (ДР) был вбит на состоявшемся пленуме совета представителей этой организации. Характер мероприятия был предопределен еще тогда, когда исполком блока «Выбор России» и одноименная фракция в Государственной Думе выступили с инициативой создания партии либерально-консервативной ори-

ентации. Было совершенно очевидно, что речь пойдет о демороссовском наследстве. Предметом вождения выбороссов стал аппарат ДР и его региональные структуры.

Многочасовая закулисная обработка нужных людей привела к тому, что «Выбор» попросту дал «ДемРоссии» деньги на проведение давно намеченного пленума. У самой ДР давно уже нет средств не только на съезд,

но даже и на такое мероприятие, как пленум. Подкрепить свои претензии на наследство ДР приехал сам Егор Гайдар. Речь его не содержала каких-либо откровений. Он лишь заверил собравшихся в том, что не собирается поглотить ДР полностью, предполагая параллельное с ней существование. Были представлены аргументы в пользу создания некоего нового центра демократических сил с жесткой внутренней структурой, позволяющей более эффективно противодействовать антиреформаторским силам.

Основная битва развернулась вокруг альтернативы: блокироваться с Гайдаром и его партией либо объединиться всем вместе в некоем «сверхдвижении».

Сторонники линии Гайдара сулили обнищавшей ДР всяческие блага, а их оппоненты обвиняли Гайдара с ответными обвинениями в том, что они употребили «ДемРоссию» в собственных корыстных целях, что «Выбор» — партия чиновников

гос- и хозменклатуры. Споры разгорелись столь горячо, что один из сопредседателей движения, Л. Пономарев, с силой вырвал микрофон у вцепившегося в него обеими руками ведущего — другого сопредседателя, И. Заславского. После чего известный гроза парламентских хулиганов депутат А. Осовцов поднялся на сцену и вырвал микрофон уже у завладевшего им Пономарева и, восстанавливая попорченную справедливость, вернул его Заславскому.

Голосование по проектам резолюций фактически раскололо демороссов на два лагеря: чуть больше половины пожелали Гайдару с его партией всего хорошего, но ничего более того.

После чего пленум превратился уже в арену для выяснения отношений между сторонниками двух линий. В чем только не обвиняли приверженцев Гайдара, как только не призывали разобраться с ними (вплоть до изгнания из движения)! Не уступали пономаревцам с ответным поношением и гайдаровцы.

А.П.

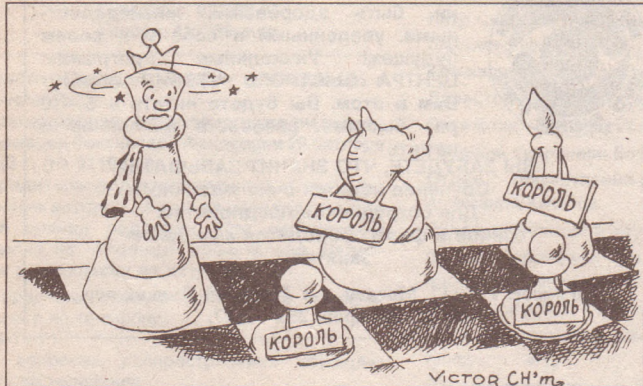

Рис. В.Чумачева

«МЫ НЕ ОБЯЗАНЫ ВАМ ПОМОГАТЬ!»

Чем занимаются правозащитники? Станный вопрос — ответ заложен в самом названии. Но Международное общество прав человека помимо своей основной деятельности (защита прав заключенных, детей, инвалидов, военнослужащих) проводит еще и работу по организации реальной и осязаемой гуманитарной помощи. На прошедшей в Министерстве социальной защиты пресс-конференции представлявшие эту организацию Фернан Дондт и Борис Миллер сообщили о последней акции: передаче российским медицинским учреждениям большой партии медикаментов. В основном это ин-

сулин для больных сахарным диабетом. Со слов выступивших на пресс-конференции медиков стало ясно: с обеспечением больных диабетиков лекарствами положение просто критическое — своего инсулина высокого качества мы не производим. А только в Москве в нем нуждаются 18 тысяч человек, из них 500 детей...

Но для нас больший интерес представляет и принципиальная позиция руководителя организации Фернана Дондта. В ответ на довольно назойливые наскоки журналистов, он довольно резко и резонно заметил: вам никто не обязан помогать! В российском общественном

мнении, сказал господин Дондт, существует довольно стойкая убежденность: Запад обязан вам помочь. «Но наше общество считает себя обязанным помогать в первую очередь нашим бывшим колониям». И с какой радости деньги, скажем, налогоплательщиков Германии должны быть потрачены на Россию?! Германия отнюдь не корова, которую можно беспрестанно доить: «99 процентов средств на оказание вам гуманитарной помощи мы получаем от частных лиц. Мы не берем деньги от государства, нам помогают только люди доброй воли...» А посему нам прозрачно порекомендовали рассчитывать в основном на себя. «Заграница нам поможет», но на ограниченность этой помощи нам не стоит обижаться.

В.В.

ХРОМОЙ ХРОНОГРАФ

ОДНИМ ПОДПИСАНТОМ СТАЛО БОЛЬШЕ

Президенты России и Татарстана подписали наконец соглашение «о разграничении ведения и делегировании полномочий». Отныне в соответствии с расписанием Б.Н.Ельцин будет по четным дням исполнять обязанности президента Татарстана, а по нечетным — России, а г-н М.Шаймиев — наоборот.

БЫЛОЕ И ДУМА

Утреннее сообщение. Владимир Вольфович поругался со своим главным администратором г-ном Кобелевым! Или это г-н главный администратор поругался с Владимиром Вольфовичем? Впрочем, не в этом дело! Главное, что оба действующих лица этой коммунальной истории обещают наконец-то начать рассказывать друг о друге правду.

Вечернее сообщение. Владимир Вольфович помирился со своим главным администратором г-ном Кобелевым. Или это г-н главный администратор г-н Кобелев, проявив инициативу, первым помирился с Владимиром Вольфовичем?.. Впрочем, как и утром, не в этом дело! Главное, что оба действующих лица этой коммунальной истории обещали никогда не рассказывать правду друг о друге...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА?

Российские руководители предполагают ввести особую ответственность за неплатежи наших граждан друг другу, «вплоть до уголовной». Учитывая предыдущие заявления руководителей правительства, что «в России сейчас все должны всем», остается предположить, что вместо объявленной ранее ваучеризации и электрификации, РФ станет страной сплошной уголовниковизации... Ввиду явной нехватки посадочных мест все взрослое население страны, очевидно, будет содержаться под пожизненным домашним арестом.

АМЕРИКА РОССИИ ПРИСЛАЛА... «FOREIGN POLICY»

Раньше Америка прислала нам зерно (в обмен на наши нефтедоллары), ноты протеста и обещала послать ракеты. Последнее было взаимным. Позже стали давать кредиты. Где они? Задайте этот вопрос Горбачеву и Герраченко. Затем наступила эра «ножик Буша» и экономических советников. Чьими советами, впрочем, никто так и не воспользовался. Денег уже не давали, но еще обещали. Теперь не пахнет даже обещаниями кредитов, экономических советники упаковали свои чемоданы, а им на смену приходят люди, пытающиеся разъяснить россиянам самую насущную для них проблему — внешнюю политику президента Клинтона.

Роль подобного «комиссара в пыльном шлеме» взял на себя выступивший в российско-американском информационном пресс-центре Чарльз Уильям Мэйнс, главный редактор журнала «Форин полиси». Это издание Фонда Карнеги. Его нынешний редактор, господин Мэйнс, долгое время работал во внешнеполитическом ведомстве США, а в 1968—1970 гг. был экономическим советником американского посольства в Москве.

По его мнению, чтобы понять те или иные шаги адми-

нистрации США, надо бросить беглый взор на всю предшествовавшую американскую внешнюю политику. Со дня японского удара по Пёрл-Харбору, 7 декабря 1941 года, США переживают что-то вроде перманентного кризиса.

Долгое время американцы жили с ощущением того, что где-то есть враг, который может их «достать». Но теперь такого врага нет и появился вакуум.

Господин Мэйнс считает, что внешняя политика Клинтона достаточно сильно отличается от политики администрации Буша. Мэйнс даже назвал правительство Клинтона наиболее проазиатски настроенным.

Но нас, разумеется, в большей степени интересует политика США по отношению к России. Редактор «Форин полиси» считает, что Клинтон не очень смел в своих отношениях с новой Россией. Под этим подразумевается недостаточность усилий по оказанию экономической помощи. Сравним нынешние довольно хлипкие усилия с послевоенным «планом Маршалла», когда США передали на восстановление Европы

100 миллиардов долларов, экс-дипломат заявил: необходим новый «план Маршалла», и он еще возможен. Но пока Клинтон фактически идет по стопам Буша.

Шансы других постсоветских республик на получение западной экономической помощи были оценены как нерезальные, американский деятель выступил ярким сторонником восстановления единого экономического пространства на территории бывшего СССР: «Иного пути нет».

«В 1919 году мы посадили разгромленную Германию в клетку, и что из этого вышло? — Через двадцать лет произошла война...» Намек достаточно прозрачен: России надо помогать больше и лучше...

Владимир ВОРОНОВ

Иллюстрация
из газеты
«Московский
комсомолец»

Алексей ЕРОХИН

Он поставил передо мной исключительно сложную творческую задачу: написать о (...), не употребляя слова «гнида».

Из общественно-политической
молодежной газеты

Издание № 6

Блеск и нищета «МК»

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Свой первый в жизни гонорар автор получил около двух десятилетий назад в газете «Московский комсомолец».

Его сумма составила
4 руб. 62 коп.

По тем временам — ровно
бутылка «Старки».

Наверное, не все помнят,
что это такое.

Да, про «Старку» не помнят — но и про «Московский комсомолец» не помнят тоже. Про тот. Который не «МК».

Газета была очаровательная. Вряд ли припомню коллегу-ровесника, кой хоть раз бы по молодости в ней не впечатался. Гонорары были там рекордно низкими (пример см. выше), а пропускная способность авторского состава — рекордно высокая. Как бы такая добрая и податливая женщина, через которую все пацаны нашей деревни должны обязательно пройти, дабы вкусить первоначального опыта. Обзывать ту женщину нехорошим словом никак не стоит, поскольку была она абсолютно честной давалкой, по греху с которой не грех испытать и ностальгию, ибо первое теплое добро живет, по идее, в тебе всю жизнь. Стиль, по тем временам, допускался максимально раскованный, на длин-

ные, а-ля битловские, волосы залетного автора не косились, как на ядерную чуму, а за мини-антисоветский борзеж в тексте всего лишь журили с понимающей улыбкой, вежливо вырубая сомнительный в политическо-цензурном смысле абзац и — чисто фигурально — поглаживая по головке. Совсем не больно, даже приятно, как в фильме тех лет «Доживем до понедельника» — «главное, чтобы тебя понимали». Вам сейчас, может быть, смешно, а тогда такое стоило многого. Больше, чем 4.62.

Но времена меняются, за что им большое спасибо.

***

Времена — да! — изменились, но не изменилось название. «Московский комсомолец» — это звучит гордо.

Бесноватый «День», помнится, постоянно тыкал в морду «МК» его (ее?) титулом: мол, носить такое наз-

вание нынче — это то же самое, что сохранять название «Вестник гитлергенда».

Справедливо. Даже более чем.

Но у любого нормального квази-или просто интеллигента при чтении подобной хулы срабатывает безусловный рефлекс отторжения: то, что ругают козлы, отдавать нельзя ни в коем случае. Просто инстинкт срабатывает элементарный, по типу Бродского: если Евтушенко против колхозов, то я — за них непременно. (Евгений Александрович, кстати: Бродский тут ОЧЕНЬ не одинок! — хотя и ненавидим мы колхозы еще со времен школьного Шолохова.)

Вот так и с «МК»: не надо переименовывать его в, допустим, «Московского якобинца». И тому есть три очевидные причины — как минимум.

Причина первая — романтическая. У мореходов считается дурной приметой менять названия кораблей. К примеру, королевский пират Фрэнсис Дрейк, которого автор глубоко уважает, в ходе одной из своих замечательных экспедиций сдуру (либо из чванства) переименовал свое флагманское судно из «Великана» в «Золотую лань» — и его эскадру тут же одолели мстительные напасти в виде штормов, испанцев и проч.

Причина вторая — сугубо канцелярская. Перерегистрация, смена «фирмы» (то есть заголовка на первой полосе) — хлопотно.

Причина главная — психологическая: «Золотого якобинца» хрен кто купит, ввиду его неопознанности.

И вообще, называться «Московским комсомольцем» в пору ярко выраженного антикоммунизма — это же такая классная фенечка, такой прибабас шикарный, такой приколот! Просто-таки явление модного постмодернизма, о котором, впрочем, в «МК» никто ни в зуб ногой, по свидетельству патриарха газеты — Александра Аронова, предъявленному в его персональной рубрике «Полиэголюдствуем». Ой, ошибся: она называется «Помастур...» — тьфу, что это я — «Посопливимся», вот как.

Да и — но это сугубо интимно, только между нами — какая же это «Золотая лань»? Именно что «Пеликан»: маленькие глазки, жадная подклювная торба.

***

А если вам кажется, что я пишу пасквиль, то, ей-богу, ошибаетесь. Просто пытаюсь охарактеризовать

наиболее читаемое — в столице, по крайней мере, — издание. Хотя — зря стараюсь. Они сами про себя все уже сказали. Особенно в пору подпольной истерики в пропаганде себя любимых.

Была там, к примеру, такая объява: «От мудреца до чудака — аудитория «МК». И картинка, которую, надеюсь, воспроизведут наши оформители: меринский носатый чувачок, читающий газетку мордой и, одновременно, задницей. Невольно пробившаяся самоирония.

«МК» действительно можно читать и головой, и — скажем так — тылом.

Автор тому примером: он не выписывает вообще никаких газет, но каждый раз, когда выползает из дому, покупает в метро именно «МК» — ну и еще одну газету, которая служит ему контрастным средством против указанного издания: противоядием, что ли.

И читает автор «МК» именно задницей: старушку разрубили на семнадцать частей, группа лиц кавказской национальности урыла группу лиц же долгопрудненской национальности — интересно, блин. Фотография трупа: синие джинсы, серый джемпер, коричневые полуботинки, колотые и резанные раны грудной клетки — вообще кайф. Не так ли?

Убили — но не меня. Не автора. Какое счастье.

Убейте еще. Не меня. Опять почти таю. Опять проникнусь. Опять уцелею. Хроника происшествий не со мной. Уберегает ли это?

«У Пушкина не дрогнула б рука, когда б читал он каждый день «МК». Опять самореклама.

Невольно домысливаешь: «У Маяковского не дрогнула б рука...», «У Байрона хромала ли ль нога...», «Есенин — тот сорвался бы с крюка...», «Ларошфуко скакал б до потолка...», «А дети не просили б молока...».

А Минкин не валял бы дурака.

***

Бедный Пушкин. Умный Минкин.

Про гниду в эпиграфе — это он.

Вот этого пеликана я никак не пойму: и рыбку съесть, и на тракторе покататься?

Он хочет быть русским: он пишет объемную статью, в которой излагается масса полезных сведений на этот счет.

«Нет чистых русских...», «Для России все мы должны быть русскими...».

«Слово «россияне» несет в себе мощный дикарский (...) заряд на отделение и разделение всех народов».

Что вдруг?

Подобно лживому лакею, подбирает счета на некое спецобслуживание неугодных «МК» персон: насчет того, сколько сосисок скушали Баранников и Руцкой под маркой протокольного обслуживания. Там еще были шпроты и водка. И говорит: какие гады! «А сало русское едят».

Гайдар, видимо, им любимый, ест другие сосиски? И — на таких встречах — за свой счет?

Но Гайдар не считается.

Вообще — с точки зрения жанра — забавная публикация: набор счетов от буфетчицы — и подпись Минкина. Вороватый половой?

Русские так не делают. Или — стараются не делать.

Ворует он и — интересно, в какой конторе, — записи телефонных переговоров демонов нашей власти Якубовского и Бирштейна. Распечатывает на целые полосы. В кратеньком постскриптуме констатирует: «судьба нашей страны зависела (и долго!) от такого дерьма».

Автор сие прочел в свое время — и жутко обрадовался. Действительно, дерьмо. Жлобы. Гады.

Но, как пишут в романах (плохих): «прошло время».

***

Время действительно прошло — и с «дерьмом» Бирштейном тот же «МК» публикует пространнейшую беседу, в которой он сравнивается с британской танкеткой, которая якобы обладает особенным упорством. Автор и хотел бы тут же припомнить о более достойных персонажах военной техники типа «Т-34» и «Шермана» — но тут его отвлекли иные детали этого интервью. Насчет того, например, что Бирштейн настолько увлечен своим тяжким делом, что «он затруднился с ответом на вопросы, какого цвета его глаза или на скольких языках он говорит».

Насчет цвета глаз «МК» тут тоже непонятно. Сначала они наливались кровью под воздействием праведного гнева, а тут исполняются наивнейшей влюбленной голубизны.

С Бирштейном автор свиней не пас, а потому за его репутацию танкеточную не ручается. И не о нем речь. И не о том, что дача этого интервью была оплачена лично интервьюируемым (самолет до Цюриха и т.д.). Заказ

исполнен нормально. Но вот что означает такая смена приоритетов?

Для «МК» такая тактика вообще не внове. Как-то «кинокурьер» Денис Горелов, благоразумно перешедший теперь в умную «Сегодня», довольно резко наехал на продюсера Марка Рудинштейна, отца «Кинотавра». Обозвал его «крошкой Ру» (а М.Р. и впрямь невысок) и прочими нехорошими метафорами. В общем, оттянулся так. Ну, бывает. Каждый кузнец своего счастья и чужого паблисити. Но вот что любопытно: проходит пара не-

дель — и «МК» публикует мирную беседу с тем же Рудинштейном, в которой нет и намека на ту изящную брань, которой осыпал Денис нашего киномагната. Опять-таки: на голубом глазу.

Ребята, вы что?

***

Ну что вы, ребята? Вы же мне нравитесь — борзые репортеры и неумелые организаторы целевых полос — всех этих «Дамских сударей», — число которых уже умонепостижимо. Но почему же вы так прокаливаетесь?

«Фавориты Луны»? Красиво. Но это же эвфемизм: фавориты Луны — воры. Как и обозначено в эпиграфе одноименного фильма Иоселиани.

В общем.

***

Газета эта называется «Московский комсомолец». А не «Золотая лань».

Ну и не надо.

А слова «гнида» я тоже не употреблял.

Заметками Алексея Ерохина о газете «Московский комсомолец» мы открываем новую рубрику — «Газетный цех», в которой наши обозреватели смогут высказать мнение о работе своих коллег. Это будет цикл портретов популярных изданий — как совсем новых, так и давно существующих. На очереди — «Общая газета», «Независимая газета», «Новая ежедневная газета», «Московские новости»...

Честно говоря, мы долго колебались, печатать ли вообще статью о «МК». Срабатывал инстинкт самосохранения: очередное ведро помоев на наши головы со страниц этой газеты теперь обеспечено. «Вечерняя Москва», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Независимая газета» уже имеют печальный опыт: стоило им задеть — хоть полсловом — нашу самую тиражную московскую газету, как та тут же разражалась самой грубой бранью.

Причем дальше заголовка в этих случаях можно не читать — и так все понятно. «Слон в посудной лавке» (это об «АиФ»). «Куранты» попались на приписках» (ясно). «Дела карманные» (это о том, что главный редактор еженедельного «Коммерсанта», уважаемый человек, в бытность сотрудником «МК» будто бы прославился как карманник). «Момент неполной истины» (это о том, что тележурналист А.Караулов в беседе с главным редактором «МК» похвалил его газету, но недохвалил). «Премия имени Зорькина» (это о том, что трем журналистам «МК» выдали на каком-то конкурсе поощрительные премии, а следовало, на их взгляд, вручить гран-при). «Ай, Моська!» (это уже о журнале «Столица»).

Отвечать на лай из подворотни как-то не принято. И мы, помнится, не стали унижаться и писать пространный ответ на довольно странную заметку, поводом для которой стали три строчки, опубликованные в нашем журнале, о том, что где-то на каком-то мероприятии «Московского комсомольца» вместо заявленных звезд поэзии выступали графоманы. Любо-дорого потом было прочесть: «Не любит ж. «Столица» поэзию». «У ж. «Столица» устойчивая поэтофобия». И так далее... На недавнем юбилее Галины Волчек зал лег от смеха, когда Геннадий Хазанов объявил: «А теперь поздравление от интеллигентной газеты «Московский комсомолец». Действительно смешно, хорошая шутка.

Казалось бы, перед нами должен вырисоваться образ эдакого рубахи-парня — мушкетера и забияки. Не вырисовывается. Заметка «В театре Гоголя — Дюма» с зовущим подзаголовком «Идите и смотрите»: «Удача прошлого сезона — «Я люблю вас, Констанс» по роману А.Дюма

«Сильвандир» — сегодня в 27-й раз на сцене Театра им. Гоголя. Надеемся, что спектакль сохранил свой «аромат»: все исполнители на месте, декорации тоже. Билеты раскупаются... Администрация театра уверена в успехе...» Маленькое дополнение: автор инсценировки — главный редактор «Московского комсомольца».

Когда я в свое время работал в «Литературной газете» под началом А.Чаковского, этот сталинский ястреб установил твердое и разумное правило: произведения главного редактора не только в газете не рецензировались, но даже и не упоминались. Что ж, пришли иные времена. Долой глупые условности.

А вот на днях читаем раболепную восторженную рецензию на художественное произведение Вячеслава Костикова («Куда несется таинственный русский корабль, снаряженный в путь внимательным, образованным капитаном?»). И дело не в том, что книга Костикова дурна (может, напротив, и хороша сверх всякой меры), но положение г-на Костикова относительно газет нынче таково, что им, газетам, не пристало его художественное творчество рецензировать. Следующий шаг, я уверен (бьюсь об заклад!), — публикация стихов г-на Лужкова, а потом и рецензии на них. Когда редактор «МК» работал по совместительству в аппарате нашего городского главы, не было под рукой у мэра более верноподданной газеты. Нет и по сей день. Оно и понятно: от Лужкова городской газете пользы больше, чем, например, от Черномырдина, которого можно пинать (хотя, между нами, хрен редьки не слаще). Теперь можно продлить подписку, когда на другие издания она уже закончилась, или разогнать облака над Лужниками, когда там проводится коммерческое мероприятие газеты...

«Как же так, возразят нам иные читатели, вот вы ругаете «Московский комсомолец», а у него тираж — самый большой, значит, это самая популярная газета». Конечно. Конечно, самая популярная. Спору нет. Да вот только чем крупнее у «МК» тираж, тем более это доказывает, что мы имеем дело с массовой, «желтой» прессой. Случай классический.

Рынок есть рынок, он все расставляет на свои места. Не удивляется же никто, скажем, в Англии, что тираж «Таймс» меньше тиража «Дейли мэррор». Первая — газета качественная, аналитическая, вторая — массовая, для публики с неразвитым вкусом и с ограниченными интеллектуальными способностями. Одни читают «Таймс», другие — «Дейли мэррор». Министры навряд ли начинают рабочий день с проглядывания последней. Домохозяйки —

почему нет? Да и самой «желтой» газете не придет в голову кичиться: «Момент неполной истины». «Моська лает на слона» и так далее. Принцессу Диану в голом виде напечатать — вот это да, вот это достижение! И «Московский комсомолец» бы от такого не отказался.

Уже давно «МК» занимает в структуре нашей прессы вполне определенную нишу, там ему конкурентов нет. Если кого интересуют новости из жизни Алены Апиной или, допустим, Богдана Титомира, разумеется, он купит не «Коммерсантъ», а «Московский комсомолец». Непонятно, правда, зачем эти однообразные репортажи помещать под рубрикой «Светская жизнь». В настоящее светское общество корреспонденты «МК» явно не допущены. Да и вместо утомляющих завязтого читателя «МК» «литературных страниц» стоило бы и впредь писать о книгах так, например: «Иногда вечером, придя домой, я беру в руки одну из чудесных книг с черно-золотым переплетом, с интересом вчитываюсь в диковинные предложения XIX столетия, пестрящие многочисленными «Ъ», и, озаренная светом роскошной японской люстры, думаю, что пути господни неисповедимы...» Пусть читатели позавидуют даме из «МК»: у нее есть японская люстра, а также книги «с черно-золотым переплетом». Должно быть, все они хорошо дополняют друг друга: люстра, книги и дама, размышляющая о путях господних.

И не требуются в такой газете ни эрудиция, ни мастерство пера, не требуется блистать красотами стиля. Все это будет ей чуждо, будет отвергаться (в том числе и читателями), казаться нелепым. Что же касается неуклюжих попыток участвовать в политике (путем, например, прямых обращений к президенту «через головы поэтов и правительств», то это явление из того же ряда, что желание порнозвезды Чиччолины заседать в итальянском парламенте.

Чиччолину, по крайней мере, в парламент в свое время избрали. В отличие от обозревателя «МК» Александра Минкина, который накануне выборов заявил на страницах своей газеты: я не сомневаюсь в победе, потому что за мной — полтора миллиона читателей «МК». Победил в его округе Артем Тарасов, который собрал голосов в три раза больше. И это неудивительно: он дело делает, а журналист «МК», в понимании простого человека, извините, — свистит. Коллеги, не заблуждайтесь на свой счет: если вас читают, это совсем не значит, что доверяют и тем более уважают. Я тоже люблю почитать в вашей газете криминальную хронику про колото-резаные раны, но «Справочник патологоанатома» отнюдь не стал моей настольной книгой.

Что же касается Бориса Николаевича, который будто бы каждый день начинает с чтения «Московского комсомольца» — легенда, усердно распространяемая журналистами этой газеты, — то лучше бы они об этом молчали. Как написала недавно в «Столице» горячая сторонница президента В.Новодворская, «он человек простой, гимназий не кончал». Так что газету такое сообщение никак не характеризует, а вот президента...

Нет, все-таки интересно, английская королева читает «желтую» прессу?

Конечно, нет.

Андрей МАЛЬГИН

**Продолжается подписка
на журнал «СТОЛИЦА»
на II квартал 1994 года.
Спешите! Подписка проводится
до 15 марта 1994 года.
Сведения о подписке
в приложении № 1 к каталогу
«Роспечать», а также
в Московском каталоге газет
и журналов.
Индекс журнала 73746.**

**Быть стройным и здоровым
поможет Вам**

ГЕРБАЛАЙФ

— *травы жизни*

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Об эффективности ГЕРБАЛАЙФА читайте в журнале «Столица», № 43, 1993, стр. 61.

Объявление — талон на льготную покупку. Инвалидам и пенсионерам — скидка 5%.

**Проводим обучение
и квалифицируем дистрибьюторов.**

**НОМЕРА ТЕЛЕФОНОВ И ФАКСОВ ОРГКОМИТЕТА
АССОЦИАЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ
ГЕРБАЛАЙФА — 245-59-56, 245-40-72.**

**АДРЕС: МОСКВА,
УЛ. КООПЕРАТИВНАЯ, 10, РЯДОМ СО
СТАНЦИЕЙ МЕТРО «СПОРТИВНАЯ».**

**Часы работы: с 10.00 до 18.00.
Ежедневно, кроме воскресенья.**

ТОВАРЫ ОТ «МОРТИ»

Телевизоры, видеоманитофоны, плееры, магнитолы, музыкальные центры с маркой «JVC» пользуются огромной популярностью во всем мире. Фирма «МОРТИ» — официальный представитель европейского отделения «JVC» — предлагает импортную аудиовидеоаппаратуру со склада в Москве по самым низким ценам. А также — бытовую технику ведущих европейских фирм, изделия из итальянской пластмассы для дома и офисов, сигареты отечественного и импортного производства. Весь спектр товаров фирмы «МОРТИ» постоянно представлен в фирменных магазинах, расположенных в павильонах ВВЦ — «Вычислительная техника», «Москва», «Металлургия» и «Нефть», а также в салоне «СРМ», находящемся в «Доме быта» Олимпийской деревни, и магазине «Спорт» на ул. Кантемировской.

**Контактные телефоны в Москве:
195-21-03 (факс), 940-06-76**

ЛЮБИТ ЛИ ПУТЧ ТРОИЦУ?

Вопрос о вероятности третьего путча в столице впервые возникал уже в последние часы второго. Конечно, окончательный ответ о числовых пристрастиях российского путча даст практика — критерий истины, но, будучи убежденным идеалистом и почвенником, автор принимает за аксиому постулат о том, что троицу почитает как минимум господь Бог.

Отсюда элементарная предсказательность подсказывает загодя готовиться к очередным годам испытаний. Наличие уже двух аналогичных событий позволяет, путем простейшего статистического анализа, сделать попытку предсказания отдельных параметров вероятного путча № 3. Методика, избранная автором, чрезвычайно проста: если два события или поступка совершались в двух предыдущих путчах, они будут воспроизведены и в третий раз. Если нечто возросло или уменьшилось между августом и октябрем в энное количество раз, то пропорция сохранится и в будущем. И хотя коллеги, изучавшие математику не по Гегелю, утверждают, что для предсказания закономерности требуется как минимум три факта, ибо «волна состоит как минимум из трех точек», за неимением большего придется довольствоваться двухразовым происшествием.

Первое, лежащее на поверхности, заключение состоит в том, что центром событий снова станет «Белый дом», точнее — находящиеся в нем органы и аппараты. Естественно, сразу возникает вопрос — а кто покусится на поселившееся в нем российское правительство? Дабы получить научно выверенный ответ, следует вспомнить, что у предыдущих путчей обязательно существовал второй центр: Форос (1300 км от БД), «Останкино» (10 км от БД). Таким образом, второй центр третьего массового возмущения должен находиться от БД в 76,923 метра.

На искомом расстоянии от новой резиденции Совмина находится два объекта: жилой дом на Рочдельской улице и бывшее здание СЭВ и мэрии, ныне — резиденция Государственной Думы. Поскольку в аналогичных предыдущих событиях коллективы жильцов конкретных домовладений не были замечены как активный субъект происходящего, а различные властные органы, наоборот, — были, более вероятно считать вторым центром грядущих событий думскую резиденцию. Неизбежные трения между правительством и нижней палатой при утверждении госбюджета, а также то, что все фракции Думы подписались под высочайшим

просьбам о возврате БД парламенту, проясняет и повод для грядущих открытых столкновений.

В пользу такой схемы путча № 3 косвенно свидетельствует и то, что с каждым переворотом масштаб его исторических последствий уменьшается. Если август привел к развалу империи, закату коммунизма и чуть ли не подвел черту под XX веком, то октябрь всего лишь дал возможность провести досрочные выборы в одной из стран бывшего СССР. Возможно, следует говорить о соответствующем «законе убывания эффективности переворотов».

Интересно было бы проанализировать поведение и отдельных персон. Случай г-на Жириновского, к примеру, может вызвать поначалу некоторые затруднения с построением линейной зависимости, ибо в первом эпизоде он выступил против президента, во втором — поддержал его действия. Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что в обоих случаях г-н Жириновский выступал против «Белого дома». Следует заключить, что так же он поступит и в очередной судьбоносный момент.

В отношении г-на Грачева, который в августе сначала участвовал в разработке штурма БД, потом перешел к Ельцину, в октябре же сначала долго колебался, а потом перешел к штурму БД, линейную зависимость выстроить действительно чрезвычайно затруднительно. Но можно с уверенностью утверждать, что генерал, после августа ставший министром обороны, а после октября получивший орден «За личное мужество», внакладе не останется.

Прямая линейная зависимость в поведении таких гг., как Румянцев и Аксюциц, которые оба раза мужественно защищали «Белый дом», обязывает их к подобному и в третий. Политические пристрастия нового правительства подтверждают высокую вероятность достоверности наших выкладок в отношении вышеупомянутых гг.

Что касается обреченных вождей очередного мятежа, опыт показывает, что набор в их ряды произойдет из ближайших соратников победителя. Процесс формирования правительства, сопровождавшийся столь неожиданными поначалу отставками

лидеров «ВР», по-видимому, есть всего лишь неосознанное следование объективной исторической необходимости, которую нащупало наше исследование.

Впрочем, научная объективность требует признать, что само по себе отдаление от первого лица не есть признак предрасположенности к путчизму. Если в октябре свое несогласие пытались ярко выразить политически дистанцированные от первого лица фигуры, то в августе отличилось ближайшее окружение президента. Таким образом, комплекс «мятежного вице-президента» вполне может поразить и г. Черномырдина. К сожалению, такой вариант выпадает из схемы «Дума — «Белый дом» и потому остается за рамками нашего рассмотрения. Мы можем лишь заметить, что, согласно результатам предыдущих возмущений, каковы бы ни были итоги битвы кабинета Черномырдина с нижней палатой, с иным ли субъектом власти, победителем, как и в предшествующих случаях, станет всенародно избранный президент России г-н Ельцин Б.Н.

В пассиве будущих событий, скорее, окажется господин Ачалов, разработчик штурма «Белого дома» в августе и руководитель его обороны в октябре. Исчерпав возможные варианты поведения, он, вероятно, вынужден будет остаться в стороне.

Остается лишь определить продолжительность событий и число пострадавших. Если первый путч длился три световых дня, а второй — два, третий, как показывают расчеты, уложится в один световой день. Что же до количества жертв, то оно, возможно, возрастет по сравнению с октябрем на 143 человека (октябрь — 146, август — 3), если прогрессия окажется арифметической, и тем самым сравняется с квалифицированным большинством в 2/3 голосов в Государственной Думе. Либо в 48,66 раза, если прогрессии суждено быть геометрической. В любом случае полученное число, возможно, сможет наконец удовлетворить тех работников пера, что в октябре усиленно искали полторы тысячи трупов, недостающих до настоящего журналистского кайфа, и посрамит всех, кто заявлял, будто пятьсот миллионов долларов — слишком большая цена для новой парламентской резиденции. Ради избавления страны от рассадника путчизма, коим, как показывает наш анализ, оказывается «Белый дом», никаких денег много не покажется.

Автор же, являясь человеком глубоко идеалистических убеждений, верит, что высказанная идея является таким же фактом действительности, как и произошедшее событие, а потому надеется, что после появления данного исследования в печати воспроизведение вышеперечисленного в материальной жизни уже не является необходимым. Особенно в части прогноза числа погибших.

Игорь СТАДНИК

С МИРУ ПО НИТКЕ

А КРЫСА СЛУШАЕТ И ЕСТ

Как выясняется, не только люди подвержены «демографическому взрыву». Еще более стремительными темпами разрастается неистребимое крысиное племя, с каждым годом доставляющее все больше хлопот человеку. На сегодняшний день численность зубасто-хвостатой армии, по оценкам ученых, превышает «человеческое» население земного шара и составляет около 5,5 миллиарда особей. Согласно последним данным Всемирной организации здравоохранения, только за минувшие 25—30 лет число этих «демографических титанов» подскочило почти в два с половиной раза.

Экспертов тревожит и то, что крысы в последние годы стали значительно лучше и качественнее питаться. В немалой степени тому способствовал интенсивный и экстенсивный рост индустрии «фаст фуд» — «быстро питания». Ее отходы с превеликим удовольствием включили в свой ежедневный рацион шустрые и прожорливые обитатели городских помоек и канализаций, жиреющие буквально на глазах от сытных остатков пиццы, гамбургеров, биг-маков и прочей «быстрой» снеди.

Большинство же крыс консервативно и продолжает питаться урожаем с полей и содержимым продуктовых складов. В настоящее время они ежегодно уничтожают миллионы тонн зерновых и прочих продуктов, грозя в

скором будущем пустить все человечество с котомкой по миру.

Ущерб от вредных грызунов не ограничивается их огромными аппетитами. Им, понимаете ли, необходимо регулярно подтачивать свои зубки, вырастающие на 9—13 миллиметров в год. От этих «зубных упражнений» страдают трубы, электропровода, телефонные и телеграфные кабели.

Несмотря на все человеческие уловки и ухищрения, многовековая битва с крысиным племенем не закончилась и проходит далеко не с преимуществом человека. Дело в том, что характеру этого животного присущи недоверчивость, подозрительность и консерватизм, что и позволяет крысам, скаля зубки, мерзко хихикать над постоянно изобретаемыми людьми новыми антикрысиными «примочками».

А может, лучше не напрягаться и занять оборонительную позицию, чем бороться с живыми «ветряными мельницами» с острыми зубами и мясистыми хвостами? — задается вопросом китайское агентство Синьхуа. Слово за специалистами.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

Даже начавшийся в Бразилии карнавал не вывел страну из состояния ожидания чуда, вернее, не помешал этому состоянию занимать умы и сердца многих бразильцев. А чудо это, как и многие другие происходящие в этом мире чудеса, — обыкновенное.

Обыкновенность его заключается в том, что одна женщина должна родить. А необыкновенность в том, что женщине этой ни много ни мало 63 года. Уборщица Мануэла Родригес да Силва, проживающая в штате Рорайма, мать четверых детей и бабушка дюжины внуков. После последних и проходивших достаточно сложно родов, состоявшихся немногим более 20 лет назад, врачи предупредили донью Мануэлу, что она больше никогда не сможет забеременеть.

Однако природа распорядилась несколько по-иному. Ожидается, что Мануэла вновь станет мамой в конце февраля—начале марта, хотя, по мнению специалистов, в силу ряда причин возможны отклонения как в одну, так и

в другую сторону.

Как призналась счастливая и пузатая донья Мануэла корреспонденту информационного агентства ЭФЭ, для сотворения этого «маленького чуда» не понадобилось ни помощи врачей, ни наговоров гадалок. По ее словам, оказалось вполне достаточно лишь «доброй воли и симпатии 18-летнего и еще более бедного юноши».

Зарабатывая около 12 долларов в месяц, Мануэла смотрит в будущее с оптимизмом, утверждая, что «Бог поможет мне преодолеть грядущие трудности». А их, судя по всему, будет немало. Узнав об «интересном положении» своей матери, все четверо детей покинули Мануэлу и перестали с ней общаться. Тревоги, столь нежелательной в это время, от важной женщине добавляют медики, сильно сомневающиеся в благополучном исходе родов.

Однако донья Мануэла старается не думать о грустном и продолжает надеяться на помощь Бога и добрых людей, которых как в ее родном штате, так и по всей стране оказалось немало. Полным ходом идет сбор пожертвований и детских принадлежностей для Мануэлы и ее будущего ребенка, которым занялись несколько благотворительных организаций. Так что с голоду Мануэла не умрет, да и ребенка будет во что одеть. Только бы «маленькое чудо» прошло без эксцессов и осложнений.

Рэзел Уэлш сегодня
Фото из журнала «Семана», Испания

ДЕЛО О ТЕЛЕ

Не будет открытием Америки сказать, что журналист — профессия опасная. Особенно, если «труженик пера» пишет о женщинах. Несладко придется в самое ближайшее время испанскому коллеге Джону Мелендесу. Известная актриса, его соотечественница Рэзел Уэлш, сочла оскорбительными несколько пассажей из его заметок о своей собственной персоне, вернее сказать, о некоторой части этой самой персоны.

Актриса, поклонники которой дали ей, с одной сторо-

ны, любовное, а с другой — несколько вульгарное прозвище Тело, сильно «напряглась» после того, как прочитала написанную Мелендесом заметку, суть которой можно выразить так: «Бюст нынешней 53-летней Уэлш уже не тот, что был лет пятнадцать—двадцать назад».

Очаровательная Тело очень обиделась и подала на журналиста в суд. Каков будет окончательный вердикт судей, сказать трудно, в этом плане любые предсказания бессмысленны. Однако читатель сам имеет возможность решить для себя, прав был Мелендес или нет, даже в отсутствие фотографии Рэзел 70-х годов.

Владимир КОЗЛОВСКИЙ

«ШАЛОМ»,

ЖИРИНОВСКИЙ!

— Дальше идет глава под названием «Еврейский активист Жириновский», — сказал я, продолжая цитировать рукопись статьи Льва Алейника «Жириновский: штрихи к портрету», которую уже полчаса пункт за пунктом комментировал ее герой — председатель ЛДПР, мой бывший однокашник по Институту восточных языков. Дело было под прошлый Новый год в его кабинете в штаб-квартире партии в Рыбниковом переулке.

— Был театр «Шалом»... — начал я.

— Значит, тут что, — ни секунды не медля заявил Жириновский, обсуждавший эту тему скороговоркой и поэтому иногда сбивчиво. — Я ходил на разные митинги, 87-й год, полно митингов. Начали образовываться национальные общества в Москве: армянское, курдское, греческое, еврейское и так далее. На митингах активисты этих обществ меня тоже видели, что я выступаю в защиту национальных меньшинств. К армянам я ходил, на армянское кладбище: Сумгаит, были жертвы, выступал несколько раз, им нравилось... Но я не столько в поддержку армян, сколько против того насилия: это же дикость, вырезали людей. Сейчас-то это всюю, а тогда

это были первые трупы. То же самое вот этот «Шалом». Они решили создать общество, меня пригласили: у них какая-то конференция. Я возьми да выступи там. Они — устав своего общества, а я же юрист. Выступил: «Вот у вас это неправильно, это неправильно, вам бы лучше вот так вот сделать». Им понравилось: смотри, принимает участие вроде бы в совершенствовании их устава. И пару раз еще пригласили. Но потом один раз меня увидели на митинге «Памяти» в Лужниках: я-то на все ходил, мы не знали же, какие партии, силы: митинг — идем! Я выступал со своей позиции. Вот, все: он, значит, антисемит! Все и закончилось, два раза я у них был. Был два раза у армян, был у абхазцев,

был у турок-месхетинцев, был у осетин. Я был везде, где были какие-то митинги, мероприятия! Но это не значит, что я проосетинский, или там проеврейский, или про-«Память», или антисемит, или сионист, или еще... Это активная жизнь: там, где есть, я туда шел. До момента формирования собственной партии. Я ходил на все мероприятия, иначе бы я свою партию не сформировал.

— Тут описывается твое пребывание в этом «Шаломе»: «Стали распределять должности новоизбранным, и тут Владимир Вольфович вновь исхитрился проявить свою недюжинную оборотистость. Он активно застолбил за собой руководство сразу несколькими секциями. В частности: а) гуманитарно-правовой, б) философско-религиозной, в) исторической, г) внешних экономических связей». Застолбил ты за собой руководство?

— Застолбил! — охотно подтвердил Жириновский. — Застолбил! Потому что там они говорят: «Да-

вайте развивать связи, давайте коммерсантов за рубежом искать, будут приезжать!» — я говорю: «Давайте, попробую я». Я в это время создавал свою фирму. Давай-ка внешнюю экономику. Значит, гуманитарно-правовая: я как юрист, мне это нравилось, права человека, и лет десять, как я защитил работу по правам человека. И, поскольку предполагалось обсуждение этих проблем, я решил там тоже. Но это было организационно! И на этом закончилось. Они эти секции создали, я говорю: «Давайте, я здесь буду, здесь буду», — а потом меня раз, от всех дел сами же и отшили. Я готов был именно в этих (секциях. — В.К.), там было около десяти-пятнадцати секций. Но остальные меня совершенно не привлекали: например, древний иудаизм изучать, а общие, гуманитарно-правовые проблемы прав человека, внешнеторговые — было актуально... Какую там он еще написал? Четыре всего было...

— Философско-религиозную.

— Философская. Потому что здесь философия меня привлекала, как вообще в целом философия. Но и все, я же говорю, два заседания: на одном я им дал поправки к уставу, им понравилось, потому что они сами-то не юристы, там в основном были деятели культуры, и на втором организационном я готов был в этих секциях тоже участвовать. — В.К.) Для чего я это использовал? Чтобы иметь возможность выступать! Если я руковожу секцией, я организую дискуссии, я приглашаю, и они дают помещение. Это было выгодно мне, потому что на улице стоять неудобно, а когда ты возглавляешь какую-то секцию в каком-то обществе, ты имеешь полное право уже выступить от какого-то имени. У них-то было что? Помещение. Чем они приманили к себе? Помещением! Вот, собираются, вот, все, ваше помещение, давайте, ребята. И они же не говорили, что там собираются евреи! В целом, так сказать, все.

— Ты не знал, что там евреи собираются?

— Нет, евреи, но я там никогда не был в жизни, потом я выяснил, когда туда пришел, что это еврейский театр.

— Но в первый раз когда ты туда пришел и назначился в руководители, ты знал, что с евреями дело имешь?

— Там есть евреи, ну так я ж не был никогда антисемитом! И сионистом. Ради Бога, пускай будут евреи.

— Ты в работе какого-нибудь

другого национального общества принимал такое же активное участие? Был ли ты руководителем секций в каком-нибудь другом обществе?

— Я ж не был, я только когда вот они распределяли, я готов был начать в этих секциях работать, и все.

— А почему не начал?

— Все, они больше не стали приглашать! Два раза.

— Потому что тебя засекали с «Памятью»?

— Засекали, что я, так сказать, скорее антисемит, чем их сторонник. Но я антисемитом не был! Но раз я выступил на митинге общества «Память» — все: они решили, что я антисемит, что я агент общества «Память» у них или еще что-то такое.

— А ты вообще антисемит или нет?

— Не антисемит и не сионист.

— А как ты к евреям вообще относишься?

— Спокойно отношусь. Ко всем спокойно: и к армянам, и к евреям... Если бы я был сионистом, так я в этом «Шаломе» работал бы и работал бы. А я два дня у них пробыл. Если бы я был проармянским, я бы с этим армянским обществом сотрудничал бы. Проосетинским... Я использовал их возможность прийти, поскольку они жаждали, чтобы кто-то от русских выступил, им было выгодно. Они все кричат, а от русских все молчат. Поэтому, когда я выходил, их это радовало. Это они меня засекали и приглашали. Вот они меня пригласили два раза в «Шалом», два-три раза армяне, осетины, турки-месхетинцы. Туркам-месхетинцам понравилось, что я к ним по-турецки обратился. Единственный, кто пришел их поддержать. Они депутатов, всех приглашали. Но я же не турок! Я просто использовал их возможность, поскольку там была пресса, выдать свои собственные идеи. Вот и все. Поэтому как про «Шалом», они могут так же написать про турок-месхетинцев, так я что, турок? Но я хожу к ним ко всем, поскольку это надо для возможности активизации, возможности выступления. Из этого же нельзя делать вывод, что я имею внутренние убеждения, соответствующие этой организации. Это форма! Вот «Память»: я один раз к ним попал, случайно, они в Лужниках организовали общество. С трудом дали слово! С трудом с большим! И все, и больше никогда.

— Как ты к ним относишься?

— Я никак не отношусь, потому что я никак с ними не связан. Я при-

шел, они проводят митинг. Я пробился и выступил, с большим трудом. Сычев! Васильев не дал бы слова, а Сычев — художник, все-таки он как-то так помягче. Он где-то меня видел, по-моему, где-то я выступал, ему понравилось мое выступление, у «Останкина», по-моему, я с ними тоже увидел митинг... Я шел, где митинг! Где митинг, чтобы прийти, поговорить, выступить. Поэтому я и у «Памяти» бывал много раз, но я же не стал у них членом общества, они меня знать не знают. В «Шалом» пригласили, я у них выступил. И все остальные: я приходил выступать. Я к демороссам приходил: не давали слова! Но могли меня засечь на митингах демороссов. Так я же приходил, ну и что? К коммунистам я приходил, но не давали слова. Анпилов — год прошел, прежде чем дал слово. Год! 7 ноября он мне дал слово.

— Но на это скажут, что «Шалом» — это единственная организация, в которой ты занял сразу четыре поста.

— Это я сам сказал! Они говорят: «Кто чем будет заниматься?»...

— Но в других-то ты никаких постов не занимал...

— Так я ничем не занимался! Это произошло распределение. Они пригласили на организационное мероприятие, мы пришли. Им понравилось, что я внес свой вклад в устав, они меня еще раз пригласили и решили начать какую-то организационную деятельность. И спрашивают: «Кто чем хочет заниматься?». Дали анкеты. Я написал: «Я готов в такой секции посотрудничать, в такой, в такой, такой...». Все, больше ничего не было. Никогда! Это что, возглавлять что-нибудь? Что-нибудь я сделал у них?! Я ничего не сделал. Они меня больше не пригласили ни разу.

В Обществе еврейской культуры «Шалом» участвовали десятки людей, которые могут прокомментировать роль, которую играл в нем Жириновский. В Нью-Джерси, например, живет еврейский активист Александр Шмуклер, также присутствовавший на учредительном собрании ОЕК и хорошо запомнивший выступление будущего лидера ЛДПР.

— Жириновский говорит, что его засекали на митинге «Памяти» в Лужниках и после этого перестали приглашать, — сказал я Шмуклеру. — Было такое?

— Нет, — ответил он, — этого я не помню.

Юрий УСТИМЕНКО

ЗАГАДКА ДЛЯ КЛИНТОНА

Аккурат под православное Крещение в Вашингтоне ударили морозы. Температура упала за 20 градусов ниже нуля, что не противоречит русским представлениям о зиме, но нестерпимо для города, расположенного на широте Ташкента. Прихватило так, что закрылись частные конторы и стало непривычно пусто в зданиях министерств. Власти распорядились, чтобы на работу выходили только те чиновники, без которых не могут функционировать федеральные учреждения. В результате 362 тысячи человек остались дома без видимого ущерба для государственной службы.

Президент США отменил выступление в Джорджтаунском университете, где обещал подвести итоги первого года своего пребывания у власти. Позже навстречу ему, обратившись с посланием «О положении страны» на совместном заседании обеих палат конгресса. Тем временем новоиспеченный заместитель государственного секретаря Струоб Тэлботт и директор ЦРУ Джеймс Вулси держали ответ перед комитетами сената и палаты представителей по иностранным делам и разведке.

Клинтон говорил в основном о внут-

ренних проблемах, Тэлботт — о внешних, а Вулси старался поменьше распространяться о деятельности своего ведомства. Каждый не преминул упомянуть вопрос, над разгадкой которого Соединенные Штаты продолжают без особого успеха биться уже не первый год. Это ситуация в России и других странах на территории бывшего СССР.

Именно Россию Билл Клинтон называет первоочередной задачей внешней политики своей администрации, а когда его критикуют в конгрессе за промахи в Сомали, просчеты в Гаити

и нерешительность в Боснии, Белый дом приводит американо-российские отношения как пример своего успеха на международной арене.

Так было вплоть до последнего времени.

Первые признаки того, что американцам отказывает природный оптимизм, появились после декабрьских выборов в новый российский парламент. Успех оппозиции, в том числе партии, будто в насмешку названной либерально-демократической, удивил американских экспертов по России и огорчил Белый дом. Его представитель признал, что таких результатов не ожидали.

Клинтон назвал итоги голосования «протестом», а его приближенные заявили, что следует помочь России в борьбе с инфляцией и безработицей, так как реформы вызывают социальные недовольство. Спустя неделю, как сообщило агентство ЮПИ, «администрация впервые признала, что успех националистов на выборах в России шокировал ее достаточно, чтобы начать пересмотр основных целей своего курса».

В Вашингтоне начали понимать, что рецепты Международного валютного фонда по лечению российских болезней способны довести страну до состояния, когда останется лишь спросить, потел ли пациент перед смертью. «Нужно уделять больше внимания последствиям, которые имеют реформы для народа России», — заключил государственный секретарь Уоррен Кристофер.

По мнению ведущего эксперта по России в Белом доме Тэлботта, главным врагом реформ является инфляция, «которая способна низвергать правительства», и она «лишила людей сбережений, превратила в нищих, живущих на фиксированные доходы, и

нанесла удар по заработкам и моральному состоянию учителей, врачей, милиции и ученых, подорвала эффективность их труда».

Другим следствием выборов в России стало появление в Вашингтоне высказываний о необходимости переосмыслить курс безоговорочной поддержки узкой группы политиков в Москве. «Мы, — подчеркнул Тэлботт, — поддерживаем не просто президента Ельцина. Мы поддерживаем процесс». «Мы, — дополнил высокопоставленный представитель администрации, — поддерживаем реформистские силы и отказываем в поддержке противникам реформ. Наша поддержка распространяется на реформаторов по всей России, а не только правительство и отдельную личность».

Разобраться в происходящем решил сам Клинтон. К его приезду в Москву присматривали объекты, которые могли бы продемонстрировать американо-российское партнерство в действии. Так, выбор пал на ЗИЛ, по всем параметрам подходящей, казалось, для наглядной агитации. Завод приватизирован и создал совместное предприятие с американской компанией «Катерпиллер инкорпорейтед», у которой никак не могут сложиться отношения с профсоюзами в Америке и Англии. Но выяснилось, что за последние месяцы продано только 14 грузовиков, а конвейер работает лишь 4 дня в неделю, и от посещения ЗИЛА отказались.

Описывая российскую столицу, американские журналисты отмечали, что в магазинах больше товаров, чем прежде. Однако источник изобилия — из частного или государственного сектора — не интересует покупателей. Их главная забота — цены, по которым далеко не каждый может вкусить от плодов реформ. Но сами американцы вкусили. Правда, по другой линии: члена американской делегации, прибывшей в Москву для подготовки визита, ограбили в двух кварталах от его гостиницы.

Досадные мелочи не испортили общего благоприятного впечатления от визита, в ходе которого были получены заверения российской стороны, что все путем и все идет, как надо, несмотря на тягу «сына юриста» к теплым морям и океанам. Еще американцам сказали, что реформы будут продолжены, хотя внук писателя намерен выйти из правительства. Но дальше — больше, и когда вслед за Гайдаром из российского кабинета ушел Федоров, администрация США начала признавать, что Россия не та, какой представлялась во время переговоров в Москве.

Баланс сил в российском правительстве сместился в сторону тех, «кто ассоциируется со старыми способами ведения дел, что вызывает озабоченность США», отметил Тэлботт, а государственный департамент заявил, что «серьезно обеспокоен» составом нового правительства России. «Мы, безусловно, озабочены

переменами в составе российского правительства, — признала пресс-секретарь Белого дома Ди Майерс, — но, прежде чем делать выводы, подождем дальнейшего развития событий».

Директор ЦРУ Джеймс Вулси включил развитие событий в бывшем СССР в число, «по крайней мере, 10 крупных и транснациональных проблем, создающих угрозу безопасности США и их национальным интересам». По его словам, писала «Вашингтон пост», «перспективы экономических реформ в России сейчас не столь радужные, как прежде, и он предупредил о возможности гиперинфляции и нестабильности. Вулси признал, что администрация переоценивает перспективы российской демократии и экономического возрождения после успеха ультралибералов на выборах в декабре и выхода из правительства двух ведущих реформаторов».

Однако Билл Клинтон остался верен себе и подтвердил неизменность курса. Лучший способ обеспечить прочный мир на планете, заявил он в конгрессе, — это содействовать развитию демократии в мире. Поэтому Америка поддерживает демократов-реформаторов в России и других государствах бывшего СССР. Но в нашей поддержке реформы, добавил президент, мы должны сочетать терпение и бдительность. По его мнению, США следует активно участвовать в международных делах, тем самым обеспечивая безопасность страны. Ради этого в новом финансовом году Белый дом не планирует уменьшения военных расходов. Достаточно того, что они были сокращены в прошлом году.

Подлил масла в огонь министр иностранных дел России, высказывания которого по ближнему зарубежью, как отметил Клинтон, противоречат заявлениям высокопоставленных российских чиновников во время визита президента США в Москву. «Поведение России в некоторых соседних странах, в частности в Закавказье, вызывало беспокойство и привело к жестким обменам мнениями в нашем дипломатическом диалоге с Москвой», — напомнил Тэлботт. Интеграция в международное сообщество, указал он, зависит от принятия Россией международных стандартов в отношении ее собственных границ.

Естественно, зашла речь о том, как быть с американской помощью: следует ли ее сокращать или, наоборот, увеличить, перенацелить, переосмыслить или оставить все, как было. Заодно возникли вопросы о целях, которыми руководствуются Соединенные Штаты, оказывая поддержку России. Оставалось решить, как вести себя в новой обстановке.

«Понятие «реформы», — говорила пресс-секретарь Белого дома Ди Майерс, — означает меры по стабилизации национальной валюты и снижению инфляции, по приватизации

и строительству рыночной экономики, по развитию демократии. Мы продолжим сотрудничество с Россией на этих направлениях».

Ради чего, спрашивается? Как уточнил высокопоставленный представитель администрации, США проводят курс на «твердую поддержку российских реформ, которые направлены на быстрый переход к рыночной экономике, интеграцию с западными странами и открытие этой экономики для частного сектора Запада».

Надо полагать, альтруизм на межгосударственные отношения не распространяется, и в конце января представитель госдепартамента Майкл Маккэрри подчеркивал: «Мы будем поощрять движение по пути реформ, потому что это отвечает насущным интересам Соединенных Штатов. Мы создаем новые рынки, мы превращаем бывшие коммунистические системы в потенциальные рынки для американских товаров. И то, до какой степени мы можем содействовать инвестициям в процесс изменений в каждой из этих стран, работает к выгоде среднего американского гражданина».

Американцы не скрывают, что оказывают поддержку России в надежде заполучить надежного партнера на международной арене и обширный рынок для своих товаров. Но помощь увязана с рядом условий. «Наша поддержка, — говорит Тэлботт, — будет следовать за их реформами, а не наоборот», и инвестиции последуют за «решительными мерами России по стабилизации экономики». «Объем экономической помощи, который они могут получить от мирового сообщества, — указывает Клинтон, — напрямую зависит от того, какие реформы они решат проводить».

«Что касается международной помощи, — заявила Ди Майерс, — могу сказать, что большая часть обещанных денег пока не предоставлена, и мы намерены увязать оказание помощи с прогрессом в реализации реформ». Как подчеркнул министр финансов Ллойд Бентсен, «содействие, которое оказываем мы и международные финансовые организации России, будет соответствовать темпам российских реформ. Так что выбор за Россией».

Спор сейчас, видимо, вертится вокруг вопроса о том, можно ли допустить, чтобы в России поубавилось реформистского рвения в свете итогов парламентских выборов. По мнению Тэлботта, «замедление темпов реформ не облегчит социальные невзгоды, а лишь усугубит боль и повысит угрозу еще более тревожных политических событий». «Крисчен сайенс монитор» добавляет: «Соединенные Штаты могут пересмотреть свой курс, если российское правительство замедлит процесс экономических реформ, и в этом случае откажутся от гуманитарной помощи и содействия американским компаниям, желающим инвестировать в России».

Угроза нешуточная, если принимать в расчет цифры, которыми оперируют в Вашингтоне. В прошлом году Клинтон посулил 1,6 млрд долларов, включая безвозмездную помощь, займы для закупок в США сельскохозяйственной продукции и кредиты правительственного Экспортно-импортного банка, а позднее конгресс выделил две трети от 2,5 млрд долларов.

Однако на сегодняшний день получено гуманитарной помощи — продовольствия, медикаментов и медицинского оборудования — на сумму около 150 млн долларов и еще на 250 млн — продуктов сельского хозяйства. Даже с учетом технического содействия и помощи в демонтаже ядерных вооружений говорить о миллиардах не приходится.

С 1991 года США предоставили гарантии на сельскохозяйственные кредиты на 5 млрд долларов, но в ноябре 1992 года программу приостановили. Официальный предлог — Россия не смогла погасить долги, оставшиеся от СССР. Но была тому еще одна причина: в Америке считают, что такие кредиты могут задержать реформы в российском сельском хозяйстве, так как помощь поступает сектору, а не частникам.

«На конец января, — отмечало агентство АП, — западная помощь поступала медленно и почти не принесла пользы простому труженику России». По данным Экспортно-импортного банка, из обещанных 2,5 млрд долларов в виде контрактов поступили лишь 42 млн долларов. Вклады частных фирм США в России сегодня оцениваются американцами в 2 млрд, а русскими — скромнее — в 400 млн долларов.

Ни одна страна не оказала реальной финансовой поддержки реформам в России, констатировал бывший советник российского правительства профессор Гарвардского университета Джеффри Сакс. Так, «семерка» обещала в прошлом году 28 миллиардов долларов, а выделила всего 4 миллиарда. По его мнению, после кадровых перемен в правительстве России «говорить о предоставлении широкомасштабной помощи уже нельзя».

Этот вывод подтверждает выступление Струба Тэлботта в комитете по иностранным делам палаты представителей. Он сказал, что если прежде Россия получала две трети американской помощи и одну треть — остальные страны бывшего СССР, то теперь — строго пополам и в текущем году — едва более одной трети прошлогоднего объема. Как писала «Вашингтон пост», грядет «важная перемена в отношении администрации к региону, который ранее президент Клинтон называл самым крупным успехом своей внешней политики».

ВАШ ЖУРНАЛ МНЕ ПОНРАВИЛСЯ

У нас на Украине подписаться на «Столицу», к сожалению, невозможно. Но вот приехала приятельница из Тулы и привезла три первых номера журнала за этот год. Читаем с удовольствием, передаем из рук в руки, как раньше, в застойные годы, «самиздатовскую» литературу. Мне, например, больше всего понравился второй номер. Прежде всего, конечно, обложка! Замечательный групповой портрет Госдумы красноречиво (хотя и без слов) показывает, каких правителей мы получили. Говорю — мы, потому что не могу отделить себя от России: Николаев ведь наполовину русский город, к тому же от того, каким путем пойдет Россия, во многом зависит и судьба Украины.

Кроме того хочу отметить во втором номере острую политическую статью В.Новодворской «Ну что тебе сказать за плюрализм?», материал Н.Бахрошина «Карельский Чернобыль» и замечательное, не побоюсь этого слова, филологическое исследование Г.Свиньина «Железная леди из общаги». С огромным интересом прочитала также воспоминания С.Лунгина о Соколове-Микитове «Двухмерная жизнь».

От души веселилась, читая в третьем номере откровения «подпольщика» В.Бондаренко в статье А.Белякова «Возьмутся ль за руки друзья — Паук и Окуджава?». Искренне благодарю М.Поздняева за знакомство с удивительной женщиной, поэтом и переводчицей Верой Марковой («Молчальница, или Благородное Сокровище», здесь же, в третьем номере).

В общем, журнал мне — понравился, попросила приятельницу присылать мне прочитанные номера. Она обещала, надеюсь, не обманет, хотя и пересылка теперь дороже удовольствие. К редакции же «Столицы» тоже есть одна просьба: не пишите больше о Жириновском, слишком много чести.

В.БЕЛОКОНЬ

Николаев

ПРЕДВЫБОРНОЕ ШОУ В ЯРОСЛАВЛЕ

На глазах ярославцев вот уже которую неделю разыгрывается настоящее шоу. Областная администрация ничтоже сумняшеся поделила всю область на тридцать шесть избирательных округов. Человек, не искушенный в борьбе за власть, не заподозрит здесь ничего особенного. Ну, разделила и разделила! Не спешите с выводами. Избирательные округа один к одному совпали с округами административно-территори-

альными. Как говорится в пьесе одного современного драматурга, объясняя для тех, кто тупой. В каком-нибудь Пошехонском районе в округе живет десять тысяч человек, а в одном из районов Ярославля — двести пятьдесят тысяч. Поэтому сельских районов получилось больше половины от общего числа.

Люди с хорошей памятью помнят, какую роль в истории сыграли эти сельские округа на прошлых выборах. Уже и ребенку известно, что бабушки в глупинке голосуют за ту фамилию, которая на слуху. Слово по команде все местные главы районных администраций подались в кандидаты, а оттуда им прямая дорога в депутаты. Представьте себе эту Думу, в которой добрая половина находится в прямом подчинении губернатора области. Свои да наши. Две ветви власти срослись бы в несокрушимый дубовый ствол. Создалась бы наилучшая модель абсолютно управляемого представительного органа.

Представитель президента Варухин против этого восстал. Надо было слышать, в каких только грехах его не обвинили! Две недели газеты пестрели заявлениями всяких пресс-служб исполнительной власти; и о том, что была такая прекрасная возможность учесть точку зрения всей области, обезопасить Думу от политиканства и амбиций, и о том, что этот замечательный опыт Ярославской областной администрации положительно оценили в администрации президента Ельцина... (Все это потом оказалось туфтой.) Но злодей Варухин встал на пути этого светлого будущего...

До какой же изощренности могут доходить власть имущие в защите своих интересов!

Г.ГРОМОВ

Ярославль

НА ВОСПИТАНИЕ — В «БУКИНИСТ»

Моя семья — давние покупатели и поклонники магазина «Букинист» на Котельнической набережной, о котором идет речь в статье А.Митрофанова «Книжник», что напечатана в первом номере «Столицы». Героем статьи является продавец Александр Елецкий. Я полностью разделяю восторги автора в его адрес. Но мне стало обидно за остальных продавцов этого магазина. Потому что они все работают блестяще. В разном стиле, но на одном высоком уровне, с любовью к делу, с вниманием и пониманием. Сколько я могла бы рассказать занимательных историй о каждом продавце «Букиниста!» Здесь царит атмосфера доброты, эрудиции, интеллигентности. Своего сына вожу сюда на воспитание.

Е.ЛЕВЧЕНКО

Москва

ДО ЗДРАВОМЫСЛИЯ НАМ ЕЩЕ ДАЛЕКО

С большим удовольствием прочитала первый номер «Столицы» за этот год, начав со статьи Л.Радзиховского «Выбор России: Жириновский?». О лидере ЛДПР (некоторые называют ее ЛТП) и говорить неохота, да не такой уж он и сложный, чтобы здравомыслящий человек не понял: мыльный пузырь. А вот о народе России...

Мне так же, как и Л.Радзиховскому, давно хочется задать вопрос: с чего мы взяли, что народ изменился, стал более здравомыслящим? Почему упорно выбирает проходимцев? Здесь можно частично согласиться с К.Леонтьевым: «...они все за чистую монету принимают...». А частично — с более категоричным и лаконичным выражением В.Новодворской: «...клинические идиоты». Я с такой «клинической идиоткой» стояла бок о бок в кабине для голосования 12 декабря. Разумная с виду, пожилая женщина. Следила за моими манипуляциями, повторяла их, предварительно спрашивая: «А это кто?» В результате «Яблоко» получило лишний голос. Потом мы вышли вместе на улицу и натолкнулись взглядом на портрет «невинного мученика турецких застенков». Тут женщина посетовала, что не видела (?) его в списках. На мой вопрос, чем он ей нравится, отвечала, что он помог бы ей отремонтировать квартиру, чего она не может добиться от местных властей несколько лет. А еще он обещал дать землю (!) колхозам. Затем она стала вспоминать войну, когда ей, по ее словам, жилось лучше... Когда ее ностальгия дошла до закона «о колосках», я от нее сбежала.

Я, как вы уже поняли, отдала свой голос за Г.Явлинского. Почему? Он первый и единственный из ученых мужей говорил со мной с экрана телевизора понятным мне языком, на уровне моего образования. Гайдар и его команда не могут не знать, что большинство избирателей, как говорится, университетов не кончали. Тем не менее они, совсем по А.П.Чехову, «...хочут свою образованность показать и все время говорят о непонятном». Есть и другие причины у проголосовавших против «Выбора России». Например — протест против правительства, при котором жизнь большинства становится все хуже. К тому же название «Выбор России» звучит претенциозно и навязчиво, так же, как и «Женщины России» (кто о них раньше вообще слышал?). Женщины России, измученные заботами о семье, о здоровье детей и внуков, мало что имеют общего с театральными львицами и дамами-юристами, которым пришлось в голову сотворить эту партию. Женщины России уповают на мужчин, которые должны же наконец появиться в этой огромной стране.

Л.ПАВЛОВА

Москва

ПИСЬМО В УЧРЕЖДЕНИЕ

Здравствуй, Юрий Алексеевич
и Николай Иванович!

Находясь вдали от Родины, хочу напомнить вам о себе. Надеюсь, что в вашей памяти запечатлелись незабываемые встречи со мной, когда я вызывался вами на «беседы» в уютный особнячок на улице Дзержинского. Заодно хочу поздравить вас с переименованием Учреждения в Федеральную Службу Контрразведки, с принятием новой Конституции и с успешными выборами в Госдуму.

С тревогой услышал, что Учреждение будто бы сокращается на треть. Учитывая вашу прошлую деятельность, надеюсь, что сокращение обойдет вас стороной. Ведь именно вы, товарищи, сотрудники бывшего 5-го управления, всегда и были контрразведчиками. Борясь с инакомыслием, вы пресекали идеологические диверсии западных разведцентров, наставляя заблудших на путь истинный. Помните, как на одной из «бесед» вы потрясли передо мной копиями моих рисунков? Вы говорили, что парижский

русский журнал, где они были опубликованы, содержится на деньги ЦРУ, а я говорил, что не имею к этому отношения. Разрешите доложить: прибыв в город Париж, я выяснил, что журнал пребывает в плачевном состоянии, буквально дышит на ладан. Перед приходом к власти Михаила Сергеевича, когда я находился в местах, не столь отдаленных от Белого моря, редактор журнала продал какие-то мои рисунки, что позволило выпустить еще один номер. Так что выходит, не только ЦРУ субсидировало издание. Сейчас ситуация изменилась, и все ищут богатых спонсоров. Надеюсь, и у вас они есть. Ведь все ваши здания, от Лубянки до Садового кольца, находятся, говорят, в прекрасном состоянии, как снаружи, так и внутри.

Тревожно мне было за вас в дни Второй Октябрьской Революции. Вот и Борис Николаевич, отвечая не так давно на прямой вопрос, чем вы занимались, когда в Москве шла перестройка, прямо ответил: «Готовились к обороне».

Как я вас понимаю! Кстати, знаете, чем отличается коммунист-оптимист от коммуниста-пессимиста? Коммунист-оптимист закопал свой билет до лучших времен, а комму-

Фиг.2

нист-пессимист публично сжег его. Надеюсь, вы остались такими же оптимистами, как и прежде. Только этим я могу объяснить то, что на мое заявление о реабилитации, которое давно было отправлено **куда надо**, до сих пор нет ответа. Думаю, что оптимистов много и в Верховном суде, и в прокуратуре.

Товарищи! Порождения перестройки: инфляция, теневые структуры, экстремизм — не дают спокойно дышать человеку. Предстоит еще долгая борьба за светлое капиталистическое будущее. Помня заветы Великого Магистра Вашего Ордена, надеюсь, что у контрразведчиков всегда будут горячее сердце, холодный разум и чистые руки. В эти руки я вручаю свой скромный подарок — образчик нового бланка ФСК (фиг. 1) и проект Ордена Новой Формации (фиг. 2) — «Орел двуглавый со щитом и мечом».

В заключение хочу сообщить, что я горячо одобряю решение правительства этапировать тело Ленина в город Санкт-Петербург Ленинградской области. За предательство интересов дворянского сословия можно и дальше отправить!

С оптимистическим приветом,
В.СЫСОЕВ

Берлин. Февраль 1994 г.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА КОНТРАЗВЕДКИ

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Москва, Лубянская пл. 2

_____ N _____

Фиг.1

О фирме «Лаурел» наш журнал уже писал («Голландская недвижимость всегда в цене», «Столица», № 48, 1993). Но деятельность фирмы вовсе не ограничивается работой на рынке недвижимости Голландии. Все больший интерес для наших предпринимателей начинает представлять недвижимость в Англии.

Не секрет, что многие российские бизнесмены пока предпочитают направлять свою прибыль на приобретение недвижимости в странах Запада. Это и «запасной аэродром» — на случай совсем уж неблагоприятного развития событий в России, и действительно выгодное вложение свободных средств. Цены на недвижимость растут в среднем быстрее банковских вкладов. К тому же недвижимость способна приносить неплохую прибыль — при сдаче в аренду, например. По оценкам специалистов, сейчас исключительно благоприятные обстоятельства для приобретения недвижимости в Англии.

— Сегодняшние цены на недвижимость в Англии примерно на 25—30% ниже, чем 5 лет назад. Это связано с определенными нюансами экономической обстановки в стране. Но такие цены останутся недолго. Выход Англии из экономического кризиса приведет к постепенному возвращению цен на прежний уровень. По данным Института статистических исследований в Лондоне, с марта этого года ожидается рост цен на недвижимость примерно на 20% в год. Поэтому жаждущие обрести дом на берегах Темзы должны поторопиться.

Фирма «Лаурел» при помощи своих партнеров поможет вам не только выбрать и приобрести приглянувшийся вам дом или квартиру, но и решить целый комплекс связанных с этим проблем. Купленное жилье можно сдавать в аренду, владея недвижимостью, можно получить кредит в банке под ее залог, зарегистрировать в Англии офшорную компанию и открыть счета в самых уважаемых британских банках. При этом вся ваша деятельность получит полное юридическое сопровождение, включая обеспечение визовой поддержки. Естественно, что между клиентом и фирмой сохраняются отношения полной конфиденциальности.

А что же родная московская недвижимость? Неужели потеряла свою привлекательность? Ничего подобного, она по-прежнему в цене! И может быть не менее привлекательной для инвестиций, чем недвижимость лондонская. Нужен лишь профессиональный подход. Именно такой, какой обеспечивает фирма «Лаурел». Ну скажите, разве сможет непрофессионал правильно оценить квартиру, которую он хочет продать? Конечно, можно назвать заведомо высокую цену и в течение нескольких месяцев искать покупателя. Если же вы уезжаете за рубежом на постоянное жительство, то лучше обратиться к спе-

КУПИ СЕБЕ КВАРТИРУ В АНГЛИИ

ФИРМА
«LAUREL»

КУПЛЯ-ПРОДАЖА КВАРТИР В МОСКВЕ
НЕДВИЖИМОСТЬ В АНГЛИИ И ГОЛЛАНДИИ

С 10 ДО 18 ЧАС.	449-3933 449-3943	1-КОМНАТНЫЕ
	449-3764 445-4263	2-КОМНАТНЫЕ
	445-1462 445-3988	3-6 КОМНАТНЫЕ
	114-1893 407-9813	ПОСЛЕ 18 ЧАС.

циалистам, которые смогут оценить реальную рыночную стоимость вашей квартиры. Только тогда вы будете застрахованы от ситуации, когда вы вынуждены из-за спешного отъезда срочно продавать квартиру за гораздо меньшие деньги, чем она того стоит. А такие случаи бывали. Услуги фирмы «Лаурел» ценны еще и тем, что она не только берет на себя все проблемы, связанные с приватизацией квартиры, оформлением и нотариальным завершением необходимых документов, но и перечисляет деньги в зарубежный банк. Естественно, что все эти операции осуществляются при полном сохранении конфиденциальности.

Профессиональная оценка стоимости недвижимости в последнее время все чаще оказывается необходимой при получении банковского кредита под залог. Это важно как для берущего кредит, так и для банка, этот кредит выдающего. Ведь в случае его невозврата недвижимость перейдет в собственность банка, и тому необходима реальная оценка. «Лаурел» всегда готова оказать подобные услуги как банкам, так и гражданам.

Если же вы решили приобрести квартиру, то и это лучше делать через фирму «Лаурел», которая может предложить вам на выбор и пользующиеся большим спросом среди бизнесменов престижные квартиры класса «люкс», отремонтированные на европейском уровне, и современные комфортабельные коттеджи недалеко от Москвы, в экологически чистых районах. Для удобства клиентов заявка на приобретение квартир принимается по разным, в зависимости от типа квартиры, телефонам. Работники соответствующих отделов (например, одно- или двухкомнатных квартир) хорошо знают именно свой сектор рынка, так как к ним стекается вся информация по соответствующим типам квартир. Работая с более узким кругом людей, они могут уделить и большее внимание каждому клиенту. Поэтому клиенты, оставившие заявку на приобретение недвижимости, никогда не оказываются забытыми.

Если вы на длительное время выезжаете за рубеж или у вас есть излишки жилплощади в Москве, то вы можете заключить с фирмой «Лаурел» договор на доверительное пользование вашей квартирой. Хорошее знание конъюнктуры цен на московском рынке позволяет улучшить ваши жилищные условия без дополнительных вложений с вашей стороны.

Продавая или покупая недвижимость через риэлтерские фирмы, вы не тратите свое время на стояние в очередях к нотариусу, в жэк и в Департамент муниципального жилья. К тому же вы обретаєте уверенность в том, что вас не обманут, не «кинут» и подберут жилье по вкусу и по средствам. И уж в этой фирме «Лаурел» можно довериться полностью.

Кстати, фирма выступила инициатором нового интересного дела — проведения семинаров по актуальным вопросам рынка недвижимости в Москве и за рубежом и юридическим аспектам бизнеса за рубежом. В первом таком семинаре, который состоится 24 марта в «Президент-отеле», примут участие представители голландских и английских компаний. Если вас заинтересует участие в этом семинаре, то с вопросами и предложениями вы можете обратиться по телефону: 445-41-04, 946-32-46 или факсу 946-32-98.

Вадим КАНТОР

ПРЕДЛАГАЮ

Девушка 22 лет с высшим экономическим образованием, имеющая навыки работы с компьютером и знающая английский, ищет работу. Интим не предлагать.
Тел. 305-89-43.

Комплексный ремонт квартир.
Тел. 413-48-60.

Отдых и лечение на курортах Карловых Вар.
Тел. 923-19-71.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений — прыжки с парашютом.
Тел.: 272-20-38, 490-60-10.

Хочу помочь тем, кому совсем плохо: одиноким, пожилым. Приглашаю за город на отдых, могу принять несколько человек в благоустроенном доме. Уход обеспечу, помогает благотворительный фонд. Живу в Малаховке.
Тел. 392-17-04, Людмила Валентиновна.

Пожизненное содержание и обслуживание одиноким и престарелым жителям города.
Тел. 469-22-00, 360-81-37.

Помогу сдать квартиру.
Тел. 205-38-85.

Очаровательного породистого щенка афганской борзой. Недорого.
Тел. 426-51-67.

КУПЛЮ

Комнату. Путем брака за 5—6 млн руб.
Тел. 459-34-66, Валера.

ПРОДАЮ

Щенков бойцовых пород. Клуб «Зоопрактика».
Тел. (095) 541-68-84.

Часы «Cardi-Vostok» механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в

футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Гербалайф — 5-компонентный, американский. Дешево.
Тел. 941-38-45.

Обои, облицовочную плитку, плитку АГШ, товары народного потребления, автомобильные аккумуляторы. Недорого. Вторник, среда, четверг.
Тел. 905-33-27.

Гербалайф — продажа и консультации гомеопата. Диеты, добавки и косметика.
Тел. 177-46-86.

Инвалидную коляску рычажную.
Тел. 563-78-93.

Машину «ВАЗ-2109», белый, 1989 г. выпуска, двигатель 1300, длинное крыло, люк, 5КПП, автомагнитола «SHARP», пробег 100 тыс. км.
Тел. 976-97-18, Валерий.

Детскую верхнюю одежду (размер 28—30), б/у и новую. Сапожки б/у, размер 16—17.
Тел. 337-71-72, с 21.00 до 23.00.

МЕНЯЮ

3-комнатную квартиру со всеми удобствами в Алма-Ате на одно-, двухкомнатную квартиру в Москве или дом усадебного типа в близком Подмосковье.
Тел. 366-37-24.

Уютную однокомнатную квартиру на 5-м этаже 5-этажного кирпичного дома без лифта, тихий Центр (Угловой пер., м. «Белорусская» — м. «Новослободская») на однокомнатную квартиру (можно 1-й этаж)

рядом с м. «Беговая» — м. «Полежаевская».
Тел. 941-38-45.

ВНИМАНИЕ

Создаю службу знакомств для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмосковье, в Дмитрове.
Тел. (222) 312-05, Ольга.

Лазерный центр предлагает эффективное лечение сосудистых, легочных, воспалительных и других заболеваний.

Ул. 1-я Сокольническая, д. 8 (рядом с м. «Сокольники»).

Инвалид детства просит финансовой помощи для покупки коляски. Благодарю Вас.
Тел. 326-17-40.

Народный целитель международного класса Чистякова проводит индивидуальный курс лечения различных заболеваний: кожных, урологических, гинекологических, дыхательных путей и желудочно-кишечного тракта. Снятие порчи, сглаза.
Тел. 476-90-69, Татьяна, с 16.00 до 22.00.

Г-н К.Рыбак извещает о перемене места работы. Новый телефон: 928-53-06. Газета «Центр плюс».

Независимая судебная экспертиза — быстро, надежно, конфиденциально.
Консультации бесплатно.
Тел. 251-54-19 (вечер).

ПАРЕХ
BANK

МЫ
БЛИЖЕ,
ЧЕМ
ШВЕЙЦАРИЯ

РИГА
ул. Смилшу, 3, центральный офис
ул. Валдемара, 8, отделение «Валдемара»
ул. Валдемара, 1Б, отделение «Цитадель»

Кодированные счета тел. (0132) 331970
325208
322539

Наличная валюта за
безналичную; 222291
доставка клиенту 325220
тел./факс 222464

Покупка-продажа СКВ за 213768
российские рубли 223378
321341
тел./факс 221385

Факс-автоматы (0132) 215201
224576
телекс 161207 PAREX SU
телетайп 161493 BNK

ВАЛЮТА ДЛЯ ДЕПУТАТОВ

Если верить официальным цифрам, то чуть ли не все россияне пребывают за чертой бедности. Меню у большинства — за чертой скромности, гардероб — ниже какого-нибудь статистического «уровня прикритости»...

Отстаивать в парламенте интересы измученного нуждой народа, по-видимому, и есть тот особый характер деятельности, за который депутаты определили себе 50-процентную надбавку к министерскому окладу. В итоге получилось около 800 тысяч рублей в месяц. Но не надо думать, что это предел депутатской скромности. Двадцать депутатов Думы, в основном коммунисты, голосовали за оклад в 3000 долларов ежемесячно.

Кстати, мои личные наблюдения показали: гораздо больше двадцати российских парламентариев предпочитают доллары рублям. Во время обеденного перерыва в местный пункт обмена валюты всегда выстраивается очередь. Курс там самый обычный. Необычно другое: клиенты только покупают доллары, причем тратят на это самые разные суммы — от пяти тысяч до нескольких миллионов рублей.

Как-то я поинтересовался у служащей банка — каков оборот в день? Она, узнав, что я журналист, объявила информацию коммерческой тайной. Наверное, такие «секретные» данные можно получить только по депутатскому запросу.

Х.Э.

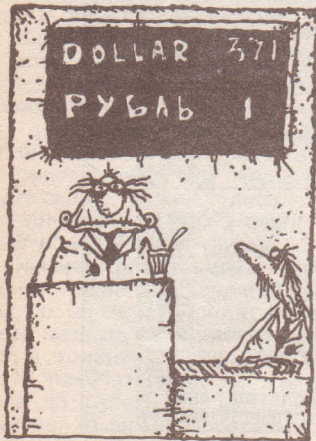

Рис. А.Зайца

— По-моему, нет, — мрачно сказал мне известный предприниматель, депутат Госдумы Артем Тарасов, член Комитета по безопасности.

— Артем Михайлович, а почему вы пошли именно в этот комитет? Что, с экономикой «завязали»?

— Нет, наоборот. Я в этом комитете буду заниматься именно чистой экономикой: безопасностью для нашей страны тех экономических указов, постановлений и законов, которые принимаются, а также безопасностью, связанной с экономическими волнениями, которые вот-вот начнутся... Буду участвовать в разработке законов — скажем, об экономических преступлениях и проч. Ведь мой основной лозунг на выборах был «Безопасность общества», а это напрямую связано с падением экономики.

— Это падение способны, на ваш взгляд, остановить программы, предлагаемые сегодня премьеру Шаталиным, или Глазьевым, или еще кем-то?

— Нет. Эти программы — и Шаталина, и Глазьева — меня пугают: они обе основаны на отрицательном мировом опыте. Как такое вообще могло прийти в голову экономистам?! Например, они возводят в ранг экономической политики... протекционизм (!) отечественных товаров. А вся мировая практика показала, что этот протекционизм бьет потом страшно по всей экономике. Далее — контроль во внешне-экономической области: в программе Шаталина сказано, что надо закрыть валютные биржи и с какого-то момента курс рубля к доллару устанавливался решением Центробанка?!

— А можно ли эти программы практически осуществить?

— Как раз нет! Все они опять же говорят о том, что

АРТЕМ ТАРАСОВ ЗНАЕТ 48 СЕКРЕТОВ ВЫЖИВАНИЯ

Известно, что на роль правительственной экономической программы на ближайший период претендуют и доклад академиков Шаталина, Петракова и Абалкина, и текст, подготовленный думскими экономистами во главе с председателем Комитета по экономической политике Сергеем Глазьевым, и разработки бывших членов правительства, в частности отчет, представленный группой Бориса Федорова... То есть текстов много, но — есть ли из чего выбирать?

надо делать. Но это всем известно. Сейчас же надо понять, как делать. А на этот вопрос никак не отвечают программы и Шаталина, и Глазьева. Никто не предлагает конкретных мер.

— А вы?

— А я предлагаю. И, между прочим, в скандальной форме. В одном из интервью я сказал: могу предложить способ выхода из положения с неплатежами и с дырой в бюджете.

— Найдете деньги, что ли?

— Да. Найду 15 триллионов рублей в течение месяца. А мне чтобы с этой суммы — всего 1 процент. То есть Черномырдину не надо будет печатать на станке триллионы эмиссионных рублей, а печатать лишь 150 миллиардов. И отдать мне. А я из них 30 процентов направлю на поддержку той прессы, которая это мое предложение опубликует, а остальное — в специальный ипотечный фонд для создания банка. Если Черномырдин согласится на это, я тут же выдаю конкретное практическое решение — сниму все проблемы и с неплатежами, и с долгами сельскому хозяйству, газовой промышленности, науке и т.д.

— Вы всерьез думаете, что это правительство пойдет вам навстречу?

— Вряд ли... Сегодня в правительстве России, как ни в какой другой нормальной стране, нужны предприниматели, а не ученые-экономисты.

— Россия с вашей точки зрения — ненормальная страна?

— Россия не может сегодня жить по типу нормальной страны, бюджет которой формируется только за счет отчислений и налогов — Россия, государство, должна сама точно так же зарабатывать деньги, как и любые частнопредпринимательские структуры. Это моя идеология. А по-

том уже Россия сможет войти в нормальную стадию, когда производителей будет достаточно для того, чтобы формировать своими отчислениями бюджет. Сегодня этого недостаточно. В этом — одна из главных ошибок Гайдара: он думал, что сформирует бюджет в виде аналогии. Нет, Россия должна зарабатывать деньги.

— Есть у нее такая возможность?

— Есть. Ведь в руках государства до сих пор находится более 90 процентов собственности.

— Почему же оно этого не делает?

— А никто ничего не делает конкретного! Все только говорят, что надо делать... А я предлагаю конкретных 48 мер. Я же не сидел все это время сложа руки.

— Кто-то знает в верхах об этих ваших мерах?

— Пока нет... Я пытаюсь напрямую пробиться к людям, что-то решающим, но... До сих пор не знаю, кто это такие. Кто решает и где — в президентских ли структурах, в правительственных ли?..

— Не бойтесь, что вам жизни не хватит, чтобы пробиться к кому-то, кто решает?

— Именно этого и боюсь. Похоже, что «верхи» рассчитывают жить вечно... Например, меня рассмешило в программе Шаталина, что там все прямо расписано по срокам. Но — каким? Смотрите: стабилизация — 2 года, потом 10 — возврат к уровню 1990 года, и только потом, еще через 3 года, приступают к рыночным преобразованиям! Видимо, академики планируют себе еще 15 лет активной деятельности, а дальше — хоть потоп! Если мы через 10 лет придем только к состоянию на 1990 год... Жуть!

Григорий КРОШИН

Информ-реклама

Металлические

двери

и решетки,

а также:

**шкафы для рабочей одежды,
раздвижные и распашные решетки
(ширмы),
каркасы садовых теплиц под пленку и
остекление, ограждения, ритуальные
ограды, городские заборы.**

**Изготовит и установит для вас
научно-производственное
предприятие «Модуль».**

**Контактные телефоны:
275-17-07 и 275-15-48.**

**Наш адрес:
Москва,
ул.Автозаводская, д.16,
комн. 3506.**

К нам можно проехать: станция метро «Автозаводская», далее любым автобусом или троллейбусом до остановки «1-я проходная ЗИЛ», Московский автомобильно-дорожный институт (МАДИ), корпус № 3, 5-й этаж, комната 3506 с 9 до 18, в субботу с 10 до 16.

**СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА
«ПО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИ»**

13—15 марта в Детройте (США) пройдет совещание по проблемам создания новых рабочих мест, в котором примут участие три американских министра (финансов, труда, торговли), а также их коллеги их стран «большой семерки», высокие чиновники из комиссии Европейского союза и многочисленные эксперты.

Комментируя цель столь представительного собрания, помощник министра труда США по делам занятости Мартин Мэнли заявил, что оно даст возможность «обсудить занятость как глобальную и самую актуальную проблему» и «поделиться опытом различных подходов» к ее решению.

Безусловно, современный опыт решения вопросов занятости — без истерик, с нормальным прогнозированием и нетрадиционными вариантами — нам бы тоже пригодился. Тем более что если у нас — перестройка экономики, то на Западе, и в частности в США, — «период индустриальной трансформации», как сформулировал Мэнли. А значит, им тоже надо внедрять «новые формы труда, новые формы руководства и новые формы защиты прав работников». Все это сформулировано в нескольких программах, которые начал проводить специальный департамент по вопросам организации труда, который в августе прошлого года был создан в Министерстве труда США. Среди этих программ, между прочим, — создание организации для подготовки профсоюзных лидеров по развитию и управлению новыми формами взаимоотношений на производстве. Что ж, в трансформируемой экономике профсоюзы — школа капитализма. Более того, помощник министра вполне «по-нашему» заметил, что «начинать сокращение не-

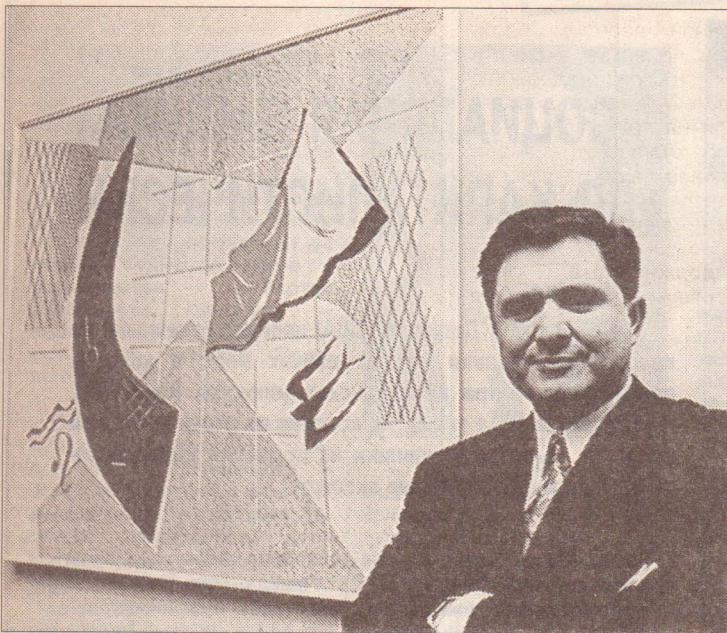
обходимо сверху, а не снизу».

Правда, на роль государства в изменяющихся обстоятельствах американская администрация смотрит совсем не так, как наши радители народного блага. Касаясь социальной защиты, предоставляемой правительством для смягчения негативных последствий «трансформации», Мэнли подчеркнул, что задача властей «не в том, чтобы предоставить социальные гарантии, а в том, чтобы создать своеобразный трамплин», с помощью которого работник мог бы совершить прыжок в своей карьере и найти новую работу. По его мнению, всеобщая занятость — лучший способ избежать таких удручающих явлений, как преступность (что нам вполне понятно) и зависимость от системы социального обеспечения (что нам понятно не очень, поскольку мы любим от нее зависеть). Однако «здесь тоже существует определенный предел. Массированные и последовательные попытки государства исправить все ошибки, накопившиеся в экономике за долгие годы, могут оказаться контрпродуктивными».

Интересно, что такое «долгие годы» в представлении американского специалиста? Мы вот свои «ошибки» накапливали семьдесят шесть лет...

(По материалам ЮСИА)

БОЯТЬСЯ СВОЕГО НАРОДА СТЫДНО

39-летний Руслан Дахаев — создатель и совладелец международного объединения — ТЭПКО М (торговля, экспорт, промышленность, кредитное обслуживание). Объединение это первым включено в регистр министерства коммерции США в качестве российской фирмы, рекомендованной американским предпринимателям для сотрудничества.

Уроженец Казахстана, Р.Дахаев в 1981 году закончил Московский экономико-статистический институт (МЭСИ). До 1989 года работал в ЦСУ СССР. В 1990 году — вице-президент и директор МЕНАТЕП по инвестициям. В 1991 году вместе с небольшой группой молодых и честолюбивых людей создал ТЭПКО М.

— Руслан Хасанович, вы недавно вернулись с одной из самых престижных мировых экономических тусовок, известной под названием Всемирный экономический форум, в Давосе. Что более всего заинтересовало вас на этой встрече политической и экономической элиты.

— Я лучше расскажу о том, что меня более всего удивило. Сейчас все говорят о необходимости вступления России в цивилизованный рынок. Я твердо уверен, что путь туда лежит через Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Эта организация, признанная всем миром в качестве «ООН по торговле», диктует сегодня не только правила игры, но и, по существу, определяет, кто будет допущен к играм. И вот пленарное заседание в Давосе по проблемам ГАТТ.

Переполненный зал, повышенный интерес к происходящему... Представляет же мое удивление, когда обнаруживаю, что из 40 российских участников давосского форума на гаттовском заседании сижу один я. Могу понять коллег-предпринимателей:

у них в этот день могли быть другие интересы. Но уж люди из российского МВЭС... Для иных-то же важнее ГАТТ ничего просто быть не может. Однако, как говорится, блеснули своим отсутствием. Может быть, поэтому генеральный директор ГАТТ Питер Сазерленд в своем часовом докладе посвятил России секунд десять, сказав примерно следующее: «Россия — очень большая и очень нищая страна. Пусть они там разберутся в своих проблемах, а уже потом придут к нам». Так вот «они», судя по Давосу, вообще никуда приходить не собираются.

— Интересно, а каким образом вашему объединению удалось всего лишь через год после возникновения попасть в регистр министерства коммерции США?

— Мы с самого своего создания начали довольно активно работать с западными партнерами. Причем всегда старались делать это на равных, без унижительных ссылок на «советскую» специфику, не выпрашивая дешевых кредитов под сомнительные, неаргументированные проекты,

сделав для себя правилом стопроцентную обязательность, без всяких там субъективных и объективных обстоятельств. В определенном смысле нам повезло: на Западе сразу же попали на серьезных партнеров. Это, кстати сказать, очень важно. Многие российские коллеги, кто по незнанию, кто в погоне за быстрой прибылью, вступают за рубежом в «случайные» коммерческие связи. Заканчиваются такие скоропалительные знакомства чаще всего не только финансовыми убытками, но и изначальной потерей репутации. В 1991 году нашим консультантом стала знаменитая вашингтонская юридическая фирма «Стюарт энд Стюарт», и, пользуясь ее рекомендациями, мы смогли заработать и укрепить свою репутацию.

«Стюарт энд Стюарт» консультирует правительства многих стран, в том числе и США, по вопросам ГАТТ. Отсюда у фирмы широчайшие связи и возможности. Мы оказались прилежными учениками, свято соблюдали все гаттовские требования, в частности, никогда не занимались демпингом, какими бы заманчивыми ни были предложения. В конце концов два года назад Ассоциация финансистов США и Лондонский финансовый клуб рекомендовали нас министерству коммерции США для включения в этот самый регистр.

Я вот что еще понял: не надо себя жалеть, не надо придумывать себе оправданий. Хочешь работать успешно — работай. Скажем, западные фирмы не признают заключений российского аудита, для них существует только аудит международный. Нас проверяла авторитетнейшая международная аудиторская фирма «Эрнст энд Янг», проверка длилась семь с по-

ловиной месяцев, и это было напряженнейшее время для всех наших сотрульников. Но мы через проверку прошли — получили подтверждение балансов за 2,5 года. Перешли на формы учета, принятые в западных банках, стали членами S.W.I.F.T. (система международных электронных расчетов). Тот, кто имеет хоть какое-то представление о современной банковской жизни, поймет, насколько все это серьезные вещи. Какого они требуют напряжения. Жизнь, как сказал замечательный писатель Фазиль Искандер, может быть и тяжелой, дыхание должно быть легким.

— И как же все-таки это у вас получилось?

— Я рискую показаться банальным, но «гениалиссимус», как назвал его В.Войнович, был прав, утверждая, что «кадры решают все». Удалось собрать толковую команду, состоящую из интеллектуалов. У нас работают и академики, и молодые ребята из МГУ. Мы довольно много платим, у наших служащих должна быть ментальность богатых людей. Это одна из составляющих «фирменной» философии. Меня, скажем, мало волнует послужной список человека, еще меньше — его политические воззрения. Когда человек, претендующий на работу в объединении, проходит свое первое интервью, мы прежде всего пытаемся понять: чего он хочет, каким представляет свое место в окружающем мире. Если он нам подходит по мироощущению, то не боимся вкладывать в него средства, учим в США, Италии, Швейцарии. Был забавный случай. Пришла девушка, закончившая медицинский институт с «красным» дипломом. И сумела нас убедить, что связывает свое будущее только с банковской работой. Прошло время — сейчас она главбух в одном из наших банков.

— А ваш собственный путь?.. Миллионерами рождаются или становятся?

— Ну уж в том, что я не родился миллионером, могу вас заверить совершенно категорически. Все гораздо прозаичней: школа, армия, потом институт. Знаете, по отношению к МЭСИ я до сих пор сохраняю очень нежные чувства, это было хорошее время, но миллионеров там явно не готовили. Мы были, в общем-то, вполне пристойными ребятами, прилично учились, вкалывали в стройотрядах...

— Вы даже на четвертом курсе ордена сумели получить — Трудового Красного Знамени...

— Да, и до сих пор горжусь им. Я ведь ни от чего в своей жизни не собираюсь отказываться. Сомнения начались, когда я по распределению оказался на работе в ЦСУ СССР. Там мы «творили великую мечту», и наши цифры могли подтвердить все что угодно: Вообще, наша статистика тех времен — это тема для отдельного

романа. Внутренний перелом произошел, когда я в качестве эксперта был привлечен к расследованию «узбекского дела». Мы тогда довольно быстро вышли на тех, кто несет ответственность за хлопковые приписки. Но среди членов нашей комиссии был представитель ЦК КПСС (сейчас, кстати, возглавляет одно из правительственных ведомств), он знал, как было и как должно быть. В итоге нашли «стрелочника» — им оказался оператор местного ВЦ, — и все спустили на тормозах. Мне стало окончательно тошно и противно. Короче говоря, довольно скоро на работе возник конфликт из-за какой-то мелочи, я вспылил и с грандиозным скандалом вылетел из Госкомстата в никуда.

— Вы предполагали заняться банковским делом?

— Что вы, я ведь был продуктом эпохи и пребывал в уверенности, что в банках должны работать женщины, потому что считать чужие деньги не мужское занятие. Правда, я помнил, что мужское занятие — кормить семью, а работы не было. Подергался туда-сюда, встретился с одним из знакомых, который работал в только что созданном банке МЕНАТЕП, и был принят туда в качестве рядового экономиста в бухгалтерию. Это было лишнее время, коммерческие банки росли как грибы, каждый шаг был истинно первым шагом. Через год я стал директором по инвестициям в ранге вице-президента банка, а еще через год открыл собственное дело.

— Сейчас страна переживает банковский пик, но до этого нечто подобное было с биржами... Не начнут ли в обозримом будущем банки исчезать, как это случилось с биржами?

— Насчет банковского пика — это вам кажется с непривычки. На самом деле банков сейчас в России все еще раз в десять меньше, чем в США. Да и те, что есть, очень часто и не банки вовсе, а довольно примитивные магазины, торгующие деньгами. Причем начинается это с Центрального банка России (ЦБР). Государственный банк должен быть федеральным резервным фондом. А он чем занимается? Торгуется денежными ресурсами. По сути это мало чем отличается от торговли ресурсами природными. Только нефть и газ надо добывать в поте лица своего, а дензнаки печатаются с гораздо меньшими трудозатратами. Чем государственный банк, торгующий деньгами, отличается в данном случае от любого коммерческого банка? Разве только тем, что реального контроля за его деятельностью значительно меньше. Почему-то не доводилось мне увидеть официально опубликованного баланса ЦБР. Причем баланса, подтвержденного серьезным международным аудитом. Да, ЦБР обязан вести строжайший

контроль за деятельностью коммерческих банков, но, как известно, требуя чего-то от других, не грех бы начинать с себя. В ЦБР работает много умных, вполне профессиональных людей, способных переменить ситуацию, и хочется верить, что возобладают именно они.

— Вам, богатому человеку, не страшно жить в России?

— А почему я должен чего-то бояться? Это моя Родина, и я не собираюсь ее кому-то уступать. Ни уголовным бандитам, ни политическим авантюристам. Более того, примерно четверть ресурсов нашего объединения идет на долгосрочные инвестиции в российскую экономику. Мы вкладываем деньги в биотехнологию, металлургию, производство стройматериалов. Серьезно инвестируем в производство продуктов питания, например, в сахарные заводы юга России. Причем отдача уже началась, через пару лет пойдет и прибыль.

Да, действительно сейчас страна в реанимации. Но она не собирается умирать, думаю, что она выкарабкивается из болезни. В России гуляют сотни миллионов долларов, их надо просто использовать по-людски. Все ведь достаточно просто. Мы традиционно любим устраивать всякие зоны. Вот и надо сделать Россию офшорной зоной, где налоги будут взиматься только с чистой прибыли. Поверьте — такая деловая активность начнется, что через пять лет японцы придут передовой опыт изучать. И в этом моем утверждении нет никакой ньювасюковщины. Я уверен, что не надо просить у Запада помощи, от них требуется другое — поддержка. Это ведь понятия разные.

Я, к сожалению, вновь не буду оригинален, но замечу, что работать надо. Много, толково, изобретательно. А бояться? Чего? Собственной страны, своего народа? Это, извините, стыдно.

— Ну а какого-нибудь политического катаклизма?

— Я думаю, что народ, о непредсказуемости которого так много рассуждают, состоит в основном из людей здравомыслящих и разумных. Ну, допустим, проголосовал он не так, как хотелось бы. Это ведь еще не катаклизм. В следующий раз проголосует по-другому. В этом, между прочим, и заключается демократия. А устраивать катаклизмы... В стране, где расположены ядерные реакторы, шуметь и топтать нельзя. Здесь надо ходить уверенной, но мягкой походкой.

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

Фото В.Смолянинова

НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА

В 1991 году в Москве — в плане эксперимента — появились руководители нового типа: префекты, супрефекты и начальники территориальных округов. У эксперимента были благие цели: приблизить городскую власть к народу. Считалось, что географическое приближение и количественный рост начальства (муниципальными округами в Москве командуют 142 супрефекта) обеспечат наведение должжданного порядка на улицах города, в коммунальном хозяйстве, в магазинах. И теперь москвичи, прождавшие обещанного порядка, как и положено, три года, могут самостоятельно сравнить азы теории с практикой.

Впрочем, в магазины для этого заходить вовсе не обязательно: официальную статистику обманов, обвесов, обсчетов и прочей «чернухи» в московской торговле регулярно публикуют «Куранты», «Вечерняя Москва», «Сегодня», «Труд» и т.д. Приведем лишь пару примеров и сделаем сами собой напрашивающиеся выводы, от которых почему-то воздерживаются другие издания.

Постановлениями правительства и мэра предполагается, что те покупатели, кому торговое жулье особенно

противно, в случае чего позвонят сотрудникам отдела потребительского рынка в управление муниципального или территориального округа, ну а уж суровые префекты-супрефекты меры примут. «Куранты» даже номера инспекционных телефонов публиковали (хотя они должны висеть в каждом магазине) и огромный заголовок на первую полосу выносили: «ОХ, И ДОСТАЛ МЭР ПРЕФЕКТОВ!» (дескать, мэрия начала кампанию по наведению порядка в торговых точках), но все равно не хотят связываться с торговлей префекты. А для супрефектов — мэр вообще как господь Бог, который, как известно, далеко и если и карает нечестивых, то большей частью не на этом свете.

Вот до конторы супрефекта «Северного Медведково» С.В. Мельникова мэру семь верст киселя хлебать по московскому бездорожью. Так что и не пробуйте сообщать в медведковский муниципалитет, что на Широкой улице, например, обычная аптека превратилась в «частную» — ТОО «Медведково» — со своими «частными правилами торговли» и странными кассирами, забывающими про сдачу. Сотрудники и социального, и торгового отделов попросту бросают телефон-

ную трубку: «Частными аптеками не занимаемся».

Да что Медведково! Сотрудники территориального управления «Тверское» твердо знают, что географический Петровка находится ниже Тверской и до Петровки мэр со своей Тверской никогда не опустится. Так что не ищите в магазинах напротив городской Думы даже намеков на существование книги отзывов и предложений. Вот цветной портрет начальника теруправления Б.А.Пашинцева, зависевший после недавней кампании по выборам этой самой Думы, встретить, может, и удастся — агитационные плакаты директорам магазинов выдавали на специальном совещании в управлении. А есть или нет в торговых залах книга отзывов и номер телефона отдела потребительского рынка — это Б.А.Пашинцева не волнует. Во всяком случае, его сотрудники предпочитают не отвечать по телефону на просьбы объяснить заведующей «Булочной на Петровке», что и сдача, и книга отзывов в магазине все же должны выдаваться.

Их можно понять — и в «Тверском», и в «Северном Медведково» других проблем по горло: в обоих управлениях заняты очередным ремонтом собственных контор. Ведь если у кабинета простенькие фанерные двери, чиновнику кажется, что его «не уважают», у него может даже комплекс неполноценности развиваться. А этим управлениям, как назло, не хватило в Москве респектабельных зданий. Вроде того, что досталось, например, теруправлению «Мещанское»

(проспект Мира, 18) — там и дизайн-модерн, и лестницы мраморные, и милиция в хвосте от мирской суеты охраняет.

Но если помещения подкачали, то своими подчиненными супрефекты довольны. Те, в свою очередь, довольны директорами магазинов. И мэр доволен супрефектами. Ну а если от некоторых из них он и не в восторге (по крайней мере, так иногда утверждают близкие к мэру газеты), то сделать все равно ничего не может. Ну разве что выговор какой объявит с публикацией в «Вечерней Москве», но многие из нынешнего начальства прекрасно помнят, что любой выговор — даже с записью в учетную карточку члена КПСС — всегда мало что значил. Один из министров Ю.М.Лужкова прямо заявил в интервью «Вечерней Москве»: гнать некоторых супрефектов, очевидно, придется, однако «вначале надо разработать базу — правовую, организационную, экономическую». Оказывается, номенклатуру легко породить, а вот сладить с ее эволюцией, плодовитостью, приспособленчеством не так-то просто, ведь чиновник чиновнику глаз не выклюет.

Ну а москвичи оценили заботящееся о них городское начальство достойно — в декабре ни один супрефект не был избран в городскую Думу. При том, что за каждого из удачливых кандидатов, ставших депутатами Думы, проголосовало в среднем по 10—15 процентов избирателей, С.В.Мельникову свои голоса отдали только три процента, а Б.А.Пашинцеву — около четырех. Видимо, в магазинах их округов как раз и не следовало агитировать.

Как известно, к маю нынешнего года эксперты мэрии и городской Думы должны разработать проект устава города — конституции Москвы. Будущее территориально-административное деление, по признанию пресскантора мэрии, стало их главной головной болью. Ведь вопрос здесь не в новом делении города, а в перераспределении власти и, конечно, в количественных изменениях городской номенклатуры. А номенклатура любит развиваться в своем направлении.

Сергей ПАНОВ

Фото Э.Кудрявцова

На правила торговли внимания здесь не обращают, ведь до мэрии аж полкилометра

И ПОДАРОК ПРЕПОДНЕСТИ, И НЕВИННОСТЬ... ПРИОБРЕСТИ

Новое в сфере услуг всегда порождает прихоти у богатых. Так гражданка Л. из Челябинска поделилась с нашим корреспондентом своей идеей, которую можно назвать только курьезной. Л. узнала, что в Челябинске существует медицинское учреждение, восстанавливающее хирургическим путем невинность. Такой подарок она решила преподнести на 23 февраля своему мужу-бизнесмену. «Моему супругу не приходилось иметь отношений с невинной девушкой, и этот подарок будет для него самым желанным за все долгие годы нашего супружества», — пояснила Л. Будущей оперируемой 31 год, имеет двоих детей.

Виктор ЗОЛОТУХИН

НА СТУДЕНТОВ ПОВЕСИЛИ СОБАК

Цинизм врачей уже вошел в анекдоты, но алтайские медики все же достойны страш-

ных сказок. Дело в том, что с недавних пор студенты Алтайского государственного мединститута должны сами обеспечить себя «операционным материалом», на коем впоследствии и будут отрабатываться разрезы, швы и прочие детали операции. Попросту говоря, будущий врач для своих тренировок должен притащить собаку, за что мединститут платит ему тысячу рублей.

Таковой способ снабжения поверг в шок многих бывалых медиков, однако они очень скоро пришли в себя — «что ж, надо же на ком-то учиться...». Но пока студенты собачек не несут. И единственным результатом нововведения стала фраза, которой теперь студенты-медики провожают собак на улице: «Во, еще «штука» побежала...»

Сергей ТЕПЛЯКОВ

НАША КИСКА СЖУЕТ И МОРКОВКУ

Двадцать кошек и дворнягу Шарошу имеет на своем иждивении безработная из Омска Елизавета Ким. Об этом трогательном факте сообщила газета «Вечерний Омск». В

статье содержалась настоятельная просьба помочь сердобольной женщине продуктами для ее живности. Однако омичи на этот призыв отреагировали весьма своеобразно. Елизавета стала находить у дверей своей квартиры не импортный «Вискас», а все новых представителей семейства кошачьих. Около десяти подкидышей ей уже удалось пристроить. Хорошо, что подопечные Елизаветы непривередливы — едят все, что дают. В ход идут вареные овощи, а некоторые киски употребляют даже сырую морковь. И все, о чем они могут попросить свою заботливую, но безденежную хозяйку, — это еще немного морковки.

Игорь БАРИНОВ

«...И ТОТ, КТО С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ ШАГАЕТ...» ПОД СТОЛ...

Песня, подобно любви, доступна любому возрасту. Это доказывает всем своим творчеством московский композитор Ивар Арсеев. Сначала Ивар создавал песни для пятилетних, затем, как летчик-ас, стал снижать свой самолет. Написал для четы-

рехлетних, трехлетних... и вот в издательском объединении «Композитор» вышли в свет арсеевские «Песни-игры», где в предисловии обозначено, что в сборнике есть песни для детей полуторагодовалых. Специалисты утверждают, что в этом — своя психологическая правда: например, трехлетки не примут песен четырехлеток. Композитор, поставивший своеобразный рекорд, шутит: «Теперь мне осталось написать «Колыбельную для беременных женщин»».

Юрий БЕЛИКОВ

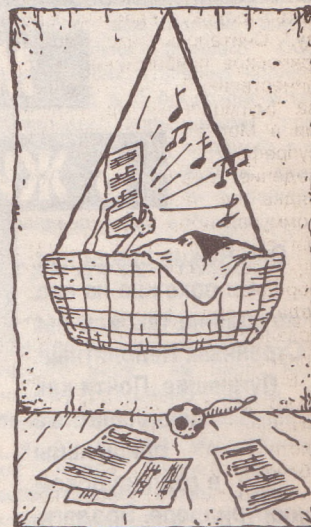

Рис. А. Зайца

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Увы, волею судеб начало показа американского телесериала «Твин Пикс» совпало с отечественным предвыборным сериалом, который отодвинул фильм Дэвида Линча на ночь-полночь, отчего выбор России оказался на много порядков печальнее, чем мог бы быть. Телезрители (они же — избиратели), притомившись от словесного поноса малообаятельных (мне самой жаль, что они такие, но что выросло, то выросло) кандидатов, не могли потерпеть еще полчаса, пока в прямом эфире кто-то ни с того ни с сего выигрывает вот такой лоттомиллион, и шли спать. И видеть сны, быть может. А в это время самый обаятельный и привлекательный из агентов ФБР Дэйл Купер появился на экране. Но видели его немногие. Благодаря этим телепроискам мирового зла наш народ-избиратель устал

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

АГЕНТ КУПЕР КАК БУДУЩИЙ ВЫБОР РОССИИ

свежую как прошлогодний снег новость от Педигри Пал, мировую историю от банка «Империл», неповторимый и устойчивый вкус того, что таеет во рту, но не узнал вовремя, каким должен быть настоящий мужчина, за которого можно и в огонь, и в воду, и в горящую избу, и замуж, и даже — в депутаты. И проголосовал сами знаете за кого. Но поскольку это ведь был еще не последний на нашем веку выбор России, то, на мой взгляд, совершенно

необходимо снова показать «Твин Пикс» с самого начала в благоприятном эфирном режиме латиноамериканского сериала. При всей утопичности моего пожелания я все-таки верю, что в этом случае непростые обыватели американского провинциального городка непременно победят — в массовом сознании российского обывателя — напомаженную куклу по имени «Просто Мария», а веселый и умный мистификатор Дэвид Линч, поборов-

ший вместе с агентом Купером мировое зло (которое, собственно, и есть та самая простота, что хуже воровства), победит кроважадных мексиканских телевизионщиков, третий год мучающих на наших экранах невинных младенцев. Иными словами: я верю в свой народ и его здравый смысл, который безмолвствует просто из-за отсутствия того, что называется хорошим примером. А когда «оба хуже» — ошибка в выборе неизбежна. И еще: я верю в «хороший пример» агента Купера потому, что наш народ, по данным социологов, — на две трети «она», а не «он». Женщина же, увидевшая, в конце концов, настоящего мужчину, уже не сможет позариться бог знает на кого. Мой личный опыт это подтверждает.

Б.О.М.Ж. —

БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА В ЖИЗНИ

Они. Чужие среди нас.
Не похожие на нас.
Живущие не так, как мы.
Странные. Непонятные.
Пугающие. Почти как
инопланетные
пришельцы
в голливудском
супертриллере. Бродяги.
Нищие. Оборванцы.
«Отбросы общества».
Впрочем, каковы
отбросы, таково и все
прочее. Археологи,
скажем, не брезгают
изучать жизнь древних
цивилизаций, «роясь...
в окаменевшем дерьме»
(В.Маяковский), в
«культурном слое» то
бишь...

КТО ОНИ ТАКИЕ?

Среднестатистический московский Чужой «образца» 1994 года выглядит примерно так.

Скорее мужчина, чем женщина. Средних лет — от тридцати до пятидесяти. В подавляющем большинстве — русский. На девяносто с лишним процентов — абсолютно трудоспособный.

Не имеет: паспорта, прописки, друзей, родных, перспектив.

Имеет: луженый желудок, волчий аппетит, кое-какую одежду, антисанитар-

ный вид. Благоухает, что твой камамбер.

Источники существования: милостыня, помощь благотворительных организаций, эпизодические заработки (мытьё вагонов в отстойниках, погрузка-разгрузка, сдача пустой стеклотары и т.д.), воровство.

Ареал обитания: весь мегаполис. «Иногородние», приезжие бродяги кучкуются главным образом на железнодорожных вокзалах и вокруг них. «Коренные» предпочитают подвалы, чердаки, квартиры в заброшенных домах. Сильнейшие прочно оккупировали «хлебные» места в центре города: парии, слабачки, старики — вы-

теснены на окраины. Отдельные изобретательные экземпляры поселяются в совсем уж, кажется, непригодных, но вполне спокойных местах — в канализационных колодцах, под линиями теплотрасс. Летом Чужие тянутся к природе — резко возрастает их поголовье в парках и пригородных лесах.

Образ жизни: постоянная борьба за существование. За насиженное теплое место. За «прибыльный» пятачок у метро. За кусок. За глоток алкоголя. За пару часов сна (отовсюду гонят!).

СКОЛЬКО ИХ?

Очень много. Гораздо больше, чем вы себе можете представить. В одной только Первопрестольной насчитывается уже более 50 000 бродяг (по некоторым данным, до 100 000). Всего же на просторах эсэнговья слоняются без дела (или по своим, «сугубым» делам), едят что ни попадя, ночуют где придется, любят, рожают детей, часто и страшно болеют, надеются (не надеются ни на что) — словом, живут как могут никак не меньше ПОЛУМИЛЛИОНА наших бывших сограждан, а ныне — Чужих.

ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ?

Самый короткий путь в мир Чужих пролегал через места не столь отдаленные.

Некий мужчина в полном расцвете сил «откидывается» с зоны. Выходит за КПП. А его уж поджидает местная Манька-красавица с бутылкой самогона: «Пошли, что ли?» Наутро мужчина обнаруживает себя лежащим где-нибудь в придорожной канаве. И карманы его чисты, как сон младенца, — ни справки об освобождении, ни денег на дорогу...

Менее экзотический вариант: цветущий мужчина отвергает Манькины ласки у ворот ИТУ и благополучно добирается до дома. Но, прибыв к месту назначения, он обнаруживает, что дома у него, собственно, никакого и нет. Родственники сочли за благо выписать «уголовничка» с жилплощади, жена тихонько развелась и увезла детей... Нет жилья — нет прописки. Нет прописки — нет работы. Нет работы — нет жилья. И так далее, по кругу. А, пропавши оно все пропадом! Вчерашний экз закусив удила ломится в загул, в запой, в объятия сомнительных манек. И вскорости оказывается все там же — в канаве.

А бывает и так. Он(а) крепко пил(а). Денег не хватало, с работы гнали. И тут какой-то прилизанный молодой человек, как чертик из табакерки: «Папаня (маманя), давай я твою отдельную квартиру на комнату в коммуналке обменяю, да тебе еще миллионов шесть сверху накину». — «Шесть миллионов? Живых? Какой разговор, валяй!» И юноша подсовывает на подпись документы. И дает аванс — тысяч шестьсот. И через месяц сгонят с квартиры. А про коммуналку — ни гу-гу. А остальные деньги обещает заплатить позже, очень скоро, через год. А в ответ на настоятельную просьбу соблюдать договоренность друга молодого человека крепко мнут бока бедному(ой) пропойце и красноречиво трясут перед его (ее) носом полуавтоматическим нарезным огнестрельным оружием. Шестьсот тысяч рано или поздно кончатся, и, если сердобольные родичи отказываются пригнать-пристроить, бывший собственник(ца) отправляется... Верно. Туда, где уже ночует экс-экз.

Ох, уж этот квартирный вопрос! Все-то он нас портит и портит! Так что с булга-

ковских времен московские жители много более жестоки стали. Сын сдал мамину квартиру внаем за большие и зеленые деньги. А на собственную жилплощадь впустить родительницу отказался — тесно у нас, знаете ли, мама, так что идите вы в канаву с Божьей помощью, вам, к слову, и помирать давно пора...

Или вот человек болен. Головой. Периодически случаются у него не то затмения, не то озарения. Либо permanently «крыша течет». Он уже по сути Чужой для соседей-окружающих, они ждут не дождутся, когда проклятый «псих» исчезнет. И в один прекрасный день он действительно исчезает — отправляется странствовать, или там синюю птицу ловить, или укрываться от психотронного оружия КГБ-ЦРУ. По данным международной благотворительной организации «Врачи без границ» («Medecins sans frontieres»), душевнобольные составляют около 12% столичных бродяг. Да еще 24% — «ненормальные» с общепринятой точки зрения — те, кто сознательно выбрал себе такой не слишком комфортный образ жизни.

Встречаются среди Чужих и жертвы гражданских войн, межнациональных разборок. Только их немного. Беженцы вообще к бродяжничеству не склонны — один раз потеряв дом, стремятся хоть как-то, хоть где-то зацепиться и выправить жизнь, чуть было не пуценную под откос политиками. Опять же, государство им чем-то помогает... А рассказы про сгоревший в Бендерах (Сухуми, Сумгаите) дом, которыми потчуют пассажиров электричек дамы неопределенного возраста и национальности, — по большей части выдумки. Или плод больного воображения.

Наконец, вариант самый печальный. И едва ли не самый безысходный. Почти каждый десятый Чужой — ребенок. Сбежавший из семьи — от побоев, ругани, вечно нетрезвых родителей. Либо — наоборот — накрепко привязанный к родителю-бомжу.

ПОЧЕМУ ИХ СТАЛО ВДРУГ ТАК МНОГО?

Собственно, их всегда было более чем достаточно. Только рядовой обыватель этого не замечал. Милиция отлавливала Чужих, суды после предупреждения лепили им приговоры по статье 209 УК РСФСР («Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством», до двух лет лишения свободы). Таким образом, львиная доля профессиональных бомжей постоянно пребывала в малодоступных для законопослушного гражданина учреждениях.

А под занавес 1991 года у нас, как мы теперь знаем, наступила эра демократии и милосердия. Верховный Совет Российской Федерации упразднил статью 209 как противоречащую международным конвенциям, бесчеловечную, фискальную, отжившую и тормозящую. При этом ни одна мудрая законотворческая головушка не

позаботилась о том, чтобы внести хоть маленькую новую статейку касательно бродяг в административный кодекс. Таким образом, всяк свободный гражданин свободной России получил полное римское право слоняться где угодно в каких угодно грязных лохмотьях, разносить заразу, плодить вшей и неблагоприятно влиять на криминогенную ситуацию. И никаких абсолютно санкций за это свободному гражданину отныне не полагалось — даже принудительного мытья. Это не только по нашим, постсоветским, но и по мировым меркам — полнейший нонсенс. Наверное, Верховный Совет намеревался принять какую-нибудь масштабную программу перековки и перевоспитания Чужих, да времени не хватило...

Что интересно: все прочие бывшие братские республики бывшего СССР 209-ю статью в своих уголовных кодексах отменять не стали и с бродяжничеством борются старыми, испытанными средствами (сажают). Угадайте с одного раза: куда отравились за счастьем самые сметливые белорусские и украинские бомжи? Правильно, к нам, в Россию.

СЛЕДУЕТ ЛИ ИХ БОЯТЬСЯ?

В общем-то, следует. Не забывайте: Чужой — существо из параллельного, странного, страшного мира. Там царят недоступные нашему разумению законы, там естественный отбор — каждодневная реальность, а отнюдь не умозрительная абстракция. Чужой очень вынослив, очень изобретателен, очень зубаст. В восьмидесяти случаях из ста он уже имеет в своем послужном списке судимость, часто не одну, часто по «серьезным» статьям УК — разбой, грабег, убийство. Он постоянно бредет, что называется, по лезвию бритвы: трудно жить в ладах с законом, когда живот к ребрам прилипает, а рядом, в двух шагах, лежит все, чего только душа ни пожелает, — только руку протяни.

Лица б.о.м.ж. — это каждое пятое «дело» по линии уголовного розыска. Лица б.о.м.ж. — это огромный пласт так называемой «латентной преступности», тысячи и тысячи криминальных деяний, о которых милиция никогда ничего не узнает. Кстати, по некоторым данным, столичные бандитские группировки в последнее время активно рекрутируют бродяг — тех, кто помоложе да покрепче — в свои ударные отряды. На самую грязную, на самую «мокрую» работу.

Кроме того.

Чужие небезопасны и с точки зрения санитарно-эпидемиологической. Чесотка, педикулез (вши, попросту говоря), туберкулез, дезинтерия, дифтерия — вот лишь некоторые возможные последствия чрезмерно тесного контакта с бродягой.

Светлана ОЛЬМАН

«ШМЫНИ»

ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА*Из истории нищенства в России*

Как бы мы ни относились к нищим и бродягам, они были, есть и будут. Всегда. Что твои тараканы — ни кнут Петра, ни пряник Екатерины, ни «Моральный кодекс строителя коммунизма» — ничто их не берет.

А все почему?

Еще средневековые летописцы утверждали, что славяне, не в пример западным европейцам, удивительно сердобольны (так, кража, совершенная для того, чтобы накормить гостя, не считалась преступлением). Жалостливы мы чрезмерно, вот что. «Хочется помочь даже тогда, когда страдающий не просит о помощи, даже тогда, когда помощь ему вредна... когда он может злоупотребить ею» (В.Ключевский).

Опять же, традиция православная... Помните, как грешника из ада вытянули за луковку? За маленькую луковку, которую он, по ненадобности, отдал нищему.

Плюс — «широкая русская натура» — «однова живем!». Уж на что боярин Шереметев и богат, и родовит был, а пошел по миру. В буквальном смысле. Изумленный царь Иоанн Грозный спросил его: куда, мол, дел свое добро? «Я отпустил его с нищими на тот свет», — отвечивал Шереметев. Богатство вообще не считалось благом: «Сознание неправды денег в русской душе невытравимо!» (М.Цветаева).

К моменту крещения Руси нищих в Киеве уже было предостаточно. Великий князь Владимир (в прошлом — жестокий и грешный правитель), приняв христианство, стал усердно исполнять положенные заповеди. И прославился особым нищелюбием. После очередной победы над печенегами он роздал убогим 300 гривен. По тем временам это равнялось стоимости 150 коней, либо 300 волов, либо 1500 овец. Милостив был, говорили, «паче меры». Нищих принимал прямо в княжеских палатах, без разбору одаривал деньгами и едой. А по улицам Киева разъезжали казенные телеги, доверху груженные хлебом, мясом, рыбой и овощами, да еще бочками с медом и квасом. Все — для больных, «недужных», которые сами к Владимиру прийти не могли.

Княжеский Устав 996 года относил «хромого, слепого, калеку, вдовицу» к людям «церковным», то есть находящимся под опекой церкви.

Не отставали от Владимира Святого и его потомки. Ярослав Галицкий (XII в.), например, умирая, созвал к себе челядь, каляся, плача: «Согрешил я больше всех, как никто другой!» И повелел все свое имущество раздать нищим и монастырям. Добра было столько, что в три дня еле управились с этой «благотворительной акцией».

В XII веке нищий стал на Руси «лучшим богомольцем», молитвами которого «спасался» всякий дающий — и князь, и священнослужитель, и воин, и хлебопашец. Убогого почитали человеком безгрешным, чуть ли не святым.

Уже тогда нищая братия была очень неоднородна.

«Блаженные». Раздавали все свое имущество и добровольно несли крест терпения и смирения «Христа ради».

«Юродивые». Вопреки нынешним представлениям, отнюдь не сумасшедшие. Прорицатели, ясновидцы чаще всего симулировали безумие — из скромности, дабы не сотворить толпе кумира. Если юродивый брал что-нибудь в лавке, торговец его еще и благодарил за оказанную честь.

«Немощные». Слепые, старые, «настоящие» душевнобольные, сироты, калеки — все те, кто не мог добыть себе пропитание иначе как «милостынькой».

И еще, конечно, «гулящие», бродяжничавшие в собственное удовольствие.

Церковь, впрочем, не делила нищих на «достойных» и «недостойных» подаяния: «Справедливо или несправедливо он просит и куда бы он ни употребил то, что ему дано, — в этом ему судья — Бог» (Иоанн Златоуст).

«Бродяг и нищенствующих у них несчетное число: голод и крайняя нужда до того их изнуряют, что они просят милостыню самым ужасным, отчаянным голосом, говоря: «Поддай или убей меня, поддай или зарежь меня!» — писал английский посол Флетчер, побывавший в Москве в XVI веке. К тому времени большая часть странников, бродяг, калек переходили прочно осела в городах. В Москве ими были переполнены княжеские и царские терема, торги, площади, церкви. Во время службы, по словам Патриарха Иосифа, «по церквам бегают шмыни человек по десяти и собирают на церковь... смута, брань, писк и визг, драка до крови и лай смрадный, ибо многие приносят... палки с наконечниками».

В 1551 году на Стоглавом соборе, созванном Иоанном Грозным, в числе прочих обсуждался вопрос праздного нищенства: «Не Бога ради скитаются, свою волю делают». Впервые в русской истории этот Собор рекомендовал собрать по городам и селам всех прокаженных и престарелых в богадельни. Но дальше рекомендаций дело не пошло.

Нищету плодили пожары, мор, неурожаи. Лето 1601 года выдалось дождливым. А в августе вдруг ударил мороз и побил недозревший хлеб. На следующий год зяблое зерно не взошло. Наступил трехлетний голод...

Борис Годунов не жалел казны: «Я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы» (интерпретация А.С.Пушкина). Прослышав об этом, в Белокаменную повалили голодные толпы. Благое намерение привело к страшному финалу. Царской милости на всех не хватало — и 127 000 трупов было схоронено в столице за казенный счет.

Близилась великая смута. Господа выгоняли своих холопов (нечем было кормить). Целые деревни снимались с места, спасаясь от голодной смерти. Отчаявшийся люд («какая честь, коли нечего есть?») сбивался в шайки и грабил кого ни попадя по дорогам. Пускаться в дом «странников» стало смертельно опасно: едва ли не каждый второй безобидный с виду нищий прятал за пазухой кистень...

В это самое время начал складываться «старецкий» язык, который «настоящие» нищие держали в строгой тайне и по которому узнавали своих. Нищенское «арго» отгородило убогих от прочего «гулящего» отребья. Возникло особое сословие, с собственным «кодексом чести», иерархией.

Право носить звание «заправского» получал только тот, чей «стаж» был не менее шести лет, кто ежегодно вносил определенную сумму на нищенскую свечку и сдал «экзамен» на знание «старецкого» языка, молитвы, стихов и песен.

Во главе каждой нищенской организации («цеха») стоял атаман, выбиравшийся, как правило, из слепых. Для решения спорных вопросов созывались «сходки», где «цех» вершил суд и определял наказание для провинившегося: штраф, исключение из «цеха» или — высшая мера — отрезание нищенской торбы (то есть запрет на профессию).

Сходки эти созывались вплоть до начала XX века. На этих «конференциях» нищие даже «читают и спорят о прочитанном», свидетельствовал Н.Бахтин, изучавший жизнь бродяг более пятнадцати лет.

В царствование Романовых нищие получили вполне официальный статус «верховных богомольцев». «Царские» нищие, старики лет по сто и более, не только постоянно жили в Верхних палатах Кремля, но и получали годовое жалованье — четыре рубля с полтиной (при Алексее Михайловиче). Денежное довольствие полагалось также монастырским, патриаршим, дворцовым, богадельным нищим.

Гораздо хуже жилось «гулящим». Первым человеком при дворе, обратившим на них «государственное» внимание, был ближайший советник царя Алексея Михайловича боярин Федор Ртищев. По его велению команда рассыльных собирала нищих в особый дом, где больных — лечили, пьяных — «выгрезвляли», после чего и отпускали с Богом.

Просвещенный царь Федор Алексеевич, изучив опыт «Европейских стран», издал в 1682 году на редкость прогрессивный указ, осуществить который удалось лишь полтора века спустя. Царь велел устроить в Москве и в других городах больницы и богадельни, «чтобы впредь по улицам бродяг не было». Здоровых нищих предполагалось обеспечить работой, а сирот, «рботя и девок», — раздать по домам или монастырям для обучения ремеслам и грамоте соответственно. «И от таких людей и впредь уже в городах прибыток, а воровства от таких опасаться нечего, потому что ему уже способ, чем сыту быть, дан».

Неосторожная челобитная «царских» нищих, жаловавшихся молодому Петру, что, мол, «носят платье шестой год без перемен и совсем обносились», не получают кормовых и жалованья (как при родителях царя), обратила взор государя к нищей братии. Воспитанный в европейских традициях (на Западе, напомним, бродяг всегда считали отребьем, а не «святыми»), Петр Алексеевич был, пожалуй, первым российским самодержцем, решившим искоренить попрошайничество насильственными методами.

Указ 1691 года еще сравнительно мягок. Нищих ловят и отправляют по месту жительства, беглых крестьян возвращают помещикам. И лишь уличенных в попрошайничестве повторно — бьют кнутом и ссылают в Сибирь.

По Указу 1712 года всех «ленивых прошаков» без разбора уже били прилюдно на площадях, клеймили и ссылали на каторжные работы. «Амнистии» не полагалось никому — ни старым, ни больным, ни сумасшедшим

(позже, правда, Петр ввел «освидетельствование дураков»). Вот тут-то и пригодились бродягам их «профессиональный» язык и жесткая организация «цехов»: несмотря на жесткие репрессии, нищих в империи не убавилось.

С 1718 года карали и дающих милостыню: первый штраф — пять, второй — десять рублей. Это, естественно, не могло понравиться традиционалистам: «Бог положил давать милостыню, а судьи наши за то штрафуют...» Чиновник Берг-коллегии Авраамов, дерзнувший вступить за нищих, провел более двадцати лет в Охотском остроге и вернулся из ссылки лишь после смерти Петра I.

В последние годы своего царствования великий реформатор, видимо, осознал, что война с «золотой ротой» проиграна. Появился новый проект — раздать всех «прошakov» по монастырям. Задуманную для этого всероссийскую перепись «гуляющих людей» осуществить он уже не успел...

Указ 1712 года «О воспрещении нищенства» не перематрировался преемниками Петра в течение тридцати семи лет. Лишь дважды Сенат сделал исключение. В первый раз причиной тому послужил страшный голод 1734 года (велено было до начала работной поры в деревнях бродяг из Москвы не высылать). Второй раз — частный случай — ослепшему киевскому гражданину дозволили собирать милостыню для уплаты долга в 2 000 рублей, «дабы не пойти по миру с семьей».

«Век золотой Екатерины» был много милосерднее бытие, требовала относиться к нищим «с осторожностью и человеколюбием». В 1775 году в Москве были учреждены даже особые больницы и богадельня. В больницу попадали немощные, а в богадельню — «здоровые ленивцы» (под надзор полиции). Тогда же в ведение Приказов Общественного призрения перешли все церковные богоугодные заведения, числом пятьдесят пять.

В 1896 году по России насчитывалось уже более полутора тысяч богаделен, 67 домов трудолюбия, 67 ночлежек, 40 странноприимных домов и 125 дешевых столо-

вых. Годовое содержание каждого нищего в московском работном доме равнялось 137 рублям. Среднестатистический крестьянин ежегодно раздавал два рубля милостыни (на эти деньги можно было, например, купить фунт ветчины, две коробки шпрот, две французские булочки, бутылку водки, две бутылки пива, двадцать папирос, да еще восемь копеек оставалось). На купеческих свадьбах и похоронах «навар» попрошайки доходил до рубля. Милосердные дворяне жертвовали и того более. В.А.Жуковский слыл «чемпионом подавания», раздавая просителям по 18 000 целковых ежегодно — более половины своих доходов. Удивительно ли, что на исходе XIX века в Москве насчитывалось более десяти тысяч попрошайек (для сравнения: при Петре I — лишь около тысячи).

«Свидетельства о бедности», изготовленные с помощью пятака и карандаша, продавались чуть ли не на каждом углу. За небольшую мзду можно было получить подробнейшую информацию, куда и к кому именно нужно обратиться сегодня за подаванием (что там твой «Телемаркет!»). В ночлежку попадали лишь неудачники, «заправские» же попрошайки могли позволить себе снять угол или даже отдельную комнату в доходном доме. Слепые и калеки (всегда, кстати, считавшиеся самыми зажиточными) одевались и питались не хуже рабочих средней руки. Появились нищенские «артели», где вся выручка делилась по паям. Артель оплачивала даже услуги собственного знахаря — ему полагалось два пая. Работный дом считался чуть ли не каторгой — за тяжелый черный труд нищий мог получить там от 4 до 15 копеек в день. Улица давала ежедневно все тридцать копеек, чего вполне хватало: на «угол» (5 коп.), на еду (10 коп.), на чай (6 коп.), на водку и табак (9 коп.).

Вполне естественно, что служащие «Комитета для разбора и призрения нищих» (учрежден при Министерстве Внутренних Дел в 1883 году) так и не дождались ни одного посетителя, обратившегося за помощью по доброй воле. Вывод Комитета: действительно нуждается лишь один нищий из ста.

«Люди, делающие из нищенства промысел, — испорченные люди, с которыми должна ведаться не благотворительность, а полиция» — к этому выводу приходят к концу XIX века даже священнослужители. К жестким административным мерам склоняются и многочисленные исследователи «вопиющего зла» (А.Краевский, Н.Бахтин, Е.Максимов, А.Кудрявцев): воспретить подавание милостыни в любых формах, в том числе и бесплатные обеды при церквях; упразднить работные дома и дома трудолюбия, впустую поглощающие громадные капиталы; возложить на полицию обязанность задерживать нищих; прикрепить все категории «падших» к земле, применяя и добровольный, и подневольный труд.

...А тем временем в Российской империи множился и креп класс «новых нищих», нечто среднее между «странниками» и «городскими». «Гольтыба», «босяки», «голь перекатная», иными словами — люмпен-пролетариат, питающий отвращение ко всякому труду. Этот тип людей, воспетый Максимом Горьким как «романтический» и «бунтарский», впоследствии очень пригодился неразборчивым в средствах большевикам. По большей части из них сколачивались чрезвычайные комиссии, продотряды, партячейки. «Золотая рота» устроила такое кровопускание, после которого Россия превратилась в один огромный нищенский «цех».

Фото из архива РИА—Новости

Кирилл РЫБАК, Владимир ШИШОВ (фото)

БЕСПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Когда Владимир Перевертайлов отправляется, скажем, на железнодорожный вокзал — по делам сугубо личным, в гражданской вполне одежде, — все тамошние оборванцы и побирушки издали его приветствуют: здравствуйте, мол, Владимир Иванович, как живете-можете, все ли благополучно во вверенном

вам учреждении? Даже неудобно, право слово, будто какой «пахан» бомжачий.

Ничего не попишешь — работа такая. Майор Перевертайлов — начальник приемника-распределителя ГУВД города Москвы, главного столичного «бомжотеля».

— Ты совершил три преступления, негодяй: ты — беспризорный, беспаспортный и безработный.

А.Н.Толстой
Золотой ключик,
или Приключения
Буратино

В

забывшей слово «дефицит» столице почти не осталось очередей. Ну, в ОВИРах, ну, в булочных под выходные, ну, у валютных шопов. А еще — перед дверями приемника-распределителя — не слишком длинная, но более или менее постоянная. Что дают-то?

Дают: возможность бесплатно вымыться и вывести насекомых (а полугосударственные санпропускники, скажем, дерут по 12 000 рублей с одной вшивой головы), казен-

ный харч, койку, несколько суток сравнительно спокойной жизни. Если ты старенький и немощный — отправят в интернат, если совсем уж расхворался (туберкулез) — в больницу. Плюс билет к постоянному месту жительства (у кого есть) плюс новый паспорт.

Милицейское заведение, конечно же, мало походит на благотворительную ночлежку. Бомжей здесь кормят-поят отнюдь не Христа ради и не за красивые их глазки, а исходя

из функций и задач ведомства. Правоохранительным органам требуется установить личность конкретного гражданина Н. и выяснить, не совершил ли Н. за время своих скитаний чего-нибудь криминально-подсудного. Лишь в том случае, если Н. оказался чист, ему выдают паспорт.

А как же иначе? В прошлом году, скажем, через приемник-распределитель прошел 1381 бродяга. 108 человек после проверки пришлось отправить к «смежникам», в СИЗО. То есть почти каждый двенадцатый оказался преступником. И это при том, что практически все клиенты пришли в «бомж-отель» по доброй воле.

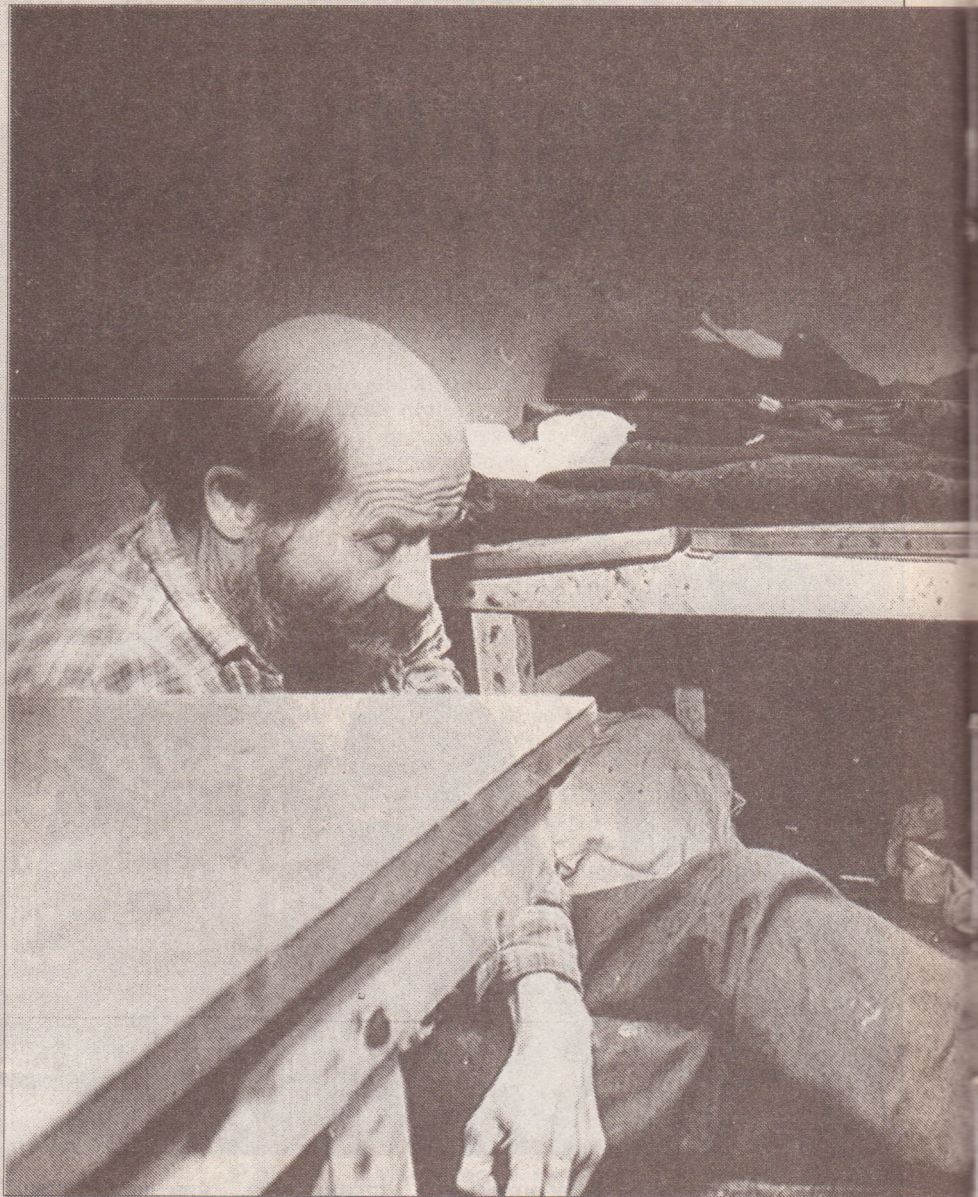
А раньше, когда бродяг хватало без разбору, улов уголовного розыска был и того внушительнее. Рассказывают, что как-то раз привезли сюда плюгавенького забитого старикашку — такого несчастного, оборванного. При обыске изъяли у него карту Советского Союза, сплошь испещренную красными кружочками. Что за тайнопись такая? Послали один, другой запрос... Выяснилось, что неприемный дед отмечал карандашиком каждый населенный пункт, где ему удалось «взять» кассу. Чуть не полсотни взломов на нем висело.

Приходилось передавать кое-кого и в цепкие руки лубянского ведомства. В восьмидесятых годах начальника отдела ГУОП МВД СССР Владимира Николаева наградили даже знаком «Заслуженный пограничник» — за то, что в подчиненных ему приемниках-распределителях было задержано больше нарушителей госграницы («засланных казачков»), чем на всех погранзаставах Союза.

Надежда Ивановна, 69 лет:

«Указ вона вышел — всех нищих убивать. И как бьют! Дубинками бьют, убивают на месте — и увозят. На мороз выводят та водой обливают. Особливо на вокзалах... ОМОН зверствует, та маципалы эти (муниципальная милиция. — Авт.). Страсть!

А так-то... Ничего живу. По метро хожу — помогают, не забывают нас. Особенно черные эти, «чурки» — и по пятьсот дают, и по тыще. Вона я сюда ехала с Казанского — две станции... По вагонам прошла — все семь тыщ насобирала. Я и курево имею, и чайку всегда, и комнату вон снимала. Отсюда, говорят, в интернат отправят. Ну, ладно, пусть. Добрые люди везде есть».

Запах был до того отвратительный, что Грустилов в первую минуту сконфузился и зажал нос.

Прозорливая старушка заметила это.

— Духи царские! Духи райские! — запела она пронзительным голосом, — не надо ли кому духов?

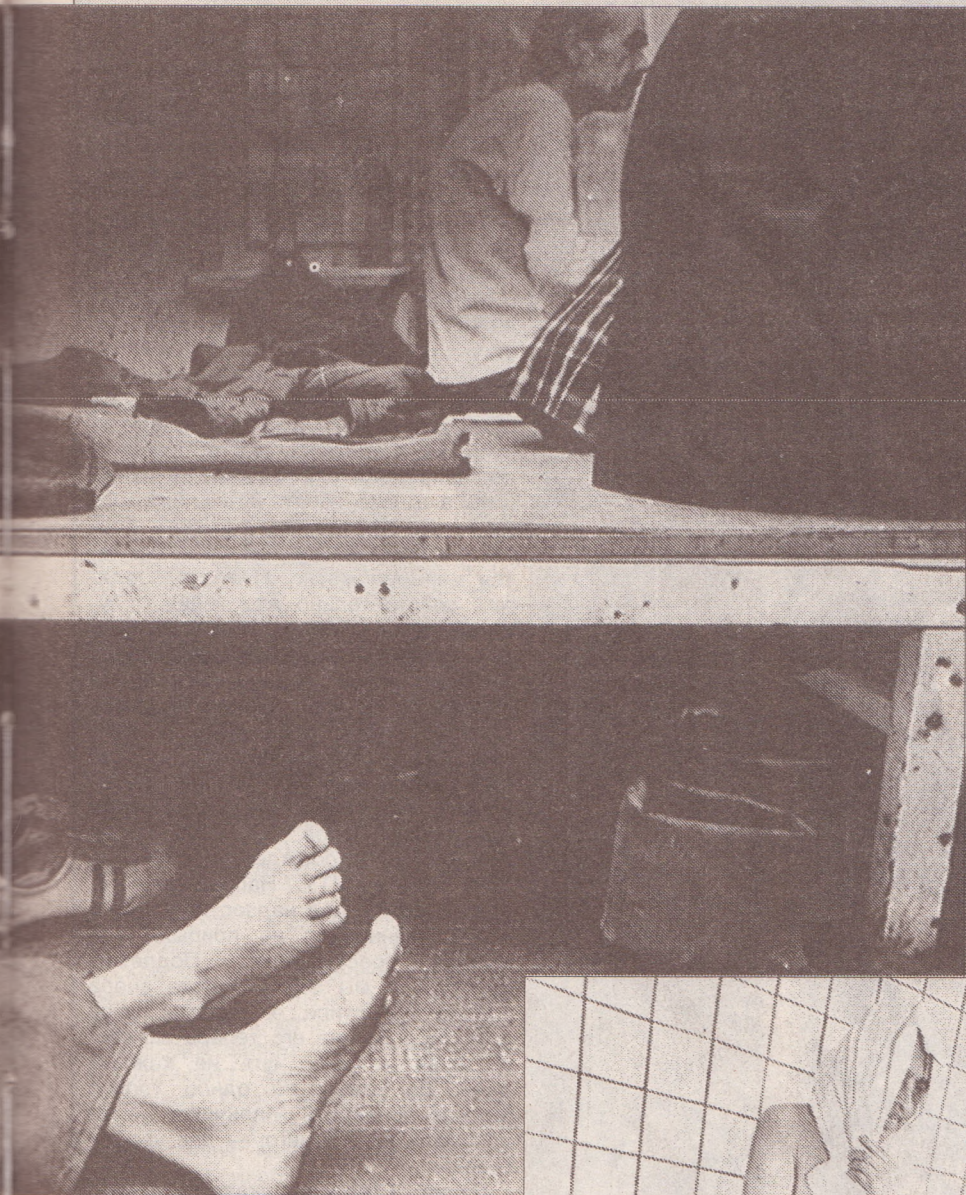
И сделала при этом такое движение, что Грустилов, наверно, поколебался бы, если б Пфейферша не поддержала его.

М.Е. Салтыков-Щедрин
История одного города

Отправляясь в «бомжатник», мы готовы были увидеть там сколь угодно тягостные картины разложения и упадка (в наше время разруха добралась даже до кремлевских сортиров). Воображение рисовало какую-то смрадную клоаку, толпы брейгелевских персонажей, дикий гвалт...

Ничуть не бывало. Антураж, конечно, отчасти тюремный: решетки на окнах, толстые двери с хитрыми замками и окошечками-«кормушками», охрана. Зато столовая — отдельная. Характерный запах — слабее даже, чем на Казанском вокзале. Тишина почти благодатная. Основательно оборудован собственный санпропускник. Мощнейшая паровая вшейбойка — «неизменно превосходный результат». Идеально чистые туалеты

псы. Но в 1978 году у меня в цехе нашли 63 килограмма неоприходованной пластмассы — и на том моя карьера кончилась. Мне дали — не поверите — двенадцать лет! Я отсидел девять, освобожден по амнистии, получил направление на Украину. Но буквально через год мне захотелось оттуда бежать, началось страшное давление со стороны «Руха» — вы понимаете, это неприятно, когда тебя каждый день называют «жидовской мордой»... Я собрал свои вещички и поехал зачем-то в Москву. Что? Так некуда было больше ехать. Все мои бакинские родственники, все друзья... Все меня забыли. Кто в Хайфе, кто в Нью-Йорке — зачем им нужен больной Давид? Так вот, я сажусь в поезд и еду. И в пути два — извините — приглубленных фраера воруют у меня сумочку, в которую я имел неосторожность положить все мои документы. Впрочем, очень скоро я опять поехал в принудительном порядке на север — по 209-й статье.

Полтора года назад опять вышел — и с тех пор мое существование связано исключительно с низкоквалифицированным физическим трудом. Я не хочу воровать, мне этого не позволяют, если хотите, мои моральные принципы. И я прозябаю. Верите ли: иной раз по три дня не покуришь, не выпьешь, не закусишь...»

*Юродивый:
Борис, Борис! Николку
дети обижают.
Царь:
Подать ему милостыню.*

А.С.Пушкин. Борис Годунов

ты, чистые коридоры, почти чистые камеры. Настоящие кровати (двухъярусные), с подушками и одеялами. В иных армейских казармах живут хуже.

Обитатели вполне дружелюбны: «Заходите, заходите! Вы по какому, собственно, поводу? Устраивайтесь... Нет-нет, на кровать лучше не садиться — кое-кого на себе унести можно...» Одеты, против ожидания, довольно прилично. Охотно слушают, охотно говорят. Вполне нормальные, кажется, лица. Умные глаза.

Давид Исакович, 40 лет:

«...А бакинский политехнический я закончить так и не успел. Учился заочно, работал. Я был начальником цеха! Мы делали пластмассовые клипсы — очень хорошие кли-

Последние два года «бомж-отель» пребывал в весьма двусмысленном подвешенном состоянии.

С одной стороны, согласно постановлению о порядке применения Закона о милиции (1991 г.) все приемники-распределители МВД до единого следовало в кратчайшие сроки передать органам социальной защиты. С другой стороны, минсобес отнюдь не горел желанием вступить в права собственности — клиен-

тура беспокойная, опасная, как социальным дамам с ней без милиции сладить? В результате большая часть приемников по всей стране либо закрылась, либо используется сейчас для содержания пятнадцатисуточников. В Москве из пяти заведений к настоящему моменту осталось три: один детский — на Алтуфьевском шоссе; два взрослых — в Бутырках и в Люблино.

С одной стороны, по новому Закону о милиции стражи порядка должны были, как и прежде, задерживать и

доставлять бомжей куда следует. С другой стороны, задерживать их было, в общем-то, не за что: статья 209 УК РФ благополучно скончалась в декабре девяносто первого — и бродяжничество с юридической точки зрения стало не более предосудительным занятием, чем, скажем, туризм или коллекционирование марок. Поместить бродягу на тридцать суток в приемник-распределитель теперь можно было лишь по его личному заявлению, но при этом с санкции прокурора (!). А привле-

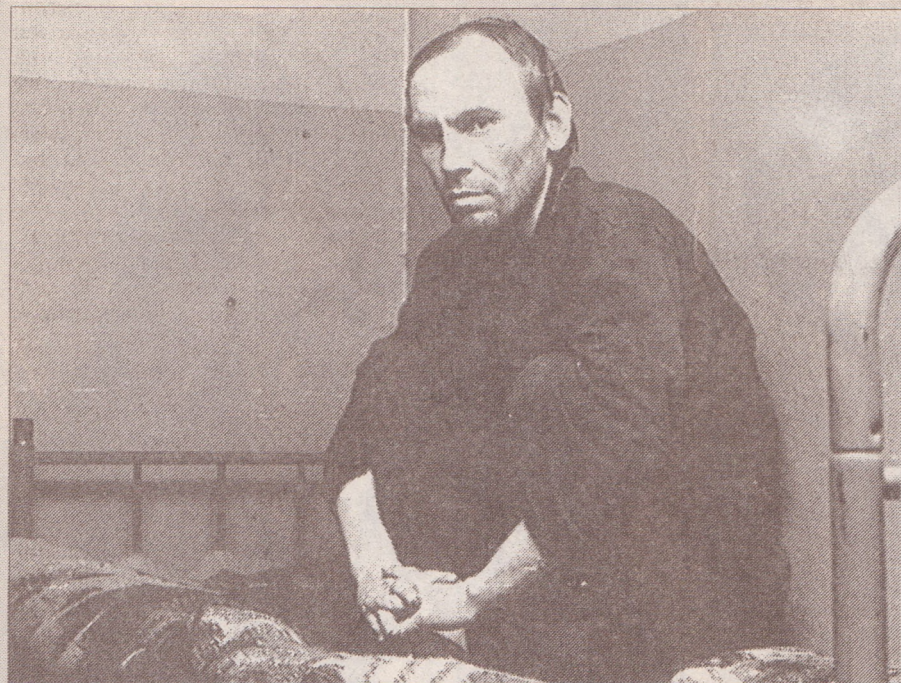
чение новых клиентов порой выглядело так: специальная поисковая бригада выезжала, допустим, на Курский вокзал, отыскивала там самого грязного, самого вонючего оборванца и вела с ним разъяснительную работу: «Поехали к нам, дядя, мы тебя помоем, покормим, в кровати спать будешь...»

А в ноябре 1993 года «царь Борис» подписал Указ «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества». Долгожданный, очень верный указ. Но местами довольно спорный.

С одной стороны, милиции дано право задерживать оборванца без всякого его на то согласия. С другой стороны, содержать его в приемнике-распределителе можно не тридцать, а только десять суток. Для того же чтобы установить личность клиента и выдать ему паспорт, требуется минимум месяц. Поэтому бродягам, действительно желающим получить документ, приходится мотать по три «срока» — с двумя двухдневными перерывами («одним куском» не положено). Но это, конечно, не самое страшное. «Вот, пожалуйста, — рассказывает Перевертайлов, — сегодня получили из Латвии телеграмму: «На ваш запрос... отвечаем: гражданин Орлов А.В., 1957 года рождения, освобожден 6 декабря 1993 года из ИТУ... Направлен в город Екабпилс под надзор полиции. К месту назначения не прибыл... Совершил преступление... Подлежит аресту...» А мы этого Орлова вчера только выпустили — десять суток истекли. Где мне его теперь искать? И такая история чуть не каждый день. Да чтобы по одной только Москве проверить «пальчики» — не взломали ли они чего, — две недели нужно».

Далее. Согласно указу, приемники-распределители таки надлежит передать (хотя вроде передавали уже) органам соцзащиты, и до 1 июля 1994 года преобразовать их в центры социальной реабилитации. Милиция должна бомжей ловить, Минздрав — лечить, Минсобес — социально обеспечить, федеральная служба занятости — трудоустраивать. Все вроде бы правильно. Неясно только, какое из четырех ведомств будет перед президентом отчитываться, кто из них главным-то. Нету главного. «А за дикцию никто не отвечает», — как говаривал Аркадий Райкин. К тому же Федеральное Собрание, которое должно, во-первых, рассмотреть ноябрьский указ; во-вторых, принять некие «законодательные акты» по тому же поводу, пока занято совсем другими

проблемами и вряд ли в ближайшее время обратит свои взоры к страждущим бродягам (страждущие сербы, конечно, важнее). В общем, время идет, «крайний срок» — 1 июля — все ближе, а по-настоящему занимаются бомжами только стражи порядка.

Кстати, столичный мэр Юрий Лужков отнюдь не намерен передавать московские приемники-распределители кому бы то ни было. В чем, пожалуй, абсолютно прав. Задерживает-доставляет кто? Милиция. А охраняет? Милиция. А паспорта выдает? Опять милиция. Вот пусть она и будет в центрах социальной реабилитации «руководящей и направляющей силой».

В ближайшее время в Москве должно открыться еще два «бомжотеля», на двести «посадочных мест». Кроме того, планируется организация нескольких спецобщежитий для тех бродяг, кто был некогда москвичом. Плюс всяческое поощрение домов ночного пребывания (ночлежек). Все это вместе, по задумке властей, должно очистить город от оборванцев. Лед тронулся? Поживем — увидим...

Дед Борис. Отчество неизвестно, возраст — аналогично.

Добиться сколь-нибудь внятных ответов от деда Бориса мы так и не сумели. Борис сидит целыми днями на полу, вытянув между кроватями длинные босые ноги. Отколупывает от половиц щепочки, чистит ими свои заскорузлые желтые ног-

ти, бормочет, бормочет без конца что-то в свою толстовскую бороду.

Соседи по камере охотно объяснили, что Борис — из ветеранов, бомжует лет двадцать. И все это время у него в голове что-то странное творится: никого не узнает, ничего не помнит. Ну, да и Бог с ним. Сидит себе, никому не мешает. Вроде редкого экзопната.

Дедушкины перспективы представляются полной загадкой.

Что ж, тебе разве хочется хлеба? — обыкновенно спрашивал Иван Иванович.

— Как не хотеть! голодна, как собака...

При этом старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же с Богом, — говорил Иван Иванович. — Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью!

Н.В.Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем

Ладно, допустим, бродягу Н. «обслужили» по полной программе. Обогрели, утешили, паспорт дали, железнодорожным билетом снабдили. А дальше? Вольному — воля: Н. скорее всего так и останется бродягой и вскорости снова попадет в приемник. Он, как правило, и не желает ничего менять

в своей гулящей жизни — засосало. А если даже и желает — никому он такой не нужен: на работу не берут, жилья не дают. Собственно, даже в советские времена, когда все директора-председатели ходили по струнке и слушались родную милицию, обустройство отдельно взятого бомжа было большой проблемой. А теперь-то, когда всяк начальник сам себе начальник, — и подавно. Честно говоря, не очень-то верится, что с организацией центров социальной реабилитации что-то изменится. Ну, появятся там серьезные чиновники из федеральной службы занятости, ну, начнут они выписывать направления на работу. Неужели эти документы будут что-то означать для руководителя какого-нибудь АО? Господь с вами, у нас президентские указы и те не выполняются. Или, может, передать в ведение центров соцреабилитации пару десантно-штурмовых батальонов — для контроля за выполнением предписаний?

Марина, 26 лет:

«Я ж сама из детдомовских, торгово-кулинарный техникум закончила — вот, ну и в Курске поваром-кулинаром в столовой работала. Жила в общежитии. А в августе попала под сокращение. Ну, мне и говорят: через два месяца комнату освобождают. А куда мне с дитем податься-то? Была б мать — хоть бы ей отдала. Вот я Андрюшу взяла и поехала по области — по колхозам, совхозам. Нигде не берут, фашисты! «Была б ты одна — говорят, — мы б тебя взяли». Так вот и прокатились без толку, потом к знакомым, в Москву... И тут же, на вокзале на Курском, сумку у меня увели. Только отвернулась — мальчику «Сникерс» купить, — и нету! А там все документы, все бумаги. Что делать? Спасибо, девка одна подсказала, что сюда прийти можно — ну, я и явилась. Андрюшу в детский приемник увезли, я вот здесь, не знаю даже, как он там... А ему в школу ходить надо, ему восемь скоро, понимаете?! Ладно, дадут мне паспорт — а куда ехать-то потом? Куда, я вас спрашиваю?»

Что тут можно ответить? Пишите президенту, Марина. Может, хоть он посодержит.

Ксения КЛИМОВА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

Чай, заваренный по-английски

— Почему все русские так хотят стать англичанами? — с детским недоумением спросил мистер Лесли Олдерман, а мистер Брайан Бриттелл огорченно потупил громадные синие глаза. В комнате пролетел тихий ангел. Действительно, с чего бы это нам всем стремиться убежать в страну Альбиона, когда можно просто пригласить парочку деятельных англичан сюда, запустить их в полуразрушенный детский сад, и они сами устроят здесь дом. Дом для детей, у которых сроду не было дома.

И

з пятидесяти парнишек и девчонок, живущих здесь, домашним уютом не может похвастаться никто. Подвал, чердак, захламленная коммуналка или квартира с пьющими родителями — не лучшие места для семи-, восьми- и даже десятилетних. Лучшим местом стал «Уэйверли хаус» в Южном Медведкове, в десяти минутах езды от метро, во дворе, за оградой, в саду. А построили дом, не по-

верите, по инициативе англичан.

Детсад отремонтировали и обили изнутри деревом, не оставив ни единой голой стены. В спальнях поставили по шесть-семь кроватей и застелили их веселыми одеялами. На окна повесили солнечные шторы, которые не убавляют, а преломляют свет в сторону более оптимистичной части спектра. На кроватях уже самостоятельно уселись

куклы и огромная призовая собака с ушами до колен. И все равно бы дом остался казенным, если бы не вошла сюда тихим приплясывающим шагом доброта. Именно так распахивает по дому очень довольный директор Брайан, по-мальчишески сунув руки в карман просторных штанов.

Почему-то полагают, что доброта — нечто целиком спонтанное, эмоциональное и что профе-

ссионально быть добрым нельзя. Лесли Олдерман 30 лет создает по всему миру приюты для бесприютных детей. И отлично знает, что нужно детям.

— Не что хочет малыш, а в чем он нуждается по-настоящему, — предостерегающе поднимает палец Лесли, — это и нужно обеспечить: теплый дом, где его любят, еду, уют, образование.

— А если «образовываться» не хочет?

— Тогда мы все можем спросить его: хочешь ли ты жить вместе с нами, жить так, как мы все живем, а если не хочешь, так почему? И он может ответить: я обиделся на Брайана. И если Брайан не прав, пусть скажет об этом.

Беседы происходят в столовой на ежедневных собраниях, после уроков. Школьный день в «Уэйверли хаус» делится на две части: занятия здесь

идут до обеда и после обеда, но дети не выглядят усталыми, может быть, потому, что у них есть такой урок, как театр. Английский здесь тоже изучают, в обычном объеме средней школы.

На собрании обсуждали: что именно нравится Алеше на уроках математики. Кто изобрел новое слово «цастера», не латынь ли это (как выяснилось, «цистерна» в вольном варианте). Стоит ли

хрюкать и лаять с предельной громкостью на уроках театра или немного убавить звук? Завуч внесла предложение выдать Сереже всего по два: два учебника, две авторучки, две тетради. Поскольку у Сережи прорезались способности двумя руками сразу калякать на доске. Возможно, это талант. Потом быстро накрыли столы, «двуручный» Сережа проворно налил мне компот из чайника, и

все вперемешку — дети и педагоги — сели обедать. Суп благоухал и раскачивал золотую поверхность. «Никогда не спорю с поварами», — объяснил Брайан.

Англичане общаются здесь на международном языке. Дети их отлично понимают, а для взрослых есть секретарь и переводчик. Директор живет в доме постоянно, консультант Олдерман — периодически, наездами. Приездов его все очень ждут и виснут на Лесли каждую минуту. Неужели это дети,

которые, по выражению Лесли, всего боялись?

— Света, можно? — Брайан мягко берет из рук рыженькой крохотной Светы тетрадь, с вниманием ее разглядывает. Картинки, стишок, фотографии. На фотографиях — брат, старший. Снимков родителей нет. Посмотрев тетрадь, Брайан с поклоном вручает ее Свете: спасибо. Если бы со всеми детьми обращались так, они все бы были такие хорошие. Пусть не сразу... 40 минут директор Брайан держал в крепких руках мальчика, пока тот орал, брыкался и кусался. Сегодня уже больше проблем с родителями, чем с детьми.

Все есть в «Уэйверли», кроме настоящей офиса. Компьютер и сксерокс есть, конечно, есть кабинет директора, куда он, возможно, изредка заглядывает, но все это не складывается в привычный канцелярский облик. Зато есть особые пуфы, набитые пенопластовыми шариками — как сядешь, они сразу принимают форму лично твоего седалища. Замечательно.

Как хорошо, что два с половиной года назад пересеклись пути английской благотворительной организации «Уэйверли траст» и архиепископа Солнечногорского, что Московской патриархии удалось завладеть этим зданием, что здесь теперь приют, где все мы — гости, а дети — хозяева. Здесь никто не собирается строить кусочек Англии, это приют для русских детей, они занимаются по обычным школьным программам. Когда англичане выполняют свою собственную программу, обеспечат стабильный заработок некоммерческой организации. (а они знают, как это сделать), здесь будет русский директор, а Брайан и Лесли уедут куда-нибудь в Алжир, продолжать свое дело. Но детям об этом лучше не говорить — расстроятся.

Просто Марианна

«Бабуля, ты сапоги-то примерь, вдруг не подойдут... Подходят? Вот и славно. Что еще? На — чулки, две пары. Они на резинках, но ты пояс тоже бери на всякий случай. Комбинация тебе не нужна?» Благодарно покивав головой, бабуля выползает из подвала, экипированная французским нижним бельем, что твоя интердевочка.

Как называется ее должность, Марианна в точности не знает. Может, «координатор», может «инспектор», может, просто «сотрудник». Место работы — миссия международной благотворительной организации «Врачи без границ» (MSF), город Москва, Мосфильмовская улица, дальше любая собака покажет Марианнин подвал. Вернее, склад и пункт выдачи одежды.

Одежда, конечно, не новая — «секонд хэнд». Красный Крест подбрасывает да бельгийское посольство. А Марианна тут вроде распорядителя кредитов — нужно всеми этими кучами с толком распорядиться и при этом постараться никого не обидеть.

Поначалу, конечно, не все шло гладко. Сотрудники MSF стали было раздавать талоны на одежду возле собственного медпункта на Павелецком (медпункт этот, кстати, в декабре прошлого года безвременно погиб — недовольный скоплением пациентов-бомжей, начальник вокзала в одну ночь вышвырнул «Врачей...» вон) — раз в неделю, по сорок штук. «Там сразу же образовалась настоящая мафия», — рассказывает Марианна. — Самые наглые, самые сильные забирали себе все талончики. Я глупая была, всех подряд жалела... А потом являлись ко мне сюда та-а-акие мордovorоты ужасные! Усаживались на лавку: «Меня одеть с головы до ног!» Боже, как я их возненавидела — этих мордovorотов!»

Марианна стала хитрее. Вольготную раздачу талонов прекратила. Отправилась по благотворительным столовым — высматривать несчаст-

ных, раздетых бродяг. И выяснила, кстати, что таких в Москве — явное меньшинство.

Марианна Маркова — болгарка. По специальности — преподаватель английского языка (русский знает как родной). Выросла в Советском Союзе, потом уехала на родину. А еще потом вдруг затосковала, заскучала по Москве. И в один прекрасный день бросила софийскую квартиру, взяла в охапку двоих своих сыновей — двенадцати и тринадцати лет от роду — и махнула в Первопрестольную.

Живет здесь нелегально. Так что в любой момент ее могут арестовать и выслать из страны за казенный счет. Снимает две комнаты в коммуналке, воспитывает детей. Зарплаты, которую получает в MSF, хватает как раз на аренду нехитрого жилища и на прокорм.

«Слушай, Марианна, а какого, собственно, рожна дались тебе наши бродяги? В Софии их меньше, что ли?» — «Не знаю», — отвечает, — Наверное, приключений захотелось. Или еще чего. Я ведь вообще заводная. И страшно здоровая. В 1990 году вместе с ребятами из группы «Человек в экстремальных условиях» через Кызылкум ходила. В июле, представляешь? Днем, в самую жару, без подготовки — через пустыню. Хотели в Книгу рекордов Гиннеса попасть. Жаль, не получилось».

Проблемы? Да, собственно, нет у Марианны особенных проблем. Вот только были бы окрестные жители чуть поспокойнее, а то все пишут, все жалуются, все требуют закрыть склад... Хотя, конечно, их можно по-

Фото В.Шишова

нять — кому ж понравится, что у него под окнами оборванцы косяками ходят? Кто-то свою вшивую одежку в подъезде бросит, а кто-то и лужу сотворит. Так что после закрытия своей сокровищницы Марианна обегает все соседние дома — подтирает лужи, собирает тряпье, относит на помойку.

«И что, тебе нравится такая работа?» — «Конечно! Здесь очень интересно. Такие типажи, такие сюжеты! Представляешь, выдала недавно одному бомжу куртку. Он тут же отправился в какой-то подъезд ее примерять. И что ты думаешь — вышел из своей квартиры жилец вот с таким ножом... И снял с моего клиента куртку. Пришлось еще одну искать. Триллер какой-то...»

Странная она, Марианна, вы не находите? По-хорошему странная. Этакий конквистадор наоборот. И сослуживцы (простите за корявое словечко) у нее такие же по-хорошему странные люди. Ну почему Тим Парсонс по окончании колледжа не бросился тут же делать деньги и карьеру, как все прочие юные янки, а бросился в далекую Москву спасать здешних «хобо» от холода и болезней? И откуда столько энергии в маленькой медсестре Катрине Менаре, всерьез утверждающей, что наши оборванцы воняют ничуть не отвратительнее сиднейских? Я видел, как грязненькие детишки-бродяжки вешались гроздьями на Тима и на Катрину, я слышал, как они кричали: «Это наша мама! Это наш папа!»

Я понял, почему и откуда.

Константин ФИШЕР

Консуэло СЕГУРА

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Мадрид. Центр. Три узкие пешеходные улицы соединяют главную площадь испанской столицы Пуэрта дель Соль с одной из центральных магистралей города — Гран Виа. На них сосредоточены огромные торговые центры и сотни их меньших братьев: магазинов, магазинчиков, лавочек, лотков уличных торговцев. Бурный поток пешеходов то устремляется к «вавилонской башне» одного из больших магазинов, то, усталый, разбивается и оседает на уютных креслах одного из многочисленных кафе. Иногда этот поток завихряется у островка, где происходит что-то интересное.

Вот уличный торговец. Зычным голосом он рекламирует свой товар — наваленные в кучу серьги, браслеты и другие побрякушки. «Моя невеста сбежала в Париж, — вопит он. — Ей захотелось одеться по французской моде. Но зачем для этого ехать в Париж? У меня есть самые настоящие парижские драгоценности, сделанные в Лавальес (мадридский вариант Малой Арнаутской улицы). Приобретайте их, и вы поймете, что такое парижский шик!»

Люди бегут дальше. И снова спотыкаются об очередной остров. Этот остров — печальный. Смуглый, плохо одетый юноша стоит на коленях прямо у входа в роскошный магазин. У ног его — драный берет, на груди табличка: «Я не ел три дня! Помогите!» Подают как-то вяло и неохотно. Что это — жестокосердие, равнодушие, привычка к чужому горю или сомнение в том, что этот юноша действительно нуждается в подавании?

В Испании «бомжуют» более 50 тысяч человек, и с каждым годом эта цифра растет: 49 процентов из них пытаются заработать себе на жизнь «чем Бог пошлет»: нанимаются на временную работу, торгуют металлоломом, продают лотерейные билеты, играют на музыкальных инструментах и даже танцуют на улицах. Те, кто пожуликоватей, надуют доверчивого прохожего, сыграв с ним в нечто весьма азартное (вроде наших «наперсточников») или всучив по дешевке фальшивые парижские драгоценности. Те, кто попро-

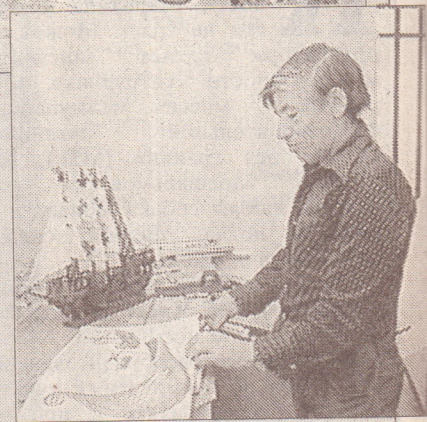
ще, просят милостыню. В поисках «хлебных мест» они кочуют из города в город, время от времени останавливаясь для «отдыха, лечения и восстановления сил» в странноприимных домах, которые здесь официально называются «Приемными центрами». Правда, директор одного из таких центров, основанного еще в 1977 году, Флоренсио Альба, называет их несколько по-иному — «мусорное ведро общества».

«Приемный центр Сан Исидоро при муниципалитете города Мадрида», или, как все его здесь называют, — приют Сан Исидоро.

Проникнув за тяжелые ворота центра, сразу попадаешь в привычный для Испании внутренний дворик, где на утреннем солнышке греются обитатели приюта и их гости. Есть тут калеки, передвигающиеся на своих инвалидных креслах; есть старики, прикорнувшие на лавочках, есть и подозрительные на вид личности, до ужаса напоминающие персонажей из подземного перехода у Курского вокзала. Словом, новоявленный «Ноев ковчег».

Навстречу выходит «старик Ной» — молодой и симпатичный директор центра Дарио Перес Мадера. Он едва выкроил время, чтобы поговорить со мной.

— Работы у меня много, а времени мало, — без обиняков говорит он. — Поэтому сразу перейдем к делу. Наш центр существует еще с довоенных времен. Тогда был принят и весьма часто применялся «Закон о бродягах и нищих». Нищенство и бродяжничество считались уголовными преступлениями, полиция хватала

этих людей на улицах и тащили сюда. Так что мы были репрессивным центром. Эта ситуация существовала до середины 70-х годов, когда, после смерти Франко, в Испании стали происходить демократические перемены. Вместе с ними менялся и наш центр. Из репрессивного заведения он постепенно превращался в новую модель социальной защиты населения. Теперь люди приходят сюда сами, добровольно. Они знают, что здесь всегда найдется крыша над головой, еда, медицинская и психологическая помощь и даже кое-какие развлечения. Те, кто приходят сюда, твердо знают — вход и выход свободны. Никто не будет держать тебя здесь, никто не выбросит на улицу.

Кто же приходит к нам? Как правило, это люди, у которых нет дома, семьи, работы, порваны связи с обществом, где они не могут найти применения своим силам, а общество, в свою очередь, не может найти применения им.

— Мы делим своих «пациентов» на две основные категории, — продолжает мой собеседник. — Прежде всего — это люди, попавшие к нам впервые, в результате возникшей в их жизни конфликтной ситуации. Наши психологи пытаются разобраться в случившемся, подсказывают, как быстрее и лучше выбраться из беды... Если человек, с которым мы ведем такую работу, прибыл с другого конца Испании или даже из-за границы, мы стараемся уговорить его вернуться на родину — ведь там остались связи, более прочно удерживающие его в обществе. У нас, кстати, даже существует договоренность с министерством путей сообщения о предоставлении бесплатных билетов людям, пожелавшим вернуться домой.

Есть и другая категория, мы называем ее «дети дома». Это люди, которые психологически не могут находиться вне наших стен. Большинство из них проводят здесь по 5—6 лет. Некоторые живут семьями. Кстати, у нас есть специальные «семейные номера».

Закоренелый бродяга, профессиональный нищий, отчаявшийся алкоголик, избитая и выгнанная мужем из дома женщина, иностранец, оказавшийся в Испании без средств, — все находят у нас приют. Было бы желание прийти в наш или любой другой подобный нашему центр. Правда, не у всех это желание возникает. Некоторые предпочитают жить на улице за счет подаяний, и здесь трудно что-либо поделать.

Помимо социально-психологической мы ведем огромную статистическую работу. Выпускаем ежегодные сводки о процентном составе наших «пациентов», что дает обильную пищу для размышлений и выводов. Например, гораздо меньше к нам стало попадать стариков. Это говорит о том, что служба социальной защиты, занимающаяся так называемым «третьим возрастом», стала намного лучше работать. Больше женщин переступает наш порог — значит, ослабли традиционные для Испании семейные связи. В последнее время мы стали реже принимать у себя представителей стран Восточной Европы. Видимо, ситуация в этом регионе изменилась к лучшему — люди уже не бегут отсюда очертя голову и не успевают даже собрать чемоданы. Они спокойно приезжают сюда в турпоездку или на заработки и не нуждаются в наших услугах. Словом, статистика, которую мы ведем, основываясь на данных о так называемых «изгоях общества», позволяет лучше понять проблемы самого общества.

— Но, естественно, — говорит Дарио Перес Мадера, — основная наша забота — вернуть «пациентов» к нормальной жизни среди людей. Для этого проводится целый комплекс психологических мероприятий. Тут и коллективная работа в

наших мастерских, которая позволяет людям не только приобрести какие-то профессиональные навыки, но и приучает их одинокие души к общению. Частые экскурсии в город с посещением театров, музеев, концертов. Организовали мы у себя и так называемую пресс-группу, где обсуждаются злободневные проблемы страны и мира. Это позволяет людям включиться в реальную действительность, переключить интерес с личных проблем на общественные. Каждые 15 дней выпускаем свою газету. Есть у нас театральная группа, часто выезжаем на природу, участвуем в городских праздниках.

Наш центр — муниципальный, он принадлежит городу Мадриду и содержится целиком на его средства, однако мы поддерживаем постоянные связи с частными центрами подобного рода, со специализированными центрами по лечению алкоголиков и наркоманов и так далее.

Ну вот, собственно, и все, что я хотел рассказать, заканчивает беседу Дарио. Теперь посмотрите наш дом.

Мы снова выходим во дворик. Приближается время обеда — из кухни тянется аппетитный запах. Что ж, пусть это и будет первым пунктом нашей экскурсии по странноприимному дому.

О, наши уличные кафе, рабочие и учрежденческие столовые, «пункты питания» иных домов отдыха, привокзальные рестораны! С содроганием вспоминала я вас, глядя на сияющий чистотой зал, где питаются испанские бомжи. О меню я лучше вообще умолчу, чтобы не вызывать законного раздражения читателя.

— К такому обеду хорошо бы бутылочку вина, — вслух размечталась я.

— Нет, — строго ответил Дарио. — На территории центра не должно быть ни наркотиков, ни алкоголя. Конечно, выход отсюда свободен для всех, и до ближайшего бара не так уж далеко. Порой случается, что кое-кто из наших «пациентов» возвращается в излишне приподнятом настроении и мы беспрепятственно впускаем его. Что делать, ведь мы не можем лишить человека его последнего убежища! Но правила внутреннего распорядка практически всегда выполняются свято.

Идем дальше. Библиотека, гостиная, телевизионная комната — все чисто, уютно, без излишеств, но далеко не убого. Спальни — небольшие комнаты на два, максимум на четыре человека. При всем стремлении приучить своих подопечных к жизни в коллективе, в центре ясно понимают, что человек должен иметь возможность побыть наедине с самим собой.

Обеденное время использовалось для наведения порядка. Какая-то женщина мыла в коридоре полы.

— А кто у вас убирает, наверное, сами жильцы? — поинтересовалась я.

— Ну что вы! Для этого у нас существует специальный персонал. Мы ведь должны привить нашим подопечным любовь к труду и выбираем для этого что-нибудь более привлекательное, чем уборка. Пойдемте в наши мастерские, и вы увидите, чем там занимаются.

В мастерских готовились к Рождеству. Напоминало это приготовления к елке в детском саду. Только «детишкам» было, как правило, уже очень и очень немало лет. Кстати, среднестатистический испанский бомж — это мужчина старше 40 лет, малообразованный, холостяк или разведенный. Конечно же, есть и исключения. Так вот, постояльцы увлеченно вырезали из блестящей бумаги гирлянды, раскрашивали фигурки Христа, девы Марии, святого Иосифа. Что и говорить, работа была приятной, а картина — прямо-таки умирительной. Симпатичная девушка, заведующая мастерской, развернула передо мной широкую панораму культурной и производственной деятельности центра. Панорама впечатляла.

Поблагодарив гостеприимных хозяев, я вышла за ворота центра. К чувству глубокого удовлетворения от увиденного и еще более глубокой зависти примешивалось недоумение: почему же далеко не все испанские бомжи кайфуют в подобных центрах? Почему с упорством перелетных птиц они, в зависимости от времени года, тянутся то с юга на север, то с севера на юг и вьют себе гнезда на улицах и в парках больших городов? Дарио говорил мне, что есть люди, предпочитающие бродячую жизнь и по-своему понимаемую свободу всем благам цивилизации и благотворительности. Воздух улицы они ценят гораздо выше, нежели душноватое тепло уютной спальни. Кусок хлеба и стакан вина под деревом им дороже здоровой, но по-казенному пресной пищи в столовой центра.

Один из таких «борцов за свободу» — сорокалетний Стефано. Он осел в центре всего на несколько дней, чтобы подкормиться и получить кое-какую одежку. Задерживаться здесь не намерен. Скоро снова на улицу, где он будет подторговывать макулатурой, металлоломом и тому подобной чепухой. Ну а если дела пойдут совсем уж плохо, снова вернется сюда, чтобы переждать черную полосу в жизни. «Здесь нас много таких — бродяг-профессионалов, — говорит он. — Старшие младших учат, секреты свои передают. Вообще-то, я работать люблю, но нас на работу никто не берет. Жизнь такая нас уже пометила — не спутаешь. К тому же человек привыкает к жизни на колесах и другой не желает. В ней есть хорошие стороны. Но есть и плохие — это алкоголь, преступность, наркотики...»

Фото из журнала «Камбио-16» (Испания)

Елена САЛИНА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

БОЛЬШАЯ ДЫРКА В ВОРОТАХ СТРАНЫ

— У тебя вчера шесть беспаспортных было, — грустно сказал Владимир Васильевич Шилов, начальник Шереметьево-2. — А сегодня только трое. Где остальные?

— Кто же знает, — развел руками шеф иммиграционной службы. И усмехнулся: Зеленый коридор.

Здесь нет такой службы, — строго отрезал пограничный командир и посмотрел на нас волком.

Но мы пошли другим путем и всего через пару часов бюрократических утрясок и ушушек все-таки оказались за границей. Мы добрались туда пешком и без чемоданов — ведь за граница начинается с транзитной зоны любого международного аэропорта. И уже почти два года в Шереметьево-2, как в других цивилизованных странах, работает свой отдел контроля регистрации и посадки пассажиров. Служба, которую упорно не хотят признавать пограничники, занимается отловом незаконных иммигрантов, а о причинах неприязни — чуть позже.

Незаконными иммигрантами считаются те, кто прилетел к нам с фальшивыми паспортами, визами или вообще без таковых. Но люди эти вовсе не собираются здесь оставаться навсегда. Как правило, они летят трансферными (с пересадкой в Москве) или транзитными (тем же самолетом, но с посадкой опять в Москве) рейсами в гораздо более привлекательные страны: США, Великобританию, Канаду, к скандинавам. Там их встретят, быстренько выявят фальшивку и препроводят под белы ручки в лагерь беженцев

до выяснения обстоятельств. А Аэрофлот, доставивший незваных гостей, просто-напросто оштрафуют: зачем везли?

По международным правилам каждая страна сама устанавливает сумму штрафа. Например, США за одного сомнительного иммигранта берут с перевозчика 3 тыс. долл., Англия — 2 тыс. фунтов стерлингов, Китай — 5 тыс. долл. и так далее. Россия не штрафует вообще — вот такие мы гуманные, а точнее, нерасторопные — нет у нас такого закона. Поэтому мы всегда остаемся внакладе. До последнего времени на штрафные санкции Аэрофлота ежегодно уходило 5—7 млн государственных долларов. И чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить расход, Шереметьево-2 создало в 1992 году собственную иммиграционную службу.

В подобных случаях говорят: результат превзошел ожидания. В прошлом году новая служба сняла с рейсов 1238 «нелегалов». Экономический эффект — 1 млн 600 тыс. долл.

Руководитель отдела Вячеслав Ануров показал нам свою коллекцию фальшивых документов. Не в ту сторону нарисованные листочки орнамента, визы, не желающие светиться в лучах специальной лампы, вручную наколотые цифры, расплывчатые фотографии...

А за стеклянной дверью отдела — живая коллекция международных бомжей. Сегодня их мало, всего 17. Бывают дни, когда число их переваливает за четыре десятка. Тогда кричи караул.

Первым к нам подскочил чернокожий посланец Либерии и попросил политического убежища. Он принял нас за «высокую комиссию» и очень расстроился, узнав, что имеет дело всего лишь с экскурсией. «Этот — «висяк», — вздохнул Ануров (не путать с милицейской терминологией). — Останется здесь надолго. В Лиерию мы не летаем и, значит, даже не можем депортировать его обратно».

Чета американских граждан, госпожа Спиридонова и ее муж-курд, производящие впечатление заматерелых бомжей с солидным стажем, разговаривать отказались наотрез. «Вы американцы? Ах, русские... Тогда извините, никаких интервью». И суетливо пошли прочь, закрывая лица от фотоаппарата.

Очередной китаец с японским паспортом ни слова не знает по-японски. Японский паспорт — «вездеход», он не требует дополнительных виз, поэтому так популярен у «нелегалов». Стоимость фальшивки в разных странах примерно одинакова — 5 тыс. долл.

Компания курдов очень возбуждена — жестами объясняют, что хотят в Америку. Чтобы не накалять обстановку, спрашиваем разрешения сфотографировать. С курдами просто беда, это самая криминальная публика. Уже был случай, когда сот-

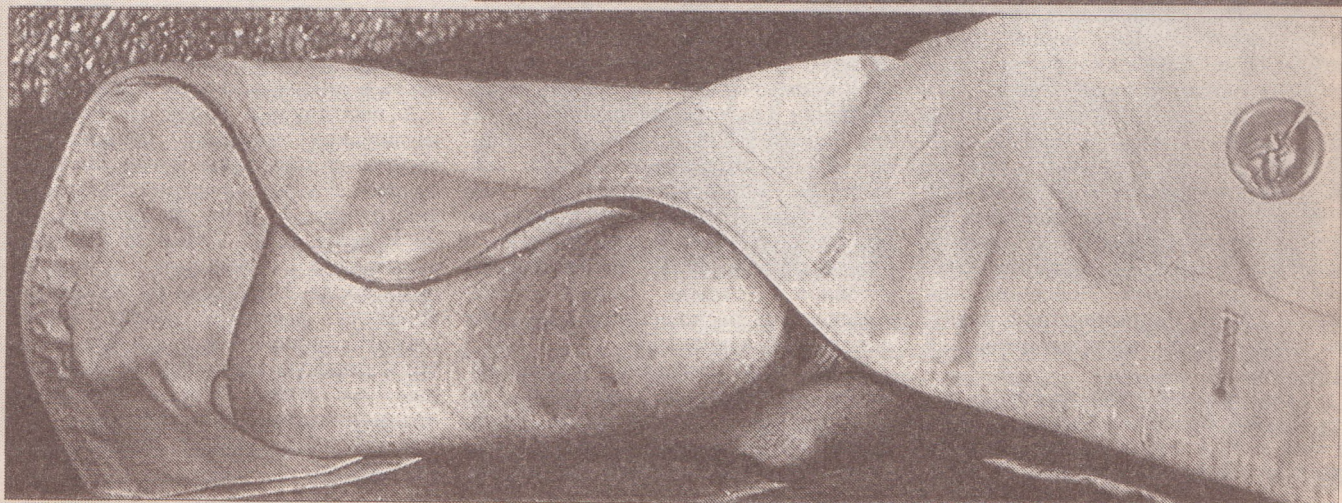

руднику иммиграционной службы пришлось постоять с приставленной к горлу «розочкой» из разбитой бутылки. Потому что курдам терять практически нечего.

Типичная история: двое из них прилетели из Аммана в качестве туристов. Сначала у них были иракские паспорта с российскими визами, но во время транзитной посадки на Кипре курды уничтожили все документы и попытались прорваться в город. Попытка не удалась, их опять заперли в самолет, и в Москву они прибыли уже совсем без документов. Поэтому депортировать обратно их нельзя, да и просто бесчеловечно — курдов там расстреляют. Отдел Анурова занимается ими уже давно. Никто не хочет даже слышать о его подопечных: ни в Аммане, ни в иракском посольстве в Москве, — как будто этих людей не существует в природе.

Экономические и политические беженцы из Африки, юго-восточных стран, с Ближнего Востока месяцами живут в транзитной зоне Шереметьево-2. Это нонсенс, кошмар, стыд и ужас, но это — реальность. Сотня шагов по разомкнутому квадрату галереи второго этажа, балконом нависающего над залом вылета, и столько же среди валютных «шопов» для свободных граждан на первом этаже — все их жизненное пространство. Не торопясь, можно обойти минут за пятнадцать. Разодранные картонные коробки для спанья, общий туалет для умывания, талоны на питание, выделяемые Аэрофлотом. 5 долларов в сутки, которые проедаются в здешнем буфете, и ни центом больше. От монотонности и безысходности легко сойти с ума.

Единственная надежда для шереметьевских бомжей — молодая дама по имени Изабель, представитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Ее редкие приходы

сюда выглядят праздниками. Изабель может выдать (после соответствующей проверки, конечно) карточку беженца, которая отворит для них ворота тюрьмы. Дальше — живи как знаешь. Так и не дошли руки сильно занятого правительства до обустройства специальных лагерей.

Но вот загадка — казалось бы, транзитная зона должна быть перенаселена до отказа. Так ведь нет, исчезают люди куда-то. Просачиваются сквозь стены? Растворяются в воздухе, чтобы потом материализоваться в городе?

— Без подкупа здесь не обходится, — считает Вячеслав Ануров. — Тем, у кого есть с собой доллары, всегда делают «зеленый коридор».

Охрана международных бомжей не входит в функции иммиграционной службы. Для них главное — соблюсти коммерческие интересы авиакомпании. Границу должны охранять, как известно, пограничники. К ним все претензии. Аэрофлот даже выделил им для содержания «лиц с неопределенным правовым статусом» два этажа в своей гостинице. Но пограничники наотрез отказываются устраивать судьбы бомжей, пока компания не раскошелится еще и на дополнительную охрану.

С приходом сотрудников Анурова число нелегальных «проводок» к самолету резко сократилось. Даже будки пограничникам пришлось поменять. Раньше они были закрытыми

с трех сторон, а теперь — стеклянные, прозрачные для любого взгляда. Отсюда, наверно, некоторая холодность в отношениях двух ведомств.

А иностранные гости, на радость московской милиции, продолжают регулярно пополнять ряды местных бомжей. Растет преступность среди иностранцев — а как вы думаете, им не хочется есть? Время от времени вспыхивают небольшие скандалчики, вроде того, когда из аэропорта пришлось вывозить целую «сомалийскую деревню». В ту же самую аэрофлотовскую гостиницу на два пограничных этажа. Откуда сомалийцы незамедлительно разбежались.

И все опять затихло. Может, само рассосется...

Эксперимент, который лопнул

Профессор Юридического института МВД России Герман ЛАЕВСКИЙ считает, что прежняя советская система борьбы с бродяжничеством была вовсе не так уж плоха:

— Вплоть до начала семидесятых годов с бродягами и попрошайками у нас сражались без затей: ловили да сажали. Но этого было явно недостаточно. Бомжи выходили на свободу, принимались за старое. И, кроме того, они совершали сотни и тысячи тягчайших преступлений — угрозыск буквально сбивался с ног.

Надо было воздействовать на них как-то иначе, адаптировать их, возвращать к нормальной жизни. Это хорошо понимал, скажем, тогдашний начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР генерал Карпец (мир его праху). С его санкции в ГУУРе появилась сначала специальная группа, потом целый отдел, который занимался профилактикой преступлений среди бродяг. Такой же отдел был создан и в Главном управлении охраны общественного порядка. ВНИИ МВД, куда я перешел из угрозыска, стал проводить специальные научные исследования в этой области. Нам разрешили экспериментировать.

Постепенно начала работать целая система воздействия на бомжей. Прежде всего на базе нескольких ИТУ открылись так называемые Воспитательно-трудоустроительные профилактории. Бродяги там работали под надзором, но режим был много мягче, чем в «зоне», и никто не считался заключенным. По выходе из ВТП человек получал отнюдь не волчий билет, а целый набор необходимых документов: трудовую книжку со стажем, военный билет, паспорт. С этими документами можно было начинать новую жизнь. Ни один бомж, прошедший, например, через ташкентский ВТП, впоследствии не угодил за решетку — по-моему, это большое достижение. Собственно, ВТП и были теми центрами социальной реабилитации, которые предполагается теперь создавать в России.

В Симферополе бывшие бродяги и попрошайки выращивали в теплицах овощи, работали на стройке —

сами для себя возводили дома. В Рязани они собирали прекрасную дефицитную мебель — и завод охотно предоставлял им жилье. Мы договорились с Министерством среднего машиностроения, чтобы наших подопечных брали по спецнаправлениям на оборонные предприятия. Мы добились открытия нескольких специальных интернатов — для бомжей-стариков. Мы ходатайствовали уже о замене уголовного наказания за бродяжничество на административную ответственность. А в 1982 году вышло даже специальное закрытое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с лицами, ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» — казалось, нам давали зеленый свет. Количество бродяг в стране стало постепенно сокращаться...

Но в середине восьмидесятых годов вся система рухнула. Почему? Так ведь это хлопотно, это трудно — делать что-то новое. Можно и обжечься. Многим генералам в министерстве казалось, что такая вот борьба с тунеядцами портит им показатели. И все научные исследования было приказано свернуть. Меня, например, когда я стал возмущаться, едва не выгнали с работы, потом долго не давали защитить докторскую диссертацию, похоронили мою книгу о мерах воздействия на тунеядцев. Постепенно ликвидировали спецподразделения в ГУУРе и в ГУОПе, ВТП снова превратили в «зоны», запретили всякие эксперименты. Это, я считаю, было форменное вредительство. Стране был нанесен колоссальный, многомиллиардный ущерб. Ведь рано или поздно опять придется начинать: оплачивать исследования, обучать кадры (кстати, обе высшие школы МВД, готовившие персонал для приемников-распределителей, сейчас оказались за пределами России), создавать специальные рабочие места для бомжей. По-моему, тех руководителей МВД, которые лично ответственны за такое безобразие, следовало бы с позором лишить званий, отобрать у них генеральские пенсии — так делают, скажем, с проштрафившимися полицейскими в Соединенных Штатах.

Фото В. Шишова

Оказывается, не так все страшно. Если справлялись с бродяжничеством десять лет назад, может, и сейчас получится. Взяться бы только с умом...

И вовсе не обязательно изобретать велосипед, нанимать зарубежных экспертов, придумывать новые программы. Опыт есть. Свой, отечественный. И очень неплохой. За исключением, конечно, совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров.

Алексей
МИТРОФАНОВ

КИНОТЕАТР, ЦИРК И РЫНОК

Цветной бульвар сегодня

Фото В. Шишова

Начало бульвара —
Трубная площадь. Гиблое
место. И под ним река течет.
Здесь торговали сборными
домами, а в конце прошлого
века — всякой живностью,
чаще — летающей.

На Трубную выйдешь —
и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя
ошарашит, —

писал поэт Багрицкий,
«птицелов».

Здесь мучили животных.

А справа было здание с
трактирами. Сверху —
«Крым», где гуляли купцы и
мошенники, плясали под
«орган». Снизу — «Ад», раз-
бойничий притон подлой Гра-
чевки. Там играли в «реме-
шок», в «наперсток». А между
ними — магазины.

После революции здание
использовалось почти по
назначению. Здесь помеща-
лась скверная гостиница, сто-
ловая для безработных, чай-
ная. А в 1980 году вместо него
встал Дом политического
просвещения (разумеется,
уже сменивший старое назва-
ние, уже пошедший по рукам).
Автор «Дома» архитектор
В. Андреев впоследствии пи-
сал высокомерно: «Выдвига-
лась... мысль о том, что ма-
сштаб комплекса «подавит»
Рождественскую горку».

*Ц*ветной
бульвар назван
так в 1851 году
по цветочной
торговле,
перенесенной сюда
с Театральной
площади.
До этого был
Трубным.

Будто бы не подавил.

Здесь на одной из «встреч
с пропагандистами» Б.Ель-
цину, в бытность его пер-
вым секретарем Московско-
го горкома партии, вдруг
пригрозили, что сместят че-
рез два года. Так впоследст-
вии и вышло.

А сам бульвар немножечко
утихомирился, набрался
всяких сувениров и, кажется,
замолк. Тут имеется и слав-
ное творение ушедших лет —
три колченогие колхозницы в
платочках, с тятками на
плечиках. Около этого ме-
мориала любят позировать
ушлые иностранцы. Есть и
детский пятачок в лучших
языческих традициях — с вы-
тесанными из дерева бол-
ванами. И деревянные скаме-
ечки для пьяных и влюблен-
ных, и ларьки. И даже камень
закладной, красно-коричне-
вого цвета (простите за не-
вольный каламбур). С трога-
тельными словами: «Благо-
дарная Россия — сотрудни-
кам органов внутренних
дел, погибшим при испол-
нении служебного долга.
Памятник заложен 10 нояб-
ря 1991 года».

Три главные достоприме-
чательности улицы — кино-
театр, цирк и рынок. Киноте-
атр — самый первый. Здесь
раньше был манеж для вер-
ховой езды (куда захаживал

Куприн), гараж, показ разнообразных панорам, какой-то склад... А в 1957 году здание перестроили под «первый в стране и крупнейший в Европе» панорамный кинотеатр. То есть с широченным экраном-дугой в 160 угловых градусов и тремя специальными кинопроекторами. Его открыли фильмом режиссера с оперной фамилией Кармен. Фильм контрастировал с фамилией создателя и назывался «Широка страна моя родная».

Панорамный кинотеатр не оправдал себя, и в 1991 году вместо него открыли с/п «Эспас» — «Мир». Но, несмотря на высокий полет (ведь на открытии присутствовали советский и французский министры культуры), затем вскоре умерла. Сейчас вроде как оживает.

Следом за кинотеатром — цирк. Он до революции был цирком Саламонского и, как уверял Антон Павлович Чехов, походил на супник опрокинутый. Увы, в 1985 году столетний памятник сломали и вскоре выстроили новый дом, удобный, но холодный, сверху донизу стеклянный. Он напоминает трубку-телефон, что продают в ларьках напротив, — сделанную из прозрачной пластмассы, сквозь которую видны колесики и провода. Кажется, что застекление у цирка — временное, что это — новейшей модели строительные леса, что скоро их снимут — и откроется взору зевак перевернутый супник. Но не блаженны верящие в это.

Цирк был, возможно, самым популярным из московских зрелищ. Он занимался и благотворительностью — по доброте его владельца, бывшего наездника Альберта Саламонского, заведующий выдавал бедным студентам каждый день (кроме субботы) двадцать входных блях, но требовал за каждую копейку. Видимо, на чай.

Цирк в меру сил участвовал в политике. Но сил, чаще всего, хватало только лишь на розыгрыши. К примеру, 2 июля 1918 года сюда приехал Ленин с целью дать напутствие мобилизованным на фронт товарищам Бутырского района. Но вышло так, что в этот день вдруг загорелись склады на одной из железно-

дорожных станций, поэтому красноармейцы были заняты и не явились под напутствие. Ильич прождал их целый час, после чего отправился в Лефортово и выступил перед полутора тысячами тамошних солдат.

Спустя три года здесь поставили «Мистерию-буфф» Маяковского. Водрузили на арену глобус-монстр, вокруг него смешали в одной куче эскимосов, обер-черта, спекулянта, прачку, Льва Толстого, ангелов и прочее разномыслие. Видимо, для того чтобы окончательно запутать зрителей, спектакль велся на немецком — общепринятом языке Коминтерна. Правда, взяли переводчицу, студентку медицины Риту Райт. По окончании же пьесы автор вышел на арену, сдернул кепку и, по словам все той же переводчицы, «с какой-то совершенно несвойственной ему неловкостью... поклонился представителям всего земного шара, о судьбе которого он только что рассказал».

А в 1930-е годы здесь размещалось Государственное объединение мюзик-холльных, эстрадных и цирковых предприятий, организация до того нелепая, что, по словам одного из исследователей, послужила прототипом Акустической комиссии из «Мастера и Маргариты».

Но главное в цирке, пожалуй, не это, а окупджавское:

Цирк — не парк, куда вы входите грустить и отдыхать. В цирке надо не высиживать, а падать и взлетать...

Или же самойловское:

А под мокрым тентом шапито слышен чей-то слабый шепот. То Ангел цирка с детской головой бродит над ареной цирковой.

Даже Высоцкого: «Ой, Ваны! Смотри, какие клоуны!»

А вот Цветаева, кажется, цирк не любила. Во всяком случае, когда маленькая Ариадна стала потешаться над кривляющимися клоунами, Марина взяла ладонями лицо своей дочери, отвела его от сцены и произнесла: «Слушай и помни: всякий, кто смеется над бедой другого, — дурак

или негодяй; чаще всего — и то и другое. Когда человек попадает впросак — это не смешно; когда человека обливают помоями — это не смешно; когда человеку подставляют подножку — это не смешно; когда человек теряет штаны — это не смешно; когда человека бьют по лицу — это подло. Такой смех — грех».

А рядом — следующая достопримечательность бульвара, где все, перечисленное выше, происходит уж не понарошку — Центральный рынок. Когда-то он был интересен и трогателен, сюда ходили не только по необходимости покупок — даже ради удовольствия. «Мы часто ходим на Центральный рынок, — вспоминала М.Влади... — нам очень нравится здешняя атмосфера, шумы и резкие запахи. Здесь можно купить у краснощеких баб разноцветные грибы, свежий творог, яйца, даже иногда — домашнее масло, мед и разные вкусные, если их запечь в духовке с куском свинины или уткой».

Однако же ее покойный ныне муж тогда же сочинил смешную песню с пророческими строками:

Наш родной Центральный рынок стал похож на грязный склад...

Почти что не осталось бабушек, и так неприятно, когда ощущаешь себя

иностранцем в центре собственного города — ведь на рынке нынче принято общаться на иностранном, непонятном русскому человеку языке. Кстати, в марте рынок закрывается на многолетнюю реконструкцию, то есть навсегда.

А противоположная сторона бульвара — словно самостоятельная улица. Она отделена от достопримечательностей широкой полосой деревьев и никак с ними не вяжется. Тут свои маленькие радости — слегка мишурный дом 16 (бывшая гостиница «Белосток»), конструктивистское здание 30 (некогда редакция «За индустриализацию», сейчас же — «ЛитРоссия» и компания), строение с башенкой 34 (в нем Суриков писал картину «Покорение Сибири Ермаком»).

И главный экспонат — дом № 22. Здесь обитали Брюсовы. Валерий Яковлевич принимал чуть ли не всех поэтов-современников, Александр Яковлевич вечно с ним спорил, говорил брату колкости, а Надежда Яковлевна проводила бесплатные курсы по теории музыки для подмастерий, молодых служанок и портных. Андрей же Белый примечал: «...в этой квартире все заняты сухо игривым подколом друг друга; здесь каждый за чайным столом, софизм выдвинув, им поколов, удаляется, супьясь, работать. Семейство сходилось: на колкостях».

В контексте славного начала века тот дом воспринимался как сухой и неуютный. Сейчас же мемуары вызывают только ностальгию.

Несохранившийся дом № 36 по Трубной улице. Фото 1920-х годов из собрания М.Струкова

НА ФРАНЦУЗСКИЙ МАНЕР

«Кандид»
Пермский Театр юного зрителя,
реж. М.Скоморохов

Людам свойственно ошибаться. Великим людям — тоже. Вот, скажем, Вольтер свои трагедии считал достойными бессмертия, а «Философские письма» — безделками, и что же? Над какой-нибудь «Заирой» «мышь старается в пыли», тогда как «Кандида» даже на театрах играют. Михаил Скоморохов нашел блестящее театральное соответствие вольтеровской язвительной прозе. Философ выстраивал сюжеты и персонажей как аргументы в безупречно стройной логической конструкции, а режиссер превратил сцену в некое подобие старинной музыкальной шкатулки, где прелестные расписные куклы вытанцовывают под звуки менуэта свое представленье. Только вместо положенной музыкальному ящику идиллии разыгрывается фарс о бессмысленности человеческой жизни. А насмешник месье Вольтер крутит ручку и комментирует: поворот — и Кандид вылетает из игрушечного баронского замка; поворот — и он в армии; поворот — и кукла падает, распластана балетно-условным ударом (чтобы, впрочем, тут же легко подняться и приняться за новые пируэты). Действие несется в стремительном темпе, еще более подчеркивающим заведомую игрушечность как палочных и сабельных ударов, так и ударов судьбы. В этой стремительности оно, правда, подчас проскакивает очень важные эпизоды. Зритель, который перечел накануне «Кандида», способен как бы досоздать картину, но для остальных смысловые потери велики. С другой стороны, они ведь не знают, чего лишились, так что сетовать не на что. Тем более что успехи демократии приучили радоваться самому простому: жизнь продолжается, премьеры выходят, фестивали проводятся; вот «Кандида» привезли — из Сибири, а такого

по-французски изящного, такого *rafiné u bel-esprit*. Mes félicitations, messieurs-dames, et bonne chance!..

Алена ЗЛОБИНА

НЕ ПОЛОЖИТЬ ТЕБЕ СВОЙ СОСУД НА ЭТО

Выставка Р.Филиппини (живопись, коллаж, инсталляция)
Международная федерация художников при ЮНЕСКО

Столичный бомонд (хотя и специфической направленности) собрался не зря. Было на что посмотреть, а паче того — послушать. Особый успех имели приветственная речь П.П.Лохтунова, председателя секции станковой графики гостеприимной Федерации, призвавшего к свободе псовой охоты на всей территории бывшего СССР (включая Босфор и Дарданеллы), а также спич организатора выставки Я.Могутина, охарактеризовавшего экспозицию как весомый противовес соблазну фигуративности, разжигающему похоть масс. Виновник торжества в своем выступлении был лапидарен, выразив свое кредо, как и полагается художнику, в одной из работ: «Ты не увидишь ничего, что я пытаюсь сделать». Разумеется, маэстро прибуднялся. Можно дать что угодно на отсечение, что занявшую полностью второй зал выставки «инстудяцию» (множество стульев с чередующимися надписями: «Помести свою плоть сверху» и «Положи свой сосуд на это») заметили даже самые близорукие. К сожалению, стулья были инсталлированы таким образом, что выполнить последний призыв в буквальном смысле не представлялось возможным. Всеми был отмечен вклад Р.Филиппини в благое дело творческого слияния русского и американского авангарда, и даже почтивший своим присутствием вернисаж Д.А.Пригов, будучи спрошен организаторами о впечатлениях, произнес sacramентально-величественное: «Нормально».

Итар ТАССОВ

Обложка книги
К.Церетели
«Роми Шнайдер»

СТРАННАЯ КУКОЛКА

К.Церетели «Роми Шнайдер»
Издательство студии «Фора-фильм»

Странная история. Женщина, за свои 44 года пережившая всего один настоящий роман, всего два замужества и от двух мужей имевшая двух детей, всю жизнь была героиней бульварных сплетен. Странная судьба. Самоуверенная, тщеславная красавица большую часть жизни играла в кино женщин, обреченных на жертву, и женщин, чья любовь становится роком. Белокурая, кудрявая фройлен с фарфоровыми зубками, беспечная и пикантная куклолка в туфлях на шпильке, послушная ученица и лучшая модель для костюмов Коко Шанель — символ выдуманного скромного обаяния буржуазии. Ален Делон написал ей, уже мертвой, что она была «ребенком, который слишком быстро стал звездой», и «женщиной с жизнью, которую все плохо поняли». Не поняли простую жизнь: полудетский еще успех, Ален Делон (который тоже «не понял»), 58 фильмов меньше чем за 30 лет, болезнь, смерть сына, смерть... Кора Церетели писала эту

книгу, по-видимому, к десятилетию со дня смерти Роми Шнайдер. Но вышла она спустя еще два года. Впрочем, не слишком устарев.

И.Л.

КОГДА ВОРОВСТВО ХУЖЕ ПРОСТОТЫ

«Юноша из морских глубин»
«Ленфильм»,
реж. Г.Новиков

Фильм молодого режиссера Геннадия Новикова добросовестно иллюстрирует банальную истину: пошлая претенциозность псевдоавторского кино гораздо оскорбительнее, чем пошлый беспредел кино псевдомассового. Короче говоря, мы имеем дело с тем случаем, когда воровство несравненно хуже простоты. Тем более если наворованное без разбору торопливо и жадно заглочено кусками, чтобы потом в виде закономерного результата быть представленным уважаемой публике. Надо понимать, главной причиной, повлиявшей на решение Новикова связать свою жизнь с режиссурой, стала его деятельность в качестве рекламного агента в съемочной группе

Александра Сокурова. Видимо, эта деятельность не мешала ему в свободное от работы время пропадать на элитарных просмотрах и приобщаться к сокровищнице интеллектуального кино. Теперь дело столпов этого самого кино живет и побеждает в бурной деятельности юного дарования, которую из непонятных филантропических соображений взялся финансировать развалюха «Ленфильм». Неумение рассказывать историю неловко притворяется нежеланием ее рассказывать. В качестве компенсации предлагается антураж фашистской Германии (непонятно зачем), мистическое явление из морских глубин (непонятно кого), встреча в заброшенном доме (непонятно с кем). Плюс плохо прочувствованные бергмановские ритмы, скверно сработанные сокуровские распечатки и ни к месту помянутый тарковский пылающий финал. Разумеется, финал многозначительно цветной. Разумеется, сам фильм многозначительно черно-белый. Разумеется, актерская игра достойна режиссуры. За исключением разве что Сергея Донцова-Дрейдена, который, как говорится, и в Африке будет Сергеем Донцовым-Дрейденом. ...Кстати, рекламным агентам, которые еще не получили собственной постановки, есть смысл поторопиться: у «Ленфильма» карман не резиновый.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

НАСЛЕДНИКИ «АВИА»

«Супердиск» и «К чортям собачьим»
Альбомы группы «НОМ»

Главный принцип горячо любимой Артемом Троицким питерской группы «НОМ» («Неформальное объединение молодежи») — «чтобы было веселей». Чего стоят уже подзаголовки песен: «куцюрубки», «с большой буквы», «копыто». А уж сами песни — полный

наворот всего, что пришло в голову. Смысл в них найти не просто, но и не в нем суть, а в образе. А образ такой: на тебя надвигается что-то очень большое, тяжеловесное и монументальное (чему способствует обилие симфо-роковых и хоровых элементов), а внутри этого «чего-то» — полный кавардак, матом анекдоты травят (композиция «Скотинорэп»), дикие и нелепые истории рассказывают («Одлопез», «Случай в пионерской комнате») или просто вовсю «отвязываются» (чаще всего).

Нечто сугубо российское и сугубо неповторимое во всем этом так и прет изо всех дыр, включая безалаберность как черту русской ментальности. Лучшие композиции группы любители рока уже должны знать: и «Samba Hopkins» (заводной танец с монотонным, бессмысленным, но очень выразительным припевом «Есть у меня друг по имени Самба», который перемежается надзирательскими выкриками: «Надо танцуйте! Много смеяться! Кушать курица!»), и «Город» («Мой край, откуда я прибыл, Сибирью зовется меж вами, жидами!») — агрессивно восклицает в стиле «рэп» голос, переполненный глубоким удовлетворением, а хор все сильнее и напористее подхватывает в

припеве «Накати пя-та-чи-ну!»...), и «Хор зайтейников из кондукторского резерва» (убыстряющийся по ритму марш, пародирующий пролетарский дебилизм «совка», — своеобразный привет группе «АВИА»). Ценность этих «куцюрубок» в отделанности и своеобразной гармоничности, благодаря чему пародийный маразм начинает искриться, сверкать, как отражение вечного сумасшедшего российского карнавала.

Александр ШПАГИН

ВЛЕЧЕНИЕ К РАЗРЕШЕННОМУ

«Ах, уж эти милые грешницы!»
Театр «Бенефис»,
реж. Р.Ибрагимов

Из полустраницы Рабле и отдельных мотивов Лесажа драматург В.Красногоров сделал две комические пьесы, снабдив их своими стихами. Хотя пьесы недурны (чего нельзя, в основном, сказать о стихах), путаница в жанрах, заключенная в самой идее соединить автора «Гаргантюа», более близкого к фарсу, и создателя «Хромого беса», одного из первых авторов водевилей, привела организм спектакля в некоторое жанровое расстройство. Последнее усугубил композитор В.Плешак, назвавший первую пьесу «комической оперой», а вторую — «мюзиклом»: то и другое неоправданно уже потому, что формально строение двух частей

спектакля никак не различается. Неумение ясно сформулировать свою задачу обуславливает и все остальные недостатки спектакля, местами очень обаятельного. С одной стороны, диалоги быстры и остры, с другой — они перебиваются, часто совсем не к месту, чрезмерно длинными вокальными номерами. С одной стороны, грубоватый юмор комедий о немой жене, проявившей всю свою сварливость, когда ей вернули дар речи, и об ушлой докторше, сумевшей провести зануду-супруга; с другой — «умеренные и аккуратные» мелодии и синтетические костюмы «сладких» тонов и банальных покровов, не связанных с какой-либо эпохой. Как ни странно, сама малая продолжительность спектакля не идет ему на пользу. (Чем доказывается весьма относительная ценность этой новой моды — можно подумать, что, если начать делать спектакли по полчаса, у них прибавится зритель!) Пусть бы он был длиннее — но резче, эксцентричнее, определеннее в деталях, бесцеремоннее, если угодно. Впрочем, к актерам эти упреки относятся в меньшей степени: там, где берут свое молодость и любовь к игре, скупа исчезает вместе с опасностью превращения милых грешниц в вялых праведниц. И тогда в названии главы Рабле, откуда заимствован сюжет — «О том, что женщины обыкновенно влекутся ко всему запретному», — не тянет заменить последнее слово на «разрешенному».

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Сцена из спектакля «Ах, уж эти милые грешницы!»

Фото А.Швец

ОСТАЕТСЯ НАМ, РЕБЯТА,
ТОЛЬКО ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД

Поэт
и драматург
Юлий КИМ
в беседе
с обозревателем
«Столицы»
Михаилом
ПОЗДНЯЕВЫМ

— Юлий, в прошлый раз мы беседовали три года назад. Вы тогда высказывались в том смысле, что не видите повода для паники, потому что никогда еще нам так хорошо не жилось. Пользуясь вашим тогдашним шутливым заимствованием из лексикона пламенных ораторов, какие за эти три года произошли «подвижки в ваших наработках»?

— Обожаю эти словечки! Ну что же, смею заявить, что главное в моем мироощущении никак не изменилось. Более того, оно — как выражался кое-кто три года назад, — это мое чувство оптимизма, углубилось, ха-ха-ха...

— Между прочим, беседовали мы за два месяца до путча.

— Да? Интересно... Ну вот — в этой связи — я замечаю некоторую закономерность в нашей оценке действительности. О том, что страна движется к катастрофе, что ежель срочно, сию минуту не сделать то-то и то-то, завтра случится нечто непредсказуемое, — об этом говорилось приблизительно последние шесть лет. Я часто вспоминаю с добрым смехом в душе слова моего приятеля с институтских еще времен, лауреата Букеровской премии Марка Харитоновна. Когда интервьюер...ша спросила его, предвкусывая ответ самый мрачный, с каким он чувством просыпается каждый день, Марк ей ответил: «Вы знаете, возможно, это прозвучит кощунственно, но я просыпаюсь с чувством счастья». Я разделяю такой взгляд на предмет. Никуда не уходит, остается со мной, несмотря ни на что, ощущение величайшего поворота нашей жизни в нужную сторону.

— Между тем остаются и с каждым днем все острее встают и очень важные, всех нас терзающие вопросы, и вы буквально на днях выступили в «Общей газете» со статьей, озаглавленной едва ли не отчаянно: «Объясните простому человеку!».

— Вопросы — это другое дело. Я чрезвычайно дергался в первые годы перестроечные, все пытался поспособствовать, протестовал и призывал... а потом вдруг осознал, что это не мое поприще, это область специализации и, когда понимающий вопрос Явлинский критикует понимающего Гайдара, я в роли посредника между ними просто смешон. Я отступился — и с каким-то облегчением осознал, что я — простой гражданин, нормальный обыватель, живущий в уже свободной, в принципе, стране.

Но сравнительно недавно стало меня удручать и раздражать одно такое обстоятельство. Идут реформы. Понятно. Идут со скрипом. Тоже понятно. Остается непонятным вот то множество частностей, специфических и тонких моментов, в которых ни вы, ни я не сечем и которые должны разъяснять нам наши отцы-

реформаторы. Все они ежедневно мелькают на экране, в газетах, но никто из них не говорит с нами доступно, серьезно и, простите, профессионально.

Это слишком похоже на манеру разговора с народом в былые дни, когда политики высокомерно держали нас за быдло, а журналисты излагали только одну половину информации, одну половину правды, умалчивая о другой, чаще всего о главной половине.

— Я хочу вступить, Юлий, за моих коллег. Они просто вынуждены отвечать за тех, кто молчит. И на вопросы ссылаются отвечать, добывая информацию путями прямо-таки детективными. Смотрите, сколько «допросчиков» и «раскрутчиков» на нашем телевидении, жанр интервью — самый ходовой, есть, наконец, и газеты вопросов и ответов — «Аргументы и факты».

— Да, но в этой газете — информационные ответы, констатирующие нечто, однако же не влекущие за собой, скажем, немедленного депутатского запроса или повестки в Конституционный суд. Я очень мечтаю о таком органе, президентском ли, думском, который обязывал бы людей отвечать за любое слово в прессе по тому или иному поводу. Пришла пора и потребность в таком разговоре. Я радуюсь тому, как лихо «раскручивают» своих собеседников Караулов или Дибров насчет того, что они кушают, кто у них жена и на какой машине они ездят, но тут же дергаюсь: ладно, это мы «раскрутили», но вот почему у нас с сельским хозяйством такая чушь и кто лично отвечает за полмиллиарда долларов, отпущенных на строительство нового «Большого дома»? Вы их, братцы, про это спросили бы, это мне как-то интереснее, это меня лично касается!

Для чего ведь нужна в свободном обществе пресса — чтобы вынуждать ответственных людей отвечать за свои дела и слова, а не поливать их и не искать на них компромат. Я просто поразился, когда чрезвычайно уважаемый мною Леонид Радзиховский стал распутывать эту темную историю с подслушиванием телефонных разговоров Макарова, Якубовского, кого-то там еще... От этой истории несет таким неприятным закулием, совсем недостойным внимания порядочного человека! Но когда подсказываешь умному, серьезно, интеллигентному журналисту, что у нас столько кругом действительно глубоких проблем, он отвечает: «Мне это неинтересно». Ну да, зато очень интересно заниматься тем, что, кому и кто сказал в частной беседе по телефону.

— Вам не кажется ваша мечта о триумфальной победе принципа «Спрашивайте — отвечаем!» утопией? Я вспомнил пьесу вашего по-

койного друга Давида Самойлова «Фарс о Клопове» — ее герой, провинциальный обыватель, состоял в переписке с государем императором, сообщал ему обо всех безобразиях в России, и тот ему отвечал: «Меры принять». Да вот и мэр Лужков регулярно приходит на посиделки к Борису Ноткину и отвечает на всякие жалобы из толпы, вроде того, что десять лет крыша в доме течет... Лужков говорит: «Разберемся», — но, конечно, никто не разбирается, потому как господин мэр в каждый такой ответ вкладывает ответственности меньше, чем, скажем, в выступление на церемонии вручения премии «Ника», где он читает стихи собственного сочинения, или в поздравление с юбилеем Марка Захарова, коему он подарил купленную самолично на Арбате балалайку. Не связано ли это с девальвацией слова по ходу распространения благословенной гласности?

— Очень точно вы меня подвели к этой главной теме. Я как раз хотел сказать, что только прессе сегодня по силам вернуть силу слову, силу, которую не сокрушить молчанием, отмалчиванием... Смотрите, в условиях режима КПСС стоило появиться в печати любой критической заметке — и тут же следовали «оргвыводы», касавшиеся не только нерадивого чиновника, но и целой компании его начальников. А сейчас? Сколько происходит острейших материалов — и как будто ничего не случилось! Вероятно, терпеливое биение в одну точку может все-таки принести свои результаты...

Для меня самым сильным потрясением в последние годы стали не все эти разборки в высших эшелонах власти, а декабрьский гололед в Москве. Все травмпункты забиты были несчастными стариками с переломами и сотрясением мозга — и никакой реакции, даже не со стороны властей, а со стороны простых дворников. Я шел по нашей Автозаводской — и сразу видел, у какого дворника есть совесть, а у какого ее нет. Иду, кувыркаюсь — вдруг пятьдесят метров чистого асфальта, лед сколот, песочком присыпано, хотелось обнять и расцеловать этого дворника, понимающего, что не высокое московское начальство, а жильцы его дома, да и родственники его скользят по этому катку.

— Был такой анекдот. Идет забулдыга по улице. Час ранний, похмельиться не на что. Худо человеку. Вдруг к нему — мужик. Протягивает пятерку там или трешницу. «На, подлечись». Тот — в слезы. «Да откуда ты такой? Как отблагодарить тебя, соколик? Хоть имя скажи». Тот смутился и говорит: «Академик Сахаров»...

— Понял. Ну, что вам, Миша, ска-

зять на это? Я думаю, что Андрей Дмитриевич и сегодня бы себе не изменил, он, наверно, сражался бы с ветряными мельницами уже в Думе, но был бы там если не в единственном числе, то в компании еще двух-трех людей, вроде Сергея Адамовича Ковалева. Но дело-то не в этом.

Можно говорить о времени, благоприятном для появления большего числа рыцарей, — наше время, конечно, не рыцарское. Оно совсем другие задачи ставит. Вот однажды, году в 89-м, я вдруг понял, что диссидентство кончилось. Кончилось время, когда от честных людей требовалось безоглядное самопожертвование. Гнилое, застойное время — это и были рыцарские времена. А теперь — потребны иные герои. Другие умельцы. И они появились, в лице обширной плеяды реформаторов, большая часть которых, между прочим, вполне благополучно существовала и в диссидентские времена, будучи докторами наук, преподавателями общественных вузов, даже работниками аппарата ЦК КПСС. Но время требовало именно их. Вопрос «Кто виноват?» делит людей на смельчаков и трусов. Вопрос «Что делать?» на обломках того, что рухнуло, на этом странном ландшафте, где мы все сейчас живем, требует ответа не от рыцарей-одиночек, но от всех нас, уж какие мы есть: в меру храбрые, в меру честолюбивые, в меру одаренные, в меру, в меру, в меру... но уж никак не рыцари. Как Поликарпов, помните, пожаловался Сталину на писателей, а тот ему: «Других у меня нет» — вот так и История сейчас говорит: «Других людей у меня нет. Есть те, что есть»...

Ой, тут много всего, просто я сейчас не готов с вами это подробно и серьезно обсуждать, но мне, например, чрезвычайно любопытна проблема дельного человека и его стремления к достатку. Не то что благородный вор — нет, вовсе не это, но талантливый начальник, который одновременно еще и на доходном месте. Мне кажется, тип такого человека является сегодня исторически необходимым для нашего общества. В отличие от бездарного прохвоста, интересующегося личным обогащением исключительно.

— А все ж таки это — герой не вашего романа. И не моего. Я впервые песни Кима услышал с магнитофона году в 63-м или 64-м. Песни эти никак не были связаны с тем кругом идей и исторических событий, которые мы обозначаем такими рабочими терминами, как «оттепель» и «шестидесятичество», — и, однако, вы для меня — классический пример «шестидесятника». Потому что когда в начале 70-х я услышал совсем иные ваши песни, чистую политическую сатиру — это не было для меня неожиданностью. Как и ваши элегии, услышанные еще позднее. Все это была судьба поколе-

ния, к которому, в общем-то, я и себя отношу. Вы, по-моему, очень близко к сердцу приняли диалог о «шестидесятниках» редактора «Столицы» Андрея Мальгина с Егором Яковлевым: прислали в журнал письмо (мы его напечатали), в последних строках которого совсем по-маяковски восклицали, что надо бы, мол, дурогаться, был бы случай. Вот вам такой случай. Дурогаемся?

— Ругаться я ни с кем не хочу, но и тогда и сейчас я думаю, что наше поколение, поколение «шестидесятников», никак не исчерпывается людьми типа Егора Владимировича.

Как в социал-демократии, мы знаем из школьной программы, были «отзовисты» и «легальные марксисты», так и Егор Владимирович — типичный легальный марксист. Я не желаю в чем-то укорять Егора Владимировича, но, слыша из его уст: «Мы, шестидесятники», — тут же ставлю с ним рядом... даже не Александра Исаевича Солженицына, а Венедикта Васильевича Ерофеева. Рассматривать Венечку в нашем поколении как белую ворону я, простите, никак не могу. Или — еще более молодой Владимир Константинович Буковский, уж он-то про Ленина все понял еще в старших классах школы. Так что, утверждая, будто прозрение для «шестидесятников» наступило лишь в горбачевские времена, Егор Яковлев допустил известное преувеличение. Он мог утверждать это лишь от имени очень и очень узкого круга людей — таких, как Бурлацкий, Лён Карпинский, покойный Аджубей. Это была, грубо говоря, молодая хрущевская номенклатура, лучшая часть из них искренне и горячо радела о выборе более достойного пути для России, часть — много времени посвятила раздумьям над тем, что такое настоящий марксизм, а третьи были и остались конформистами, с которыми, простите, я почему-то не испытываю охоты делить груз их заблуждений и грехов. Я все больше с людьми другого совсем круга общался, и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы...

— Это как-то связано с вашей судьбой — то есть с судьбой ваших родителей, а затем и ваших ближайших друзей?

— Безусловно. Отца моего расстреляли в том же 37-м, когда и взялы его. Мы, правда, узнали об этом только недавно: сестра сделала запрос в архивы органов, а официальная справка гласила, что отец умер от сердечной недостаточности в лагере, в 44-м. Справка оказалась липой... Когда мама вернулась из ссылки, она не говорила со мной о том, что пережила, да и сама, думаю, не очень разбиралась в причинах своего несчастья. Так что доклад Хрущева на XX съезде для меня стал потрясающим открытием — прежде всего моих собственных семейных тайн.

Спустя несколько лет я познакомился и потом породнился с Петром Ионовичем Якиром. Разговоры с ним были, конечно, потрясением. Я написал небольшую песенку о нем — «Четырнадцать лет пацан попал в тюрьму». И когда вскоре началось правозащитное движение, в котором Петр Ионович сыграл роль важную и трагическую, я оказался готов к тому, чтобы это стало частью моей личной судьбы...

В общем, по счастью, мое прозрение двигалось побыстрее, чем у многих моих сверстников. Все мои крамольные песенки конца 60-х и начала 70-х, а позже и моя пьеса в песнях «Московские кухни» — намного автобиографичнее, чем это может показаться со стороны. В этой пьесе два главных героя носят имена Илья и Вадим — это имена моих друзей, их обоих давно нет в живых, Илья Габая и Вадима Делоне. Вот они — чистые «шестидесятники», как бы в окончательной формуле...

— Теперь я вас хочу спросить о других ваших близких друзьях «застойно-застольных» лет — об авторах тех великих книг, которые вы в упомянутое время писали как бы заново. У меня такое ощущение, что эта ваша работа, так сказать, в соавторстве со Свифтом или Фонвизиним или с Ильфом и Петровым, не исчерпывалась ни политическими вашими взглядами, этими фигурами, рвущимися изо всех карманов, ни особенной профессиональной склонностью к аранжировке и инсценировке, но была еще у вас и какая-то обида, что ли, которую можно обозначить названием одной из книг Василия Аксенова — «Жаль, что вас не было с нами».

— Миша, я сразу вам скажу: как Ленин говорил о Чернышевском, что он уже понял диамат и остановился перед историческим материализмом, так и вы приблизились к замечательному литературоведческому открытию. Состоит оно в том, что сидящий перед вами неизвестный драматург — ха-ха-ха — возобновил в советский период древнейшую традицию, именуемую в кинематографе «ремейк»: когда берется готовый чужой сюжет и пишется на свой, новый лад... Но, говоря серьезно, дело тут в том, что вся, или почти вся, старая драматургия — такой сплошной «ремейк». В советский период Евгений Львович Шварц нашел для себя такой кратчайший путь, чтобы в очень несвободных предлагаемых обстоятельствах говорить чистую правду: он положил перед собой том Андерсена — и давай писать подряд! А сегодня со мной в этой области соперничает только один Григорий Горин, и уж само собой должно было так получиться, чтобы Марк Захаров снял «Обыкновенное чудо» Шварца по сценарию Горина и с множеством моих песен...

Самой первой моей попыткой такого рода была драма в стихах о докторе Фаусте. Есть у меня пьеса на сюжет Шекспира, и перед ним моя совесть почти чиста, потому что он сам множество пьес написал на заимствованные сюжеты. Совсем недавно я осмелился «дописать» Бомарше, «Севильского цирюльника», — речь, естественно, о пьесе, а не об опере Россини, хотя подсознательно мне пришлось соперничать с обоими... Но вот чего я решительно не представляю — чтобы я мог избрать в качестве жертвы Александра Сергеевича Пушкина. У него нет ни одного сочинения, которое я рискнул бы дополнить своими песнями. И, наверное, слава Богу... Хотя — как знать: ведь вот никогда не думал я, что доберусь до Достоевского. Но, тем не менее, такая песня была написана. Ставили (но так и не поставили) спектакль по «Подростку», обрисовали мне ситуацию: старик шарманщик с дочкой обходят петербургские углы, девочка разговаривает с Петрушкой, куклой тряпичной... И я написал «Голубчика Петрушку». Вряд ли кто, помнящий эту песенку, подозревает, что возникла она из моих представлений о Достоевском, о Петербурге Достоевского.

— Я не смог в свое время посмотреть вас в спектакле по вашей пьесе «Ной и его сыновья» в главной роли — было такое?

— Было, да.

— Я к чему клоню. В одной беседе со мною Окуджава предположил, что, даже если вы все напечатаете и запишете на пластинки, это все равно будет не Ким. «Потому что Ким, — сказал он, — лицедей гениальный, такой клоун, в чаплинском варианте»...

— Оч-чень польстил! Очень польстил мне Булат Шалвович, но в этом его мнении, весьма лестном, есть лишь доля правды. Мой краткий опыт пребывания на настоящей сцене очень скоро дал мне понять, что свой шанс стать актером я упустил. Роль старика Ноя была в известной степени декларативна, там не были выписаны серьезные отношения с другими персонажами. Я выглядел весьма экзотично, но я всего лишь пел и добросовестно читал монологи, хотя и с пафосом, и даже паузы пытался держать... Но когда за кулисы ко мне пришли Катерина Васильева и Алла Покровская и наперебой, всплескивая руками, принялись говорить: «Господи! Ну какое счастье, Юлик, на тебя смотреть! До чего ж ты непрофессионален!» — я понял, что это комплимент довольно сомнительный... А вот на концертах подурачиться, повываблываться — да! От этого удовольствия я никогда не отказываюсь. Это свойство во мне заметил еще давно наблюдательнейший театральный и музыкальный критик Алек-

сандр Асаркан, ныне проживающий в городе Чикаго.

— Время, в которое мы живем, нас, кажется, приучило к неоспоримости и безысходности того, что «иных уж нет, а те далече». Это — отчасти чтобы вернуться к вопросу о рыцарях, донкихотах — вами принимается со смирением или все же бывают минуты, когда кого-то из «иных» и «тех» остро недостает?

— Видите ли, уместнее, наверное, говорить уже о некотором нартирологе, потому что и среди тех, кто далече, очень многих нет... Но до 88-го года эти слова имели больший привкус горечи. Мы ведь до сих пор не осознали, какое нам чудо подарено — сравнимое лишь с тем, когда к тебе во сне приходит человек, о котором ты твердо знаешь, что недавно его похоронил. Во сне ты испытываешь потрясение от невероятности вашей встречи — но сон как-то смягчает ситуацию. А здесь — вдруг ты жмешь ему руку и смотришь на него, а он — на тебя, глазами, полными слез... Счастливых и горестных одновременно.

Поэтому сказать, что мне кого-то из уехавших недостает, я не могу. Они — вернулись.

А уж кто ушел навсегда — я их оплакиваю сегодня с особенной обидой, оттого что не дожили до наших времен. И когда я слышу по телевизору: «Какое счастье, что Тарковский, Высоцкий, Шукшин не увидели всего этого ужаса, — я хочу закричать: «Да чушь собачья! Горе и ужас, что они не дожили! Что они не с нами!»...

— И последнее — с чего начиналась та, трехлетней давности, наша беседа. Вы говорили, Юлий, с какой радостью вам в эти дни работать и как вы радуетесь всему талантливому, что делается в нашей литературе и искусстве в такие необыкновенные времена.

— Если говорить обо мне, то я предположил бы, что за три года произошли интересные перемены в моей репутации или амплуа, назовем это как вам угодно. Поясню. Те, кто знает меня ближе, склонны меня считать прежде всего политическим сатириком. Но вот как раз начиная с 91-го года я ничего в таком роде больше не сочиняю. Почему-то не хочется.

Не знаю, хорошо это или плохо. Работаю я много. Мне постоянно не хватает времени: хочется сделать то, сделать это. Совершенно неожиданно в это самое время, когда все жалуются на отсутствие спроса, у меня сложился бурный производственный роман с Красноярским драматическим театром. В студии Олега Табакова прошла премьера новой версии «Бумбараша». И еще одна невеста у меня на выданье — либретто по «Чонкину». Видите, я уже и на живых классиков замахиваюсь. Владимир

Николаевич Войнович дал мне карт-бланш, и в итоге получилось, по-моему, совершенно новое сочинение в стихах и песнях...

Что касается чтения, то я выделю бы две книги. Это сборник прозы Юрия Ковалю «Опасайтесь лысых и усатых», включающий вещи и давние, и совсем новые*. И еще — последняя книга Фазиля Искандера. Там есть очень трогательный и очень смешной рассказ про милиционера Руслана, непревзойденного охотника на коршунов, и я бы так выразился, что Искандер этим текстом поставил себя в ряд с Александром Пушкиным и Георгием Владимовым: русская проза имеет теперь трех Русланов — в лице славянского богатыря, немецкой овчарки и абхазского милиционера...

— На вечере Искандера в московском музее Герцена вы спели по просьбе публики «истерическую перестроечную» песню «Все, ребята» — поставили эксперимент, как она прозвучит семь лет спустя. Как, звучит?

— Знаете, песни середины 80-х сегодня звучат все-таки лишь отчасти. Скажем, «Капризная Маша» — совсем неактуальна. Если что в ней и злободневно — так это мысль о том, что, пока где-то в клетке еще плачет хоть один чижик, покоя быть не должно. Но это вечная мысль. Впрочем, мне сразу вспоминается Вил Мирзаянов — и вы, Миша, имеете полное право меня опспорить...

А «Все, ребята!» — нет, я никак не разделяю тогдашних опасений автора, будто бы существует для него переспектива за всю радость в эти прекрасные годы очень скоро — «и поехать со Жванецким отбывать чего дадут». Единственное, под чем подпишусь обеими руками и готов петь еще очень долго, — это последние слова «истерической перестроечной»:

*Остается нам, ребята,
Только двигаться вперед!*

Ничего другого нам с вами в этой жизни не остается.

Фото В.Плотникова

*Главы из нового романа Ю.Ковалю читайте в этом номере «Столицы» на стр. 56—62. — Ред.

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Вдруг бывает только book

ПРОСТО ПЕСНЯ! ХОРОШО БЫ НЕ ЛЕБЕДИНАЯ

С третьей попытки «Новая Юность» наконец-то обрела лицо, и лицо весьма привлекательное; содержание стало соответствовать формату: получился журнал классной новеллистики. И это относится не только к прозе (хотя здесь две смачные байки несравненного рассказчика Михаила Веллера), но и к поэме Дмитрия Быкова «Песнь песней» — грустный мартиролог любви, каталог героев нашего времени (где даже примечание — новелла: «Камю» — выдающийся французский коньяк, лауреат Нобелевской премии); это и потрясающий рассказ Сергея Лифаря о том, как Нижинский

танцевал в психушке; и Джим Моррисон в «домашнем» переводе главного редактора; и тонкое эссе Владимира Микушевича о времени; и, наконец, любимый философ «Юности» — Мераб Мамардашвили, о котором очень интимно и в то же время полемически рассказывает Александр Пятигорский («...философия — это такая удивительная вещь, где самого главного не существует. ...в философии нет такого понятия, как суть дела»). Увы, сия эстетическая победа была достигнута дорогой ценой: деньги у «НЮ» опять кончились; будет ли следующий номер — неизвестно.

Хождение по bookам

ПЛАТОНОВ НАМ ДРУГ, НО ЖИЗНЬ ВСЕ ДОРОЖЕ И ДОРОЖЕ

В 1999 году — 200 лет Пушкину, по 100 — Набокову и Платонову. Празднуй не-

руглую годовщину последнего, Андрей Битов грустно предположил, что как раз к этому году все наши юбилейные порывы выдохнутся. Но пока они живы: в Москве создано Российское общество Андрея Платонова.

Возглавляет его дочь писателя — Мария Андреевна, соучредителем — Литинститут. Дочь мечтает о мемориальном музее на Тверском, 25: благо, целы кожаный диван, стол, бюро; правда, в доме был капитальный ремонт и комнат как таковых не сохранилось... да и помещений этих институт пока пожертвовать не может... куда там, если декабрьскую зарплату сотрудникам только в феврале выплатили.

Филологи же лелеют мечту о научном центре. Дело в том, что платоновское наследие запущено, рассеяно и необработано. Более того: переврано. Наталия Корниенко, текстолог и публикатор Платонова, не раз бросала провокационную фразу, что известный нам «Котлован» вывернут наизнанку; надеялась, что издатели ринутся к подлинному тексту. Увы! Еще в 1991 году он должен был выйти в «Современнике», но трехтомник, дойдя до верстки, накрылся. В том же несчастливом для Платонова году был похорен и дошедший до сверки 2-томник ма-

териалов и воспоминаний — в «Совписе».

Поэтому пока Платонова охотнее издают там: в немецком издательстве «Folk und Welt» вышла свежеепереведенная «Счастливая Москва» (Людмила Петрушевская оценила перевод как «блестящий», немецко-неговорящих сразил роскошный супер), а в Италии выходит том со впервые некупированными «Джаном» и «Городом Градовым».

У нас же: поиск спонсоров, спасение архива, тяжелая текстологическая работа и — платоновская конференция в сентябре.

Book из первых рук

ПУШКИНИСТУ БЫЛО ТРИДЦАТЬ ТРИ...

Александр Фейнберг первым догадался, что «Пора, мой друг, пора!» адресовано Нащокину, а вовсе не жене; первым вскрыл смысл иноязычия у Хемингуэя (переводчица «Колокола», прочитав, призналась, что теперь перевела бы роман иначе); метко назвал фразу К.Леонтьева о красавце Македонском «зоценковской»...

Небрежно оброненные им фразы становились книгами и диссертациями; на него ссылался отец — известный пушкинист Илья Фейнберг; сам же Александр только смеялся и говорил, что хочет начать писать сразу хорошо — и не писал. Смеялся, когда сравнивали с Шалоном, неизвестным персонажем Моруа. Зря ли — судить читателю: спустя 13 лет после трагической гибели Фейнберга тщанием его лучшего друга — Игоря Шайтанова и Мазли Фейнберг в издательстве «ГРИТ» вышла книга «Заметки о «Медном всаднике», а в цветаевском доме прошла ее презентация. Даже если

расценивать книгу как памятник недополтившемуся таланту — монумент очаровательный: изысканное оформление, трогательное предисловие, короткие, увлекательные эссе. И даже своей элитарностью она адекватна автору, которого удивляло, как можно не знать хотя бы десятка языков: в ней куча цитат на трех как минимум — и ни одного перевода.

Наш любимый книжный магазин «19 октября» открывает свой филиал — в сахаровском доме на улице Чкалова (ныне Земляной вал), в магазине «Новелла». Места здесь больше в пять раз, чем в Казачьем переулке, ассортимента, следовательно, тоже: намечаемый уклон — педагогика. Троекратное «ура», хотя добираться и менее удобно.

Информбюро «В.Слухов» сообщает

Мини-букини

СНЕГОПАД ЗА ОКНОМ И В КВАРТИРЕ

Похоже, домашние научные конференции всерьез входят в московский обиход: недавно в одной уютной квартире на Юго-Западе собрались три филолога, историк и поэт, чтобы почтить гостей, что они думают о снегопаде. Точнее, о его месте в отечественной литературе.

Дмитрий Олейников высказал интересное предположение, что в «Белой гвардии» снегопад, являющийся порой словно бы некстати, выполняет роль театрального занавеса, разделяющего миры и события; перерабатывая роман в пьесу, писатель как раз и заменил снег занавесом. А было красивее!

Хозяйка квартиры журналист Ирина Мазилкина рассказала о любви к снегопаду Анненского, Пастернака и

Мандельштама. А Юрий Орлицкий попытался доказать, что в поэме Давида Самойлова «Снегопад» согласные, составляющие заглавие, встречаются значительно чаще, чем положено, причем следуют, как правило, друг за другом в том же порядке, что и в названии! По мнению докладчика, это явление вполне понятное и относится его следует по ведомству т.н. «рассеянной паронимии».

Решено, что подобные конференции будут проводиться регулярно — в полном соответствии с изменениями погоды. Так что на ближайшей речь, скорее всего, пойдет либо о вешних водах, либо о сопутствующей им неизменно слякоти, от которой, как известно, был болен даже А.С.Пушкин...

Буоклажан

«НЛО» ПРИЗЕМЛИЛОСЬ

Приняв «на грудь» изрядную дозу Шопена с Моцартом, гости «Нового литературного обозрения» в квартире Андрея Белого на Арбате потянулись курить. На лестничной площадке дискуссии, как водится, были круче; здесь же шла импровизированная презентация издательства «Радикс». А в зале прозаически и поэтически ностальгировали, Андрей Сергеев, Всеволод Некрасов и Генрих Сапгир. Весьма тактично поступили Д.А.Пригов и Андрей Зорин, объединившие два своих выступления в одно и

читавшие их на два голоса (с подвываньем). Потом Борис Дубин констатировал отсутствие литературного процесса, мотивировав оное тем, что перестал подписываться на «толстые» журналы; Мариэтта же Чудакова заявила, что процесс есть, ибо она — подписывается. Короче, выяснилось, что делать великолепный литературоведческий журнал и устраивать веселые тусовки совсем не одно и то же; а смешивать два этих ремесла — тут надобно уметь и уши наших понежней.

«ПРИШЕЛ ПОЭТ И ПРОЛИЛ СВЕТ НА СКАТЕРТЬ». Под таким разгульным лозунгом Владимир Вишневецкий собрал в Доме кино своих друзей — тех, кто пишет смешно и в рифму. Виктор Коваль дал интересный взгляд на национальную проблему, заявив, что «монгол китайцу хо-хол». Владимир Друк был печален: уезжает в Америку; своего рода поэтический эксперимент, вот только перепадет ли нам с него что-нибудь? Дмитрий Филатов выступил так, что «мы потом за ним неделю будем небо подметать». Были также Владимир Тучков, Александр Кривенко, Сергей Сатин и кусочек «Несчастливого случая» с неувядающим «Ра-дио!». Хозяин же вечера не на шутку готовится подать признак жизни: собрана новая книга «Ай вонт ю, или Из глубокой с любовью»; из нее и читал.

***

«ЖИЛ И УМЕР, КАК АНГЕЛ». Эти слова Николая I о Карамзине были переадресованы Борису Зайцеву, вечер памяти которого состоялся в Доме Цветаевой. С теплыми, хотя и не слишком «литературными» воспоминаниями о бабушке и дедушке выступил внук — профессор Сорбонны Михаил Андреевич Сологуб. А известный цветаевед Лев Мнухин заявил, что истина есть истина: Цветаева и Зайцев, второй раз «сбравшиеся» под одной крышей, отнюдь не жаловали друг друга. Огорченная этим Надежда Катаева-Лыткина бурно жестикулировала за его спиной, давая присутствующим понять, что «Лев не совсем прав».

***

Наш соб. корр.

В ПОИСКАХ КОНЦА. Собственную необходимость российский литературоведческий совет осознал лишь в РГУ, собравшись на свое первое заседание. Выяснилось, что институтская наука в полной прострации: как преподавать историю Серебряного века. Если еще понятно, как быть с нефилологами (доклад Дины Магомедовой), то с филологами просто беда. Впрочем, Галина Белая заявила, что единый подход к этой проблеме вообще не нужен... Аудитория удивилась. Недоумение вызвал и тезис Лидии Колобаевой: «Асом назову я того преподавателя, кто прочтет сегодня интересную лекцию о Горьком... Наконец, возникла проблема с хронологическими границами: один из выступавших предложил считать, что век кончился со смертью своего последнего героя — Пастернака, на что Дина Магомедова возразила: «А как же Ахматова?» Вопросаемый почесал в затылке и вспомнил, что с Ахматовой был тесно связан Бродский... Дина Махмудова радостно резюмировала: «Серебряный век продолжается!»

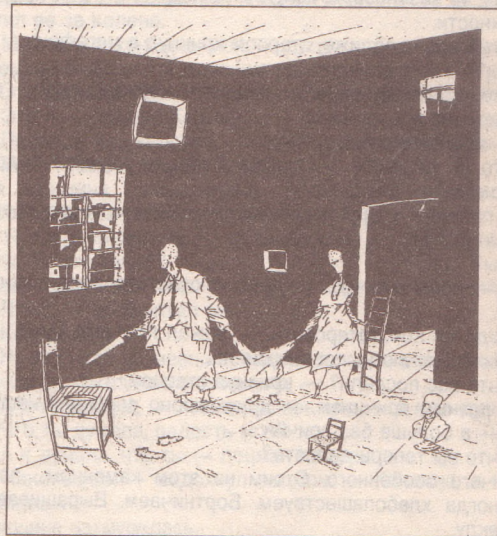

Рис. А.Червякова

Юрий КОВАЛЬ

СЭР СУЕР-ВЫЕР

Фрагменты пергамента

СКРИП И ШЕЛЕСТ

Темный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

— Фок-стаксели травить налево! — раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистых подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в свое одеяло.

— Это становится навязчивым, — недовольно шепнул мне наш капитан Суер-Выер.

— Совершенно с вами согласен, сэ! Невыносимо слушать этот шелест одеял.

— Шелест? — удивился капитан. — Я говорю про скрип нашей ватерлинии.

— Позвольте возразить, сэ, — заметил я. — А не пора ли кинуть известный вам якорь?

ОСТРОВ ПОСЛАННЫХ НА...

Необычной, какой-то неокеанической красоты, высоты, изящной длины открылся нам остров, стоящий посреди океана.

Казалось, он вулканического происхождения, потом казалось — нет. И все же что-то вулканическое угадывалось в его мощных очертаниях.

Когда мы подплыли поближе, то с удивлением обнаружили, что остров весь оставлен людьми. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и, казалось, втиснуться между ними не было никакой возможности.

Подведя «Лавра» поближе, старпом крикнул в мегафон:

— Кто вы?

Островитяне обрадовались нашему неожиданному любопытству и дружно прокричали:

— Мы — посланные на...

— Ничего не понимаю, — сказал Суер. — Давайте подойдем к острову с зюйда.

«Лавра» привели к другому берегу, и старпом снова проревел в трубу:

— Кто вы?

— Мы — посланные на... — дружно ответствовали островитяне.

— Приходится констатировать, — пожал плечами Суер, — что это действительно люди, посланные на...

— А за что вас послали? — крикнул старпом.

— А по разным причинам, — дружелюбно поясняли наши островитяне, — а больше без причин.

— Ну и что вы теперь делаете?

— А ничего особенного. Стоим на этом каменном... посреди океана. Иногда хлебопашествуем. Бортничаем. Выращиваем сахарную свеклу.

— Но позвольте, — развивал беседу сэ Суер-Выер, — призваться, меня самого не раз посылали на... Но что-то я не вижу

среди вас, так сказать, себя. Я тут, на корабле, а вы — на острове.

— О, что вы, капитан, — ответствовали посланцы, — где-то между нами, конечно, имеете не только вы, но и вся ваша команда.

— Эй, ребята, — крикнул кто-то из посланцев, — нет ли среди нас Суера-Выера или кого-нибудь из команды этого фрегата?

К нашему изумлению, островитяне слегка пораздвинулись и к берегу протиснулись семь или восемь Суеров-Выеров в капитанских фуражках.

За Суерами продрались лоцманы Кацманы, а за ними пятнадцать штук меня.

Наши двойники замахали нам пилотками, восклицая:

— Да, да, это мы... А мы — это вы, посланные на... Вас посылают, а мы тут отдуваемся, сахарную свеклу выращиваем.

За Суером, за лоцманом, за мною стала продираться к берегу, пожалуй что, вся наша команда.

— Наши приехали, наши, — радостно гомонили они. — Хоть поглядеть на братьев.

Были тут, конечно, и многочисленные Хреновы и многократные Семеновы, но особенно много оказалось боцманов Чугайло. Он измерялся сотнями.

Это неожиданно понравилось капитану.

— Позовите боцмана, — приказал он.

Чугайло явился на палубу в каких-то полупортах, в одной подтяжке, крайне раздраженный тем, что его разбудили.

— В чем дело, кэп, — ревел он, — чья вахта? Поспать не дадут! В чем дело?

— А дело в том, господин Чугайло, что я хотел бы послать вас на...

И тут Суер, недолго думая, взял да и послал.

И что же вы думаете?

Среди островитян немедленно объявился новенький боцман в полупортах и подтяжке.

А старый Чугайло, хоть и посланный, остался стоять на борту. Тут все наперебой стали посылать боцмана на... и на острове становилось все больше и больше боцманов.

Чугайло терпел-терпел, да вдруг взял да и всех нас послал на... и мы тут же очутились на берегу, хотя и оставались на борту.

Тут на нас разобиделись островитяне.

— И так места нет, — бубнили они, — а вы друг друга все посылаете и посылаете. А ведь вы не одни на свете. Вся планета, а в особенности Московская область, то и дело посылает кого-нибудь на... Если уж вы так хотите, то пошлите нам кого-нибудь из сановников или руководителей предприятий.

Ну, мы не стали чиниться и дружно послали пару сановников и с десятком руководителей другого ранга.

Островитяне охотно потеснились, и наши посланцы дружно выстроились в их рядах.

Надо сказать, что они тут же стали демократичны, жали друг друга руки и всячески братались.

— С посланными все ясно, — сказал капитан, — но интересуется еще и судьба посланных. Неужели для них особый остров?

— Что вы, что вы, капитан, посланные тоже тут, среди нас. Ведь любой посланный тут же и посланного посылает. Так что

у нас большое равенство. Настоящая демократия, сэр!

— Ах, — сказал Суер, — надо отплывать, но все-таки напоследок я очень хочу послать на... такого-то товарища. Разрешите, братцы!

Мы дружно разрешили, и капитан послал.

Я крепился-крепился, а потом последовал примеру нашего великого капитана: взял да и послал одного там на... Послал, но тут же пожалел, такой уж у меня характер. Но отозвать посланного обратно, как вы сами понимаете, было уже невозможно.

ОСТРОВ ГОЛЫХ ЖЕНЩИН

Никаких женщин мы не смогли различить поначалу даже в самую сильную телескопическую трубу. Да и то сказать, у трубы топталось столько матросов, что окуляры отпотевали.

Наконец, на песчаный бережок вышли две дамы в резиновых сапогах и норковых телогрейках. Они имели золотые на носу пенсне.

Заприметив нашего «Лавра», дамы принялись раздеваться.

При этом они заманивали нас зазывными знаками и зазывали заманчивыми.

Мы крепились у телескопа, как вдруг боцман Чугайло содрал с головы фуражку, шмякнул ею о палубу и прямо с борта кинулся в океан.

Ввинчиваясь в воду, как мохнатый шуруп, он с рычаньем поплыл к острову.

Мы быстро сплели из корабельного каната лассо, метнули и втащили рычащего боцмана обратно на «Лавра».

Тут неожиданно напрягся матрос Вампиров. Сжал губы, побледнел и вывалился за борт.

Мы мигом метнули лассо, но в момент покрытия Вампиров предательски нырнул, и лассо вернулось на борт пустым, как ведро.

Тщательно прячась за волнами, Вампиров приближался к женщинам. Мы метали и метали лассо, но находчивый матрос всякий раз нырял, и наш адский аркан приносил лишь медуз и электрических скатов. Правда, на семьдесят четвертом броске притащил он и тарелочку горячих щей с профитролями.

Выскочив на песок, Вампиров, простирая длани, бросился к голым женщинам. В этот момент наше зверское лассо ухватило все-таки за ногу находчивого матроса, проволокло по песку и задним ходом втащило обратно на корабль.

И вдруг на берегу рядом с женщинами объявились все-таки два подозрительных типа. Ими оказались мичман Хренов и механик Семенов.

Втайне от нас дружки спрыгнули в океан с другого борта и не дыша проплыли к острову под водой. Не говоря лишнего слова, они увлекли хохочущих женщин в заросли карбонария и челюсты.

Мы как следует навострили лассо и метнули его в эти заросли, надеясь, что оно само найдет себе пищу.

И оно нашло.

Притащило на борт два золотых пенсне.

Как два тонкопалых краба, пенсне забегали по палубе, корябились и бренчали, пока матросы не засунули их в банку с водой.

Им насыпали в банку хлебных крошек, и пенсне успокоились. Они плавали в банке, поклевывая крошки.

Из зарослей же карбонария слышался неумный хохот. Это сильно раздражало нас, и мы снова метнули лассо. На этот раз петля притащила что-то плотное.

Какой-то бочонок, оснащенный десятком пробок, обмотанных проволокой, как на бутылках шампанского, хлопал себя по животу крылышками, подпрыгивал на палубе, и внутри у него что-то булькало.

— Что за бочонок? — сказал старпом. — Что в нем? Не понимаю.

— Э, да что это вы, Пахомыч, — улыбнулся капитан. — Совершенно очевидно, это — неумный хохот. Вы слышите? В зарослях все стихло.

— Ихний неумный хохот? — удивлялся старпом. — В виде бочонка?

— Совершенно очевидно.

— Отчего же мы не хохочем?

— Это же чужой неумный хохот. К тому же и пробки закупорены. Не вздумайте их открывать, а то мы с ног до головы будем в хохоте. Он такой шипучий, что лучше с ним не связываться. Отпустите, отпустите его на волю, не мучьте.

И мы отпустили крылатый бочонок.

Он пролепетал что-то крыльями, подскокил и барражирующим полетом понесся к острову. Долетев до кустов карбонария, он сам из себя вышиб все пробки, хлынула пена, и взрыв хохота потряс окрестность.

— Уберите к чертовой матери наше лассо, — сказал капитан, — оно мне надоело. Неизвестно, что оно еще притащит. Старпом, спускайте шлюпку.

БЛЕСК ПОЩЕЧИН

Прихватив с собой на остров богатые дары: перец, лакрицу, бефстроганов, — мы погрузились в шлюпку.

Надо сказать, что никто из нас не вызывал признаков сугубого волнения или беспокойства. Немало понаоткрывали мы островов, и остров каких-то там голых женщин нас не смущал и не напугивал. Легкое возбуждение, которое всегда испытываешь в ожидании неведомого, подхлестывало нас, как попутный ветерок.

— Как прикажете, сэр? — спрашивал Пахомыч капитана. — Отобрать голых женщин у мичмана с механиком?

— Да не стоит, — отвечал благодушный капитан. — Пусть отдыхают от тяжелых матросских служб.

— Надо отнять! — возмутился лоцман. — А то нам не хватит!

— Успокойтесь, Кацман! Неужто вы думаете, что на этом острове всего две голых женщины? Поверьте, они растут как грибы. Найдется и для вас чего-нибудь.

— Первую — мне, — неожиданно потребовал лоцман. — Это, в конце концов, я провел «Лавра» к острову.

— Пожалуйста, пожалуйста, — согласился капитан. — Не будем спорить по пустякам. Берите первую.

— И возьму, — настаивал лоцман. — Я давно уже мечтаю о счастливом душещелении.

Так, дружески беседуя, мы обошли заросли карбонария, откуда слышались крики:

— Ну, Хренов! Ты не прав!

За карбонарием располагалась пестрая лагуна.

Там по песку разбросаны были маленькие ручные зеркала. Они блестели на солнце и пускали в разные стороны пронзительных зайцев.

На краю лагуны лежала голая женщина, полностью обнаженная.

— Вон она! — закричал лоцман. — Вон она! Моя, сэр, моя! Мы так договаривались.

Лоцман прытко подбежал к голой женщине и, не долго думая, схватил ее за колено.

— Моя голая женщина, моя, — дрожал он, поглаживая колено.

Дремавшая до этого женщина приоткрыла очи.

— Это еще кто такое? — спросила она, разглядывая лоцмана.

— Это я — лоцман Кацман.

— Попрошу без хамства, — сказала женщина. — Ты кто такой?

— Я же говорю, лоцман Кацман.

Тут женщина приподнялась, подкрасила губы и, вздрогнув грудью, закатила лоцману пощечину.

— Я предупреждала, — сказала она, — перестань сквернословить. Ты кто такой?

Лоцман внутренне сжался в комок нервов и желаний.

— Я тот, — прошептал он, — ...

— Который?

— Ну тот... кто призван насладиться твоим роскошным телом.

Женщина кокетливо захихикала.

— А я-то думала, — посмеивалась она, — а я-то думала...

— Что ты думала, радость моя?

— А я думала, что ты — лоцман Кацман.

— Наконец-то, — вздохнул лоцман. — Конечно, я и есть лоцман Кацман.

Женщина нахмурилась.

— Не сквернословь! — сказала она и снова закатила лоцману пощечину.

— Как-то неловко наблюдать их наслаждение, кэп, — сообщил я капитану. — Кто знает, как далеко они зайдут.

— Оставим их, — согласился капитан, и мы двинулись по краю лагуны, направляясь к дюнам.

Шагов через двадцать мы обнаружили новую голую женщину. Она мыла бутылки в океанском приборе.

— Ну? — спросил капитан. — А эту кому?

— Только не мне, — заметил я. — Мы сюда наслаждаться приехали, а не посуду сдавать.

— Когда же это бутылки мешали наслаждениям? — резонно спросила дама, игриво полуобернувшись к нам.

Этот ее внезапный поворот, океанская пена и блики портвейна на розовой коже внезапно пронзили меня, и я протянул уже руку, как вдруг старпом сказал:

— А мне эта баба так что вполне подходит. Милая, хозяйственная. Перемоем бутылки и сдавать понесем. А есть ли у вас, баба, хоть какие приемные пункты?

— Полно, — отвечала голая женщина, обнимая старпому, — да только сейчас все за тарой поехали.

— А почему бутылки идут? — спрашивал Пахомыч, впиваясь в ее уста.

— А по-разному, — отвечала она, обвивая плечи старшего помощника. — Четвертинки — по десять, водочные — по двадцать, а от шампанского не принимаю, гады!

— А где тут, баба, у тебя лаз?

— Чего такое? Какой еще лаз?

— Ну этот... куда лазют.

— Э-хе-хе, — вздохнул капитан, обнимая меня за плечи и направляя немного в сторону от зарождающейся любви старпому, — как тяжело даются эти путешествия, забываешь порой не только обо всем святом, но и о простом будничном, человеческом. Ну ладно, следующая женщина — твоя.

— Я готов уступить, сэр, — ответил я. — Это ведь, простите, не очередь за билетами в Мальчик.

— Нет-нет, — улыбался Суер, — капитан ходит на берег последним. Даже на берег страсти. Так что следующая — твоя.

Я неожиданно разволновался.

Дело в том, что я опасался какого-нибудь монстра с шестью грудями или чего-нибудь в этом роде. А чего-нибудь в таком роде вполне могло появиться в этом благословенном краю.

— Да, брат мой, — говорил капитан, — следующая — твоя. Но что-то не видно этой следующей. Постой, а что это шевелится там на скале?

На скале, к которой мы неумолимо приближались, сидели три женщины, голые, как какие-то гагары.

ЗАДАЧА, РЕШЕННАЯ СЭРОМ

— О, господи! — вздохнул капитан, вытирая внезапный пот. — Проклятье! Следующая твоя, но какая из них следующая? С какой края считать?

— Не знаю, капитан, — тревожно шептал я, пожирая женщин глазами. — Справа, наверно.

— Это почему же справа? Обычно считают слева.

— В разных странах по-разному, сэр, — терялся я, прерывисто дыша.

— Чтоб не спорить попусту, возьмем из середины, — сказал Суер-Вьер. — Средняя твоя.

— Простите, капитан, — сказал я, — я не возражаю против средней, но в нашем споре есть и другое звено, которое мы недооценили.

— Что еще за звено? — раздражился внезапно Суер.

— Дело в том, — тянул я, — дело в том, что мы не только не знаем, какая следующая, то есть моя, но не знаем и какая ваша. К тому же имеется и одна лишняя.

— Лишних женщин, мой друг, не бывает, — сказал Суер-Вьер, — как и мужчин. Лишними бывают только люди. Впрочем, ты, как всегда, прав. Куда девать третью? Не Чугайле же ее везти?! Давай-ка глотнем джину.

Мы сели на песочек, глотнули джину и продолжили диалог. В голове моей от джину нечто прояснилось, и я держал, между делом, такую речь:

— Капитан! Вы сказали, что следующая — моя, а ваше слово

в наших условиях, конечно, — закон. Но вспомним, что такое женщина? Это, конечно, явление природы. Итак, у нас было первое явление — оно досталось лощману, второе — старпому, и тут возникло третье, состоящее сразу из трех женщин. Так нельзя ли ваши слова истолковать так: следующее — твое. Тогда вопрос абсолютно решен. Все три — мои.

— Не слишком ли жирно? — строго спросил капитан. — Не зарывайся. Ты, конечно, на особом положении, на «Лавре» тебя уважают, но твоя — одна. Таковы условия игры... Это уж мне... как капитану, полагается две.

— Ну что же, сэр, вы — капитан, вам и решать. Попрошу отделить мою долю от группы ее сотоварищей.

— Сейчас отделим, — сказал капитан, встал и, заложив руки за спину, принялся дотошно изучать женщин.

— Мда... — говорил он как бы про себя. — Мда-с, задачка-с... Но с другой стороны, с другой-то стороны, я всегда был справедлив, поровну делил с экипажем все тяготы и невзгоды, поэтому как благородный человек я не могу позволить себе лишнего. Итак, одна — твоя, другая — моя, а третья — лишняя.

— Вряд ли, дорогой сэр, вряд ли кто из них захочет быть лишней. В конце концов мы этим можем обидеть вполне достойную особу. Это не украсит нас с вами, сэр, нет, не украсит. Пойди-ка скажи прямо в лицо человеку: ты — лишняя. Это же оскорбление!

— Тьфу! — плюнул капитан, — какого черта мы не взяли боцмана? Ладно, пусть будет по-твоему. Явление так явление, следующее — твое! Забирай всех троих, а я пошел дальше.

— Вот это гениально, сэр! — обрадовался я, — я всегда говорил, что вы — гений. Девочки! Спускайтесь ко мне, у меня тут найдется для вас кое-что, вроде шерри-бренди!

— Стоп! — сказал Суер.

— В чем дело, кэп?

— Ты неправильно оценил мой поступок. Ты назвал его гениальным — нет. Это добрый, это благородный поступок, но не гениальный.

— В данной ситуации это уместное преувеличение, сэр, — топнул я.

— А как бы хотелось найти гениальное решение!

Сэр Суер-Вьер застегнул китель, стряхнул с рукавов пылинки и, откозыряв дамам по-капитански, направился прочь.

Он прошел пять шагов и вдруг круто развернулся.

— Идти мне дальше незачем, — с неожиданной строгостью во взоре сказал он, — за эти пять шагов я решил задачу: одна женщина — твоя, а две — мои.

— Это — малогениально, сэр. Вы сами были за справедливость.

— Все справедливо. Итак, послушай: одну женщину — тебе, другую — Суеру, а третью — Вьеру.

БЕЗДНА НАСЛАЖДЕНИЙ

Благородные дамы все это время внимательно слушали нас, хотя и не проронили ни слова. Их веское молчание подчеркивало природное благородство.

Когда же капитан закончил, крайняя справа, недаром отмеченная мной, повела плечом.

— Уважаемые господа, — говорила она, — мы с удовольствием выслушали ваши ученые доводы и насладились философским спором. Позвольте и нам принять участие в поучительной беседе.

— Просим, просим, — расшаркались мы с капитаном.

— Прежде всего позвольте представиться. Меня зовут Фора, а это мои подруги — Фара и Фура. Итак, ваша первая задачка: какая женщина следующая? Так вот, следующая — я. Почему я? Очень просто: считать надо не слева и не справа, а с той стороны, с какой вы подошли. Вы подошли с моей стороны, следовательно, я и принадлежу этому достойному джентльмену, чья очередь, — и Фора состроила мне глазки. — К сожалению, он — некапитан и это омрачает дело. Но с другой стороны, я хочу иметь цельного мужчину, и этот факт дело упрощает.

— Какая ерунда, — фыркнула Фара, сидящая посередине, — считать надо не с краю, с которого они подошли, а с первого взора. Так вот, этот джентльмен-некапитан первым обратил свой взор именно ко мне. Я прекрасно заметила, с каким наслаждени-

Рис. Марата Кима

ем глаза его бродили по моему прекрасному телу. Именно я, Фара, а не Фора, принадлежу ему.

Выслушивая Фару, я невольно яростно краснел, никак не ожидая, что из-за меня разгорится сыр-бор. Нет, этот сыр-бор был мне бесконечно душевно близок, но капитан... я видел, что он мрачнеет и...

— Что за чушь? — сказала Фора, — и как ты докажешь, что он бросил свой взор именно на тебя. Если хочешь знать, дура, у него взор всеобщий, во всяком случае, очень обширный. Он охватывает всех женщин и страстно скользит по ним. И я всею кожей чувствовала это скольжение.

— Интересно, а меня-то здесь будут слушать? — раздраженно сказала Фара. — Кто считает с краю? Кто считает с первого взгляда? Только идиотки. Считать надо не с краю и не со взгляда, считать надо с первого поцелуя. Вот когда этот господин вопьется кому-нибудь из нас в сахарные уста, тут и начнется настоящая счет.

— Это верно! — неожиданно воскликнула Фора.

Она легко соскочила со скалы, подбежала ко мне и сказала:

— Впивайся скорей!

И я, конечно, незамедлительно впился.

— Так и знала, что Фора обскочит нас на повороте, — сказала Фара с печалью, — видно, я ей сильно понравился, — ладно, придется покориться судьбе. Ну что ж, я готова служить Суеру, тем более что это первая половина капитана. Суер, я — твоя!

— Ну а я не собираюсь служить второй половине сомнительной фамилии, — сказала Фара. — Нет, Выер, я — не твоя! Если б мне досталась первая половина, то есть Суер, я бы еще подумала, а уж Выер — нет, увольте, я лучше пойду собирать опенки, пусть Суер наслаждается с Фарой, а Выер болтается без дела!

— Как же так! — воскликнула Фора. — Как это мы можем позволить Выеру болтаться без дела? Какой-никакой, а все-таки Выер. Чего в нем такого уж плохого? Ну Выер, ну и что? Не так уж мы богаты, чтоб разбрасываться Выерами налево и направо.

— А мне Суера достаточно, — сказала Фара, — а до Выера и дела нет. Кому нужен — пускай берет.

— Спать с Выером! Какой кошмар! — сказала Фара, возводя очи к небу, — отдавать свою чистоту второй половинке капитана! Нет, нет! Увольте!

— Перестань паясничать, Фара, — сказала Фора, — вчера еще ныла: мне бы хоть какого Выера... Твоя мечта сбылась! Забирай Выера и не мешай нашим наслаждениям!

Тут Фора обняла меня и трепетно увлекла в дюны.

Фара кинулась к Суеру, а Фара топталась на месте, не зная, с какого бока к Выеру приступить.

Но тут Выер, не будь дурак, сам приступил к ней, да так ловко, что она взвизгнула. А нам с Форой было уже не до них.

Адские наслаждения — вот что стало предметом нашего неулыбчивого внимания и заботы.

Мы наслаждались до полного отупения, но никак не могли удовлетворить желание наслаждаться.

Мы падали в бездну наслаждений и старались эту бездну углубить, расширить и благоустроить.

В конце концов нам удалось создать очень и очень приличную бездну наслаждений, и только к закату мы начали из нее потихоньку выбираться.

Выбравшись из бездны, мы вернулись на берег океана.

Там уже сидели Фара с Суером и Выер с Фуруй.

Фара с Выером, к счастью, вполне помирились, непрерывно чмокались и строили друг другу куры.

— А Вы-ер был не так уж плох, — смеялась Фара, раскладывая на салфетке салаты и копчености, — еще и неизвестно, какая половина капитана интереснее!

— Знаешь, милый, — сказала Фора, обнимая меня, — это очень правильно, что вы не пошли дальше и остались с нами. Там, за скалами, живет голая женщина с шестью грудями. Ее звать Гортензия. Очень опасное существо.

ОСТРОВ НИЩИХ

Остров, в бухте которого «Лавр» бросил якорь, был довольно живописен: скалы, сколы, куртины, но люди... Люди, которые бродили по набережным, вызвали острейшее чувство жалости.

Все они были оборванные, на костылях, кто сидел, кто лежал,

кто ковылял, кто валялся.

Они протягивали руки, явно прося подаяние.

— Ну, что скажешь?

— Похоже, что это нищие, сэр.

— Сам вижу, что нищие. Но как это может быть? Одни только нищие. Где же подающие?

Подающих не было видно. Как мы ни разглядывали остров в сильнейшие квартокуляры, хоть копейку подающих не нашли.

— Очевидно, они думают, что подающие — это мы, сэр.

— Мы?

— Ну конечно. У нас роскошный фрегат. Из камбуза пахнет щами, вон у Чугайло зуб золотой, Хренов явно пил портвейн, капитанский краб чистого золота, старпом гладко выбрит, лоцман — еврей, так что мы вполне похожи на подающих.

— Ну и что делать? Сходить на берег или нет?

— Решайте, кэп. В конце концов, почему бы не подать милостыню Христа ради? Надо подавать по мере возможности.

— Действительно, — сказал капитан, — Христа ради можно и подать. Наберите в карманы мелочи, каких-нибудь там копеек, и сойдем на берег.

— Если уж вы подаете Христа ради, то зачем мелочиться, кэп? — сказал некто. — Почему «набрать там копеек»? Подавайте копейки ради себя, а Христа не приплетайте.

— Что еще такое? — сказал капитан, с неудовольствием оглядывая меня. — Зачем, интересно, ты вылез из каюты? Меня учить? Сидел бы там и угрызался куском поросятины. Ты сам-то сколько собрался подавать?

— Подаю по силам.

— И на какую же сумму у тебя этих сил?

— Смотря по обстоятельствам.

— Ну и какие сейчас у тебя обстоятельства?

— Весьма скромные.

— Отчего же это они такие скромные? Пьешь, что хочешь, даже из капитанских запасов, столуешься с офицерами, фокстаксели при этом налево не травя, что-то чиркаешь в пергаменте, а что начиркал, никто не проверял.

— Вы хотите сказать, что на судне имеется цензура?

— Я об этом говорил, и не раз. Когда веревочный хотел послать их судно на... я не велел. Не позволил писать такое флажками, осквернять флажки «Лавра».

— А уста?

— Что уста?

— Устно-то вы сами посылали, и не раз.

— Ну знаешь, брат, цензура есть цензура, она не всеильна, всюду не успевает. Но на флажки я всегда успею!

— Но на пергаменте я «чиркаю» отнюдь не флажками.

— А нам это нетрудно перевести! Чепуха! Эй, веревочный! Изобрази-ка флажками, чего там начиркал этот господин, а уж мы проверим, цензурно это или нецензурно. Давай-давай, тяни веревки!

— На все дело, пожалуй, флажков не хватит, — сказал веревочный Верблюдов, заглянув в пергамент. — Ну ладно, поехали с богом!

И он вытянул на веревках в небо первую фразу пергаменты: **ТЕМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.**

— Твердо, — читал капитан, — е-ё, мыслите... так-так, наш и краткое... кажется, прет явная нецензурщина како... **КРЕПДЕШИН НОЧИ...** ого! это образ! ...ильно, сильно написано, ну прямо Надсон, Бальмонт, Байрон, Блок и Брюсов сразу! Так-тэк. Живот, добро... **ЖИДКОЕ ТЕЛО...** достаточно.

Капитан дочитал фразу до конца и утомленно глянул на меня.

— Это ты написал?

— Выходит так, сэр.

— Ну и что ты хочешь этим сказать?

— Ну, дескать, ночь настала, — встрял неожиданно Кацман.

— Да? — удивился Суер. — А я и не догадался. Неужели речь идет о наступлении ночи? Ах, вот оно что. Но интересует вопрос: цензурно ли это?

Заткнутый лоцман помалкивал, а старпом и мичман, механик и юнга туповато глядели на веревки и флажки, но высказываться пока не спешили.

— Одно слово надо бы заменить, — сказал наконец старпом.

— Какое? — оживился Суер.

— Тело.
 — Да? А что такое?
 — Ну... вообще, — мялся старпом, — тело, знаете ли... не надо... могут подумать... лучше заменить.
 — И жидкое, — сказал вдруг Хренов.
 — Что жидкое?
 — И «жидкое» надо заменить.
 — А в чем оно нецензурно?
 — Да у нас всюду жидкости: перцовка, виски, пиво... могут подумать, что мы вообще плаваем по океану выпивки.
 — Заменить можно, — согласился капитан, — но как?
 Хренов и старпом посоветовались и предложили такой вариант:
ТЕМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖУТКОЕ ДЕЛО ОКЕАНА.

— Тогда и крепдешин надо менять, — сказал механик Семенов, — лучше уж сразу: «хрендешин!» И все ясно!
 — Литература есть литература, — пожал я плечами, — менять можно что угодно. Важно, как все это прочтут народные массы.
 — Важно? Тебе важно, как они прочтут? Ну и как же они прочтут?

— Они будут потрясены, сэр, поверьте.
 — Сомневаюсь, что эта фраза вообще дойдет до народных масс, — сказал Суер с легким цинизмом. — Это написано слишком элитарно. Для таких, как я или вот Хренов.
 — Знаете, сэр, — сказал я, — трудно доказать труднодоказуемое, но в данном случае доказательство налицо. Народные массы потрясены.

— Это насчет Чугайло?
 — Гляньте на остров, сэр!
 Да, друзья, на острове происходило нечто невообразимое. Нищие повскакивали с мест, размахивая костылями и протезами.

В середине стоял на камне какой-то толмач, очевидно, старый моряк, который, указывая пальцем на флажки, читал им по складам нашу скромную фразу.

Как громом пораженные разинули они свои искусственные рты, оттопыривали ладонями уши, силясь понять всю прелесть, остроту, музыкальность и образность нашей прозы, пытались постичь, зачем, почему, к чему, для чего, как относятся к ним слова, начертанные в небе флажками:

ТЕМНЫЙ КРЕПДЕШИН НОЧИ ОКУТАЛ ЖИДКОЕ ТЕЛО ОКЕАНА.

МИЛОСТЫНЯ

Воющая, орущая, свистящая толпа окружила нас и стала хватать за локти, за полы халатов, за рукава, за орденские ленты.

— Дай! Дай! Крепдешину! — орали многие.
 — Жидкого тела! Жидкого тела! — просили и другие.
 Каким-то образом некоторые узнали, что у Кацмана есть два фейерверка. Они дергали лоцмана за фалды с криком:
 — Подай фейерверк! Подай фейерверк!
 — А ну-ка цыц! — гаркнул Пахомыч. — Разойдись по местам! Сядь! Прось культурно! А то ни хрена, кроме хрена в небе, не получишь! Ясно? Кому говорю?! Заткнись! Не ори! А то сейчас живо-го Чугайлу с борта привезу! Он тебе подаст крепдешину в харю!

Нищие то ли напугались Чугайлы, то ли поняли, что хором нас не возьмешь, разошлись с легким ворчанием по своим законным местам и расселись в некотором скромном порядке.

Первым в этом чудовищном ряду сидел человек с деревянной рукой. Рука эта абсолютно бездействовала, а только тянулась к нам, однообразно приговаривая:

— Подайте человеку, у которого деревянная рука!
 Подайте человеку, у которого деревянная рука!
 Подайте человеку, у которого деревянная рука!
 Суер подал целковый.
 Старпом — гривенник.
 Я подал подавание.

Лоцман Кацман подал прошение об отставке.
 — В чем дело, Кацман? — спросил капитан. — Сейчас не время шуток, я бы сказал, кощунственных!

— Подаю, что могу, — отвечал лоцман, — кстати, этот человек богаче меня. При наличии деревянной, вырезанной, скорее всего, из жимолости руки у него имеются и две другие: левая и правая.

Наш деревянный нищий, действительно, отложив в сторону резьбу по дереву, свободно философствовал двумя другими руками, пересчитывая подавание.

— Такой феномен, — заметил я, — наблюдается в русской иконописи, где очень любима и почитаема чудотворная икона «Троеручица».

— Да-да, — припомнил Суер. — Богородица на этой иконе одной рукой младенца держит, другой — ласкает, третьей — благословляет. Этот же человек одной просит, другой берет, а третьей в карман прячет.

— Что же получается, голубчик, — сказал старпом, — вы нас обманули? Надули? У вас две живых руки, а вы нам подсунили деревянную!

— Зато смотрите какая резьба! — воскликнул нищий. — Сейчас уже так никто не режет! Кроме того, я не подсовывал, я только показал вам деревянную руку и попросил подавание. Вернуть гривенник?

— Милостыня есть милостыня, — сказал Пахомыч, — в конце концов, ваша третья рука всего лишь деревянная, хотя и зарабатывает больше других.

Дружески попрощавшись с троеруком, мы двинулись дальше и скоро подошли к человеку, который сидел в пыли и посыпал пеплом главу свою.

— Подайте на пепел, — говорил он, — подайте на пепел!
 — А зачем вам пепел? — спросил капитан.
 — Главу посыпать.
 — А что у вас мало пеплу, что ли? — спросил старпом.
 — Конечно. Я, конечно, как посыплю, потом собираю, но ветер развеивает, и расходы пепла имеются.

— А вообще-то, в чем дело? — спросил дотошливый лоцман.
 — В чем смысл этой посыпки?

— А вы что, сами не видите?
 — Да вроде не видим.
 — А вы присмотритесь повнимательней. У меня ведь глаза некрасивые!

— Некрасивые?
 — Очень.
 — Не заметно, — сказал лоцман, — пеплу много, а глаза нормальные. Конечно, не Бог знает что, не царица Савская, но вполне... глазенки.

— Это вам так кажется, — сказал некрасивоглазый, — на самом деле очень некрасивые, поверьте.

— Да хрен с ним, — сказал Пахомыч, — милостыня есть милостыня. Подадим на пепел, а с глазами пускай сам разбирается.

Старпом подал гривенник.
 Суер — целковый.

Я подал подавание.
 Лоцман подал прошение о помиловании.
 Некрасивоглазый прочел прошение лоцмана, достал из кармана синий карандаш и широким жестом написал поперек:

ОТКАЗАТЬ!
 Распрощавшись с некрасивоглазым, но находчивым в смысле лоцмана нищим, мы направились дальше.

Довольно скоро откуда-то из кустов конкордия мы услышали тоскливый призыв:

— Подайте нищему духом! Подайте нищему духом!
 Раздвинув хрупкие ветки, мы увидели человека, на вид совершенно нищего духом.

У него были пустые глаза, впалый лоб, плоские плечи, присутствующее в дальних странах выражение лица, отсутствующий взгляд, грубые ступни кожаных полуботинок, бессмысленные движения рук и ног, вялые квадраты клеток на ковбойке.

— Да-а, — сочувственно протянул старпом, — на вид совершенно нищий духом.

— Ну, может, у вас есть хоть немножечко духа? — спрашивал Суер. — Хоть капельку?

— Нету ни хрена, — отвечал нищий духом, — вы уж подайте мне милостыню, а то духу нету.

— А как же вы живете с духом-то с таким? — спросил лоцман.

— Да прямо сам не знаю. Мучаюсь ужасно. Главное, что я не только нищий духом — я еще и падший. Падший духом, понимаете? Это же просто ужас: и так-то духу нет, а он еще и падает! Кошмар, дорогие сэры! Короче, подайте, кто может.

Старпом подал гривенник.

Суер — целковый.

Я, как обычно, подал подаяние.

Лоцман подал руку.

— Это еще что такое? — спросил нищий духом, увидев руку лоцмана.

— Моя рука, друг, — отвечал Кацман, — вот что поднимет ваш дух сильнее злата!

— Вы думаете? — засомневался нищий духом, напряженно рассматривая лоцманскую ладонь в поисках хоть грошика.

— Да вы пожмите ее, — посоветовал лоцман.

Нищий духом осторожно взял лоцманскую ладонь, пожал ее, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Ну как, — спрашивал лоцман, — маленько поднимает?

— Да вроде нет, — отвечал нищий духом.

— А не укрепляет ли?

— Что?

— Да дух-то ваш.

— Нет, дух мой сломен окончательно.

— Ну тогда и хрен с тобой, дружище, — сказал лоцман, — если уж моя рука не помогает — никакие червонцы не помогут, — и он двинулся вслед за нами.

Мы приблизились к человеку, который монотонно твердил себе под нос:

— Подайте беженцу! Подайте беженцу!

И действительно, вид у него был загнанный, как у зайца.

Не успели мы к нему подойти, как вдруг он вскочил, затряс руками и плечами и, эдак дергаясь, кинулся стремглав бежать с криком «Отстань! Отстань, проклятый!» Пробежав круг с двести ярдов, он пал на землю.

— Подайте беженцу! — задыхался он.

— От чего вы бежите, друг? — доброжелательно спросил Суер.

— Я бегу от самого себя, сэр, — отвечал нищий, обливаясь потом.

— И давно?

— всю жизнь. И никак не могу убежать. Этот противный «я сам» все время меня догоняет. Да вы поглядите.

Он снова вскочил с места, закричал самому себе: «Отстань! Отстань, мерзавец!» — и рванул с места так, что песок брызнул из-под копыт.

Пробежав двести ярдов, он вернулся обратно и рухнул на песок.

— Вы видели, сэр? Видели? Мне удалось обогнать самого себя на тридцать восьмом скаку, но на семьдесят девятом эта сволочь снова меня догнала! Подайте, сэр, беженцу от самого себя.

Суер подал целковый.

Старпом — гривенник.

Я подал подаяние.

Лоцман подал пример достойного поведения в обществе. Он ходил, помахивая тросточкой, покручивая усы.

Несчастный беженец вдруг снова вскочил и на этот раз взял старт с большой ловкостью. Это был настоящий рывок рвача с места!

И вдруг мы с изумлением увидели, как наш беженец выскочил из самого себя, обогнал вначале на полкорпуса, на корпус, оторвался и, все более и более набирая скорость, ушел вперед, вперед, вперед...

— Не догонишь, гад! — орал тот, что убежал от самого себя, а тот, от которого убежали, орал вслед:

— Врешь, не уйдешь!

Дикие животные сказки

ЛА СКАЛА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Жаворонок Милочка, якобы всегда вставая раньше всех, заводила свой музыкальный будильник на четыре тридцать утра, но сама при этом не просыпалась.

Дело доходило до того, что она ставила свой будильник, допустим, на комод, а сама ночевала под столом на кухне, только чтобы не слышать звона.

Будильник, таким образом, звенел, все соседи постепенно просыпались, у лягушки Женечки бурлило в котлах, леопард Эдуард варил первую чашечку кофе, мышь Софа утаптывала новые опилки в комод и т.д.

А умная Милочка спала сколько хотела, а потом, отдохнувши на славу, она вставала, не спеша полоскала горлышко лимонной настойкой (все это под звон будильника), хорошенечко отхаркивалась и приступала к вокальным упражнениям уже соло, разумеется, отключивши будильник.

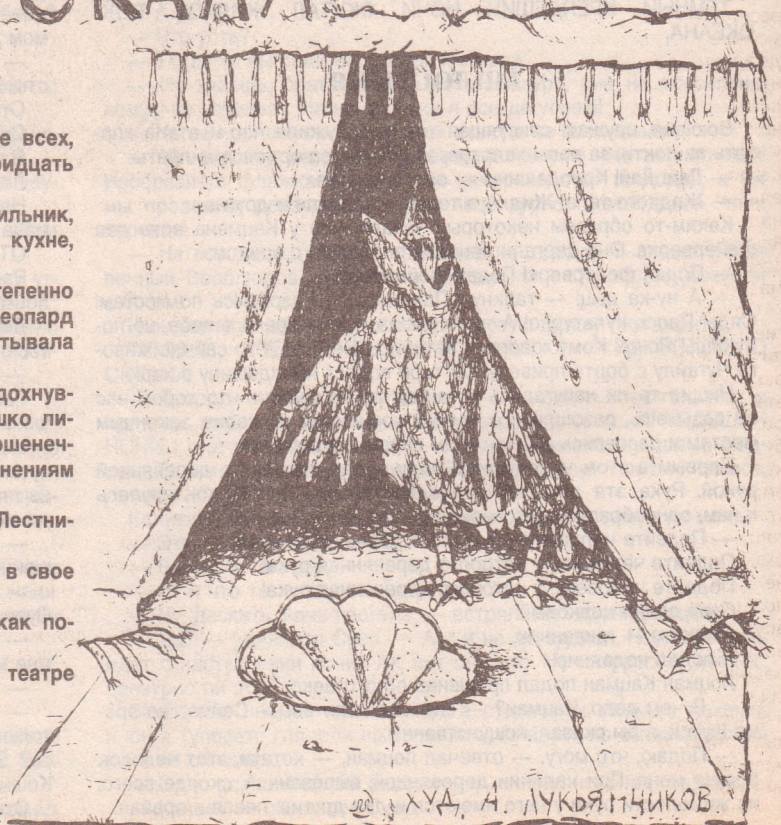
Она готовилась к поступлению в миланскую оперу «Лестница», что в переводе звучит как «Ла Скала».

То есть несмотря на то что жаворонок Милочка жила в свое удовольствие, репутацию она сохраняла безупречную.

Единственная заковка: она вынуждена была петь, как поет будильник, чтобы никто ничего не заподозрил.

А с таким пением не то что на лестнице, и в Большом театре нечего делать, где всяко поют, но не как будильник же.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—52, 1993 г., и в №№ 1—8, 1994 г.

Золотые руки

У дизайнера Ольги Погодиной золотые руки. Все, за что она берется, получается непривычным и элегантным, нарядным, но при этом весьма функциональным — словом, замечательным, будь то мебель, сделанная по ее эскизам, или торт с корицей, которым она меня угощала. Сама она, правда, все время застенчиво извинялась за несоответствия — только что переехала на новую квартиру, а мебель стоит еще прежняя. Типовые интерьеры для Оли исключаются. Она обязательно предпочтет стилю «от холдинга-центра» старые вещи, которые можно обновить, реанимировать, отреставрировать, обить новой тканью. Вот и сейчас на новую квартиру с ней переехал древний буфет, который и на балконе жил, где изрядно потемнел, и на кухне, где был расписан в цветочек; и в новом доме обязательно найдет себе место. Старая мебель уютнее, за ней стоят жизни, истории, у нее своя биография. Есть у Оли и граммофон — вполне действующий, с комплектом новых иголок, с набором любимых пластинок, которые, правда, пока не разобраны — лежат в коробке номер 16, иначе мне обязательно завели бы «Вальс цветов», с которым у Оли и ее мужа композитора Григория Ауэрбаха связана масса замечательных воспоминаний. Зато старые семейные фотографии — прадедушки и бабушки — уже заняли свои места на старинном пианино с подсвечниками. У них хорошие лица, как вообще у всех на снимках тех времен, когда заурядные провинциальные фотографы думали над композицией, улыбкой и наклоном головы своего персонажа не меньше, чем лучшие мастера «кодака» наших дней.

Основное применение Ольгины золотые руки нашли в типично женском и прекрасном занятии — шитье, то есть дизайне одежды. По первому образованию она театральная бутафор, и до сих пор технику вспоминается с любовью и весельем. Со Строгановкой, увы, по-другому — память тягостна и скучна, да умений особых институт тоже, кажется, не дал. Бросить институт не позволила привычка доводить все до конца — Ольга просто не умеет бросать дело на середине и всегда доделывает, причем на «отлично». По крайней мере, она — единственный известный мне человек, получивший за выпускное сочинение «пять с плюсом». Оно было в стихах, и понимающая учи-

тельница специально съездила в РОНО, чтобы необычный плюс попал в аттестат. Оле советовали журналистику, но больше тянуло к театру, отсюда и взялась театральное училище. Именно там ее научили массе вещей, которые потом пригодились в будущем призвании, сначала бывшем приятным хобби. Потом — первые выставки, в основном групповые в Манеже, волнения перед занудными художествами, «молодежка» Союза художников, работа в театре мимики и жеста времен Евгения Харитонава.

Вспоминать о тех временах Ольга может до бесконечности. Съёмки полулюбительского фильма: группа непрофессиональных актеров с театральным режиссером Олегом

Киселевым выехала в Крым, где по ходу сочинялся сценарий и тут же на пляже стрекотала машинка, шились костюмы. Фильм вместе с режиссером теперь в Канаде... Обязательный праздник — старый Новый год, карнавалы, целые театрализованные представления. Люди театра, они и в жизни актеры.

И сейчас каждый сшитый ею костюм — маленькое представление, история, хотя предназначены они в основном для жизни, а не для сцены.

...Женщина-дерево: прорези листвы на плечах, темное, облегающее ствол (то есть тело) платье. Проволочный браслет на руке — гнездо.

...Дамы и господа: пышная юбка, романтическая блузка с большим воротником, распи-

санным трогательнейшей картинкой свидания барышни и кавалера.

...Виноградная лоза: нежные нюансы сиреневых и зеленых переливов, аппликация и вышивка виноградных гроздьев, сквозь прорези протернут шарф-лоза, конфигурацию которого можно менять, то закрывая плечи, то повязывая вокруг талии.

Самое интересное и замечательное, что все это можно носить, швы серьезно обработаны, картинка не потечет от дождя.

Себе Оля шьет меньше всего — не доходят руки, изделия слишком трудоёмкие. Хотя как-то раз была с ней и такая история: в пятницу вечером ехала Оля домой в метро. Было на ней старое замшевое пальто, посмотрела на себя в темное стекло, где написано «не прислоняться», и поняла, что в этом пальто на улицу больше не выйдет. Дома в сумке нашлись плащевка, ватин и ситчик в «бабушкин» мелкий рисунок, правда, не подходящий по цвету — пришлось покрасить. К понедельнику было готово стеганое двустороннее пальто — их еще только начали носить. Монгольский стиль пальто-халата подчеркнула высокая остроколючая шляпа. Кстати, на это пальто заглядывались, потом ношеное-переношеное оно уехало в провинцию, где дослуживало свой век в каком-то спектакле на современную тему. Так задуманная для повседневной жизни вещь все-таки нашла свою дорогу на сцену.

От сцены Оле все равно куда не деться. Даже просто гуляя по Москве, она замирает не возле чего-нибудь, а возле высленного, с пустыми глазами дома — прекрасный задник декорации, на фоне которой можно было бы отлично провести «спектакль одежды».

Естественно, она делала вещи и для профессиональной сцены, ну а вещь, которая мне нравится больше всего, — сам спектакль, и неудивительно, что она безумно пришла по душе одной актрисе, которая ее и купила. Материал самый простой (но и самый модный) — неотбеленный лен, белые дополнения — шелковый цилиндр, перчатки, туфли. Узенькая юбка, длинный жакет-жилет с большим расплывшим воротником. О, этот воротник... На нем — целая история путешествия на паровозике из Ромашкино. И сам паровозик тут, правда, игрушечный, но стоит на рельсах, и по пути

Дизайнер Ольга Погодина в романтическом наряде из gobелена

Фото В. Шишова

его следования (по воротнику) можно увидеть и станции и поля, и леса, и забавные сценки. Особенно хорош стрелочник в доме у переезда, который украл с соседнего колхозного поля росток и вырастил из него огромный веселый подсолнух. Понятно, что эта вещь не просто для человека, у которого достанет куража ее надеть, но и для того, кто сможет полюбить чужую фантазию, обжить ее как свою собственную. У этих нарядов слишком сильный характер, они уживаются не со всеми подряд.

Непростой характер и у самой Оли. С одной стороны, она терпелива до кропотливости, старательна, как отличница. При этом и независима, не хочет подлаживаться к нужным, но неприятным людям, работать с теми, кто ей не нравится. Клиентов у нее немного, и все попытки переломить себя, найти выгодные заказы кончились практически ничем. Свели ее как-то раз с довольно известной актрисой. Та вынула из сумки изрядно помятую тряпку и сказала, гоняя жвачку во рту: «Пошейте мне пиджак к шестнадцатому, у меня важное выступление за границей». Оля и так и сяк: давайте что-нибудь придумаем, чтобы наряд поинтереснее был, а та отрезала: «Мне надо, чтобы на меня смотрели, а не на платье».

Нет, она ищет других людей. Таких, как ее немолодая приятельница, которая собирается на премьеру, как на премьеру — высоченные каблуки (а ей под семьдесят), свежая прическа, продуманный макияж. Поэтому и примерки получают творчески, и наряды — особенными.

Для работы Ольге нужно вдохновение: ведь художник, работающий с одеждой, отличается от художника, который пишет маслом, тем, что последний всегда может отгородиться от зрителя стеной — «я так вижу», а произведение дизайнера должно быть не только оригинальным и современным, но и на совесть сделанным — важен каждый шовчик, каждая деталь, «чтобы костюмчик сидел».

Детали — ювелирные украшения и сумки — она тоже придумывает сама, к каждому туалету особенные. Есть у нее, например, такая смешная сумочка — квадратный черный ридикюль с золотой фурнитурой. Фурнитура эта, между прочим (открою секрет, ведь защитить авторскую находку в нашей стране от плагиата все равно невозможно), из хозяйственного магазина: двер-

ная ручка и щеколда, которая закрывает «окошко» в сумке. И сама идея появилась там же — в хозяйственном, при виде блестящей россыпи мелочей, украшающих дом.

Идеи всегда спонтанны. Иногда это зрительный образ, иногда сон, иногда книга. Вот, к примеру, хочется сделать платье, навеянное той самой пластинкой «Вальс цветов», или наряд по мотивам Маркеса.

Часто замысел рождает чисто конструктивная идея: как соединить несоединимые ткани или, например, уложить плиссировку в фантастический узор сотен водоворотов (тут пошли в ход и клей, и игла с ниткой — каждая складочка прометана отдельно) или заставить подол топорщиться десятком конусов (пришлось даже геометрические формулы вспомнить). А о

том, какая все это работа, даже говорить страшно — все рукодельное. К тому же Оля невероятно аккуратна и тщательна, даже проверяет по справочникам, какой ширины должны быть швы, чтобы изделие соответствовало ГОСТу, то есть государственному стандарту.

Но сами Олины вещи нашему госстандарту все равно не соответствуют. Несколько раз она пыталась отнести свои платья (сшитые не для заказчиков, а так, в пространство) в художественные салоны. Оказалось, что времена привередливых худсоветов вовсе не прошли. И чего она только не наслушалась, стоя перед «высокой» комиссией, — и то, что синий с черным не сочетается, и то, что про такую деталь, как «баска», никто и слыхом не слыхивал, и то, что ткань дешевая, из бабушкиного сундука (это про самое модное, ради которого всю Москву пришлось обегать). Немало слез ей стоили эти худсалоны, и, как человек решительный, Ольга сказала, что туда больше не пойдет никогда и ни за что.

Единственный выход — она же мечта — свой салон. Салон с витриной, в которой движутся куклы, с магазинчиком, где обязательно играет музыка и с клиентами пьют чай, салон, где шьют не только на заказ, но и продают вещи, сделанные небольшими сериями — вроде расписных воротников, — ведь они доступны не только миллионерам. Мечта имеет даже конкретные адреса — это те витрины, которые ей и куклам очень бы подошли и которые, увы, принадлежат совсем другим магазинам и салонам. Есть и музыкальное сопровождение, которое создавало бы настроение, есть потенциальная команда мастеров — шляпница, скорняк, белешвейка, которые помогали бы воплощению масштабных замыслов. Нет, естественно, того, чего не хватает всем — одним до ручки, другим — для того, чтобы купить, наконец, все, — денег. Это вообще грустная тема, а особенно печальная тогда, когда талантливому человеку не хватает средств на хорошую творческую затею и когда из-за этого начинают опускаться руки. Даже если они золотые.

Марина ГЕОРГИЕВА

Кожаное платье и сумка

Комплект «Дерево»

Ольга ПОГОДИНА. Комплект «Путешествие»

Ольга ПОГОДИНА. Костюм «Менада» из серии «Виноград»

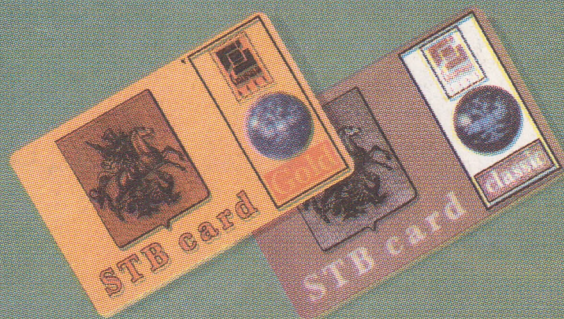
000 000 777 000

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК